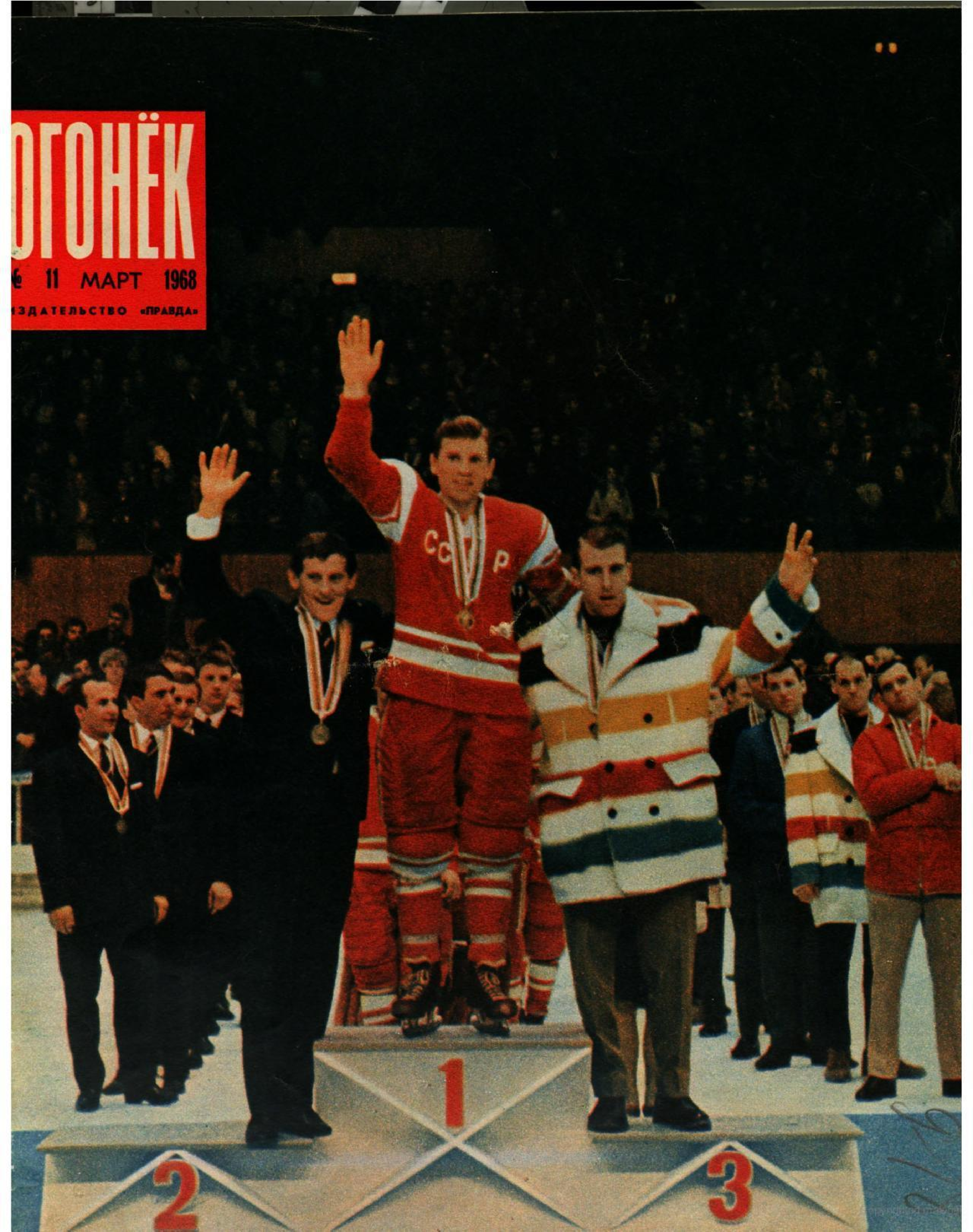

ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
СССР
1
2
3

Прекрасная штука — зима!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 11 (2124)

Основан 1 апреля 1923 года

9 МАРТА 1968

МАЛЬЧИК СЧИТАЕТ ЗВЕЗДЫ

Марат ЦЕБОЕВ

Фото К. КАСПИЕВА.

Павел Панков.

4 марта в Софию для участия в совещании Политического Консультативного Комитета государств — участников Варшавского Договора отбыла советская делегация в составе: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев (глава делегации), Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, Министр обороны СССР, Маршал Советского Союза А. А. Гречко, первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС К. В. Русаков. В состав делегации входит также посол СССР в НРБ А. М. Пузанов.

На снимке: проводы делегации на Киевском вокзале.

Фото А. Устинова.

ВСТРЕЧА

Консультативная встреча представителей коммунистических и рабочих партий продолжает свою работу в Будапеште. Они обсуждают вопрос о созыве нового международного Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, его целях и повестке дня, сроках проведения и методах подготовки.

Участники Консультативной встречи выразили единодушную поддержку героическому вьетнамскому народу, ведущему борьбу за свое освобождение, против наглой агрессии американского империализма. В братский Вьетнам было отправлено Послание солидарности. «Мы, коммунисты,— сказано в нем,— рассматриваем дело солидарности с борющимся Вьетнамом, как свой кровный интернациональный долг. От имени своих партий, от имени миллионов наших сторонников мы еще раз твердо заявляем о нашей непреклонной решимости оказать всю необходимую поддержку вьетнамскому народу, который находится на переднем крае вооруженной борьбы с империализмом... Вы можете быть уверены, дорогие товарищи, что помощь, которую оказывают вам социалистические страны, все трудящиеся мира, будет нарастать».

Представители коммунистов США и Аргентины, Австралии и Австрии, Южной Африки и Цейлона, Польши и Греции высказали свои точки зрения на необходимость широкого обсуждения назревших политических вопросов. По мнению этих партий, как и многих других, созрели все условия для проведения международного Совещания коммунистических и рабочих партий.

«...Международное Совещание,— сказал, выступая на встрече, глава делегации КПСС член Политбюро, секретарь ЦК КПСС товарищ М. А. Суслов,— сохраняя за каждой партией полную самостоятельность, дает возможность для согласования действий коммунистов всех стран мира».

М. А. Суслов указал на ряд важных изменений, произошедших в мире за последние годы. Они открывают новые возможности для подъема революционного движения. «...Реализация этих возможностей,— отметил он,— в огромной степени зависит от мирового коммунистического движения, от его способности учитывать особенности переживаемого периода, совершенствовать свою политическую линию и обогащать тактику, сплоченно выступать против империализма и реакции».

По мнению Польской объединенной рабочей партии, необходимость в таком Совещании вытекает как из интернационального характера коммунистического движения, так и из нынешнего международного положения, характеризующегося растущей агрессивностью империалистических сил.

СПЛОЧЕННОСТЬ

4 марта в Москве закончил свою работу XIV съезд профессиональных союзов СССР. Делегаты съезда обсудили отчетные доклады ВЦСПС и ревизионной комиссии. В прениях выступали передовые рабочие и новаторы производства, инженеры и ученые, руководители предприятий, центральных государственных органов и общественных организаций, коммунисты и беспартийные, представители всех поколений советских тружеников.

Выступавшие активно поддержали положения доклада ВЦСПС, внесли много ценных предложений, справедливо критиковали существенные недостатки в работе профсоюзных и хозяйственных организаций. Профсоюзы считают своим долгом и впредь оказывать всемерную помощь партии и правительству в деле дальнейшего улучшения условий труда, быта и отдыха трудящихся, повышения их жизненного уровня.

Съезд продемонстрировал сплоченность советских профсоюзов вокруг Коммунистической партии. На заключительном заседании съезда присутствовали руководители партии и правительства. С большим воодушевлением участники съезда приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

4 марта состоялся пленум ВЦСПС, который избрал президиум ВЦСПС. Председателем ВЦСПС избран А. Н. Шелепин.

МАЛЬЧИК СЧИТАЕТ ЗВЕЗДЫ

Павлик любил смотреть в ночное небо. Голубоватым светом мерцали звезды. «Вот бы пересчитать их все до единой,— думал мальчишка.— Вырасту большой — обязательно сосчитаю». «Это невозможно»,— сказал папа. «Все равно сосчитаю».

Его любимыми игрушками были цифры. Он рисовал затейливые узоры из цифр. Тогда ему было четыре года. Когда исполнилось шесть, увлекся геометрией.

Первую грамоту Павлик Панков получил на городской математической олимпиаде, когда он учился в пятом классе. Затем семейный архив пополнился еще шестнадцатью грамотами.

И все шло хорошо, спокойно и без особых происшествий. Только скучновато стало учиться в школе: сидеть на уроках алгебры и тригонометрии, а думать о дифференциальных уравнениях. А почему бы не закончить школу пораньше? Сдают же люди экзамены экстерном за два класса. Значит, можно и за три. Все экзамены за девятый, десятый и одиннадцатый классы Павлик сдал на «отлично», хотя числился в восьмом классе.

Учебный год еще не кончился. Дисциплина есть дисциплина. И четырнадцатилетний Павлик продолжал ходить на уроки в восьмой класс с аттестатом зрелости и золотой медалью.

Сейчас он учится в университете, на 4-м курсе механико-математического факультета. Ему 17 лет.

Вот что рассказал мне о Панкове декан факультета Петр Иванович Денисов:

— Однажды на наш факультет поступила работа по аналитической геометрии. Нужно было дать рецензию. Я дал заключение, что если работу расширить, то она будет пригодна к опубликованию. Видно было, что автор не новичок в математике. Я был уверен, что работу выполнил человек, имеющий непосредственное отношение к этому предмету. Рецензию я передал на кафедру алгебры и геометрии. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что автор работы — школьник!

А недавно весть об успехе Павла облетела всю страну: «Семнадцатилетний студент Павел Панков из Киргизии по-новому решил сложнейшую математическую задачу, которая долго не давалась группе французских ученых, выступающих под псевдонимом Никола Бурбаки».

Это первая большая победа юного математика. Скоро выйдет в свет оригинальная работа Павла Панкова «Единичные цепные дроби».

С Павлом Панковым я встретился в вычислительном центре Академии наук Киргизской ССР. Честно говоря, я представлял его совсем иным. А он оказался высоким, крепким, жизнерадостным парнем, с наивно-детской лукавинкой в глазах.

Дабы придать разговору математический уклон, я попросил Павла рассказать, как он работает на вычислительной машине.

— Очень просто. Дается задача. Составляется алгоритм решения. Потом... Знаете что, давайте придумаем простую задачку, а она,— он кивнул на вычислительную машину,— мигом ее решит.

Отлично. Задачу так задачу. Я порылся в блокноте, отыскал самую солидную цифру: 1 846 000. Столько тонн сахарной свеклы да-

КОММУНИСТОВ МИРА

Коммунисты Турции рассматривают проведение такого Совещания как интернационалистскую обязанность. «Мы считаем необходимым,— сказал первый секретарь ЦК Коммунистической партии Турции Якуб Демир,— обменяться опытом, накопившимся в мировом коммунистическом движении за семь лет, прошедших со времени проведения международного Совещания 1960 года, а также совместно рассмотреть и проанализировать в свете марксизма-ленинизма и решений Совещаний 1957 и 1960 годов новые явления в международной обстановке».

В ходе дискуссии между Сирийской коммунистической партией и Румынской коммунистической партией возникли разногласия. Делегация СКП согласилась исключить из протокола ту часть своего выступления, которая была опротестована представителями РКП. Тем не менее делегация Румынской коммунистической партии покинула заседание и вернулась в Бухарест. Относясь к этому с сожалением, Консультативная встреча продолжила работу ради достижения своей цели — подготовки международного Совещания коммунистических и рабочих партий в интересах единства международного коммунистического движения, борьбы против империализма и борьбы за мир.

Большинство выступивших делегатов встречи склоняется к тому, чтобы местом проведения Совещания стала столица Советского Союза. Ряд делегаций поддерживает предложение о том, чтобы нынешняя Консультативная встреча учредила комиссию по подготовке международного Совещания.

С огромным вниманием относится весь мир к будапештской встрече. Для освещения ее работы 17 телеграфных агентств, 28 радио- и телевизионных компаний, свыше сотни газет послали в столицу братской Венгрии своих корреспондентов.

Реакционная печать стремится исказить и извратить факты, распространяя лживые слухи и охотясь за несуществующими сенсациями. Но день за днем приносит новые свидетельства неопровержимого стремления коммунистов всего мира к сплочению. В этом сплочении залог дальнейших успехов государств победившего социализма, нового роста и упрочения коммунистических и рабочих партий в странах капитала, крепнущих надежд национально-освободительного движения в Африке, Азии и Латинской Америке.

«В единстве — сила» — так гласит народная мудрость. А у коммунистов есть и свой славный лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Будапешт. Консультативная встреча представителей коммунистических и рабочих партий. На снимке: глава делегации КПСС член Политбюро, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов и член делегации секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

Телефото МТИ — ТАСС.

Московские пионеры и школьники приветствуют делегатов XIV съезда профсоюзов СССР.

Фото А. Гостева.

Делегат съезда К. Г. Гребенникова, швея из Донецка.

Гость из Южной Родезии Аарон Ндлову.

ли стране свекловоды Киргизии в юбилейном году.

Ну-ка, машина, считай, сколько стаканов сладкого чая выпьет каждый читатель «Огонька», если в стакан будет опускаться по три ложки сахара, выработанного из киргизской свеклы.

Тираж «Огонька» известен — 2 миллиона. Вес одной чайной ложки сахара мы определили в химической лаборатории на электроаналитических весах. Чтобы узнать еще кое-какие данные, позвонили в республиканское статистическое управление. Все данные запрограммировали и занесли на перфоленту. Машина, прошелестев своими электронными извилинами, ответила: 5 095 стаканов сладкого чая.

— Если по одному стакану в день,— быстро подсчитал Павлик,— то на 14 лет хватит каждому читателю.

...Мы шли с Павликом к нему домой. Звездочки снежинок медленно падали на влажный асфальт, на стройные тополя и на продавцов шашлыков, которых так много во Фрунзе. Павел рассказывал о своем городе, об озере Иссык-Куль, куда Панковы ездят всей семьей почти каждое лето, о том, что его папа, Сергей Сергеевич, заканчивает работу над телевизионным фильмом «Здравствуй, Киргизия!». Фильм будет о республике, о ее чудесной природе. Отец Павлика в этом фильме и режиссер, и композитор, и автор текста. А вообще-то он инженер-энергетик.

Мы остановились у маленького домика.

— Проходите, я придержу Дамку. Дамкой нашу собаку зовут.

Во дворе стояло огромное, выше человеческого роста, сооружение из снега. Павлик объяснил, что этот снежный дворец они построили с сестренкой Катей. Снегу в этом году в Киргизии на редкость много.

Дома разговор, естественно, домашний: кто чем увлекается, чему отдает свободное время.

— Ну, Павел, конечно, и дома остается математиком? — сказал я.

Оказалось, вовсе нет. Павлик занимается лепкой и рисованием, в детстве строил из конструкторов экскаваторы, машины, подъемные краны. В семье Панковых любят музыку. Отец и шестиклассница Катя играют на фортепьяно. А Павлик еще в школе учился играть на аккордеоне. Даже, опираясь на законы гармонии (все-таки математика!), сам сочинил «Пионерскую польку». Но его мама, Нина Павловна, почему-то утверждает, что медведь наступил Павлу на ухо.

Нина Павловна принесла из другой комнаты картонную коробочку и какой-то круглый предмет.

— Катенька в третьем классе хотела стать врачом,— объяснила она.— Павлик лепил для нее из пластилина... Посмотрите сами.

В коробке лежали старательно вылепленные по анатомическому атласу человеческий мозг, черепная коробка, сердце, легкие, мышцы.

— А это он смастерил, когда сдавал экстерном экзамен по астрономии.— Нина Павловна протянула мне круглый предмет. Это был макет Луны со всеми известными кратерами. Обозначено тут и место приземления первого советского лунника.

Президент Джонсон напутствует американских солдат, которым предстоит...

...такая судьба.

Фото из журналов «Лайф» и «Кунк».

НАСЛЕДСТВО ДЛЯ КЛАРКА КЛИФФОРДА

Александр СЕРБИН

«МЕДАЛЬ СВОБОДЫ» — ДУШИТЕЛЮ СВОБОДЫ. Министру обороны Соединенных Штатов Роберту Макнамаре — теперь уже бывшему министру — выдали медаль. Выдали под занавес, опустившийся над его карьерой, за день до того, как он освободил кабинет в Пентагоне для своего преемника. Церемония вручения была обставлена торжественно: она происходила в Белом доме, и сам хозяин его собственными руками украсил грудь Макнамары высшей гражданской наградой США — «Медалью свободы».

Можно посмеяться над тем, что награда была вручена тогда, когда американские вояки потерпели самые крупные поражения на земле Южного Вьетнама за годы своей агрессии. Можно поиронизировать по поводу того, что гражданской медалью был награжден человек, который все помыслы и всю деятельность свою направлял на войну, на расширение масштабов убийств. Можно, наконец, подчеркнуть лицемерие тех, кто выдал Макнамаре награду, в названии которой употреблено слово «свобода»,— ведь бывший военный министр возглавлял военный механизм, созданный для того, чтобы душить свободу народов, и Макнамара убедительно доказал это во Вьетнаме.

Но главное не в этом.

Макнамара, одна из основных фигур в военной авантюре США во Вьетнаме, уходит со своего поста не с развернутыми знаменами победителя, а с унылым белым флагом побежденного. Семь лет он наполнял кабинеты Белого дома и Пентагона, залы для пресс-конференций и газетные полосы барабанным боем обещаний победы на полях сражений во Вьетнаме. Вокруг него создавали — по лучшим законам американской рекламы — ореол искусного военного стратега. Его превозносили как мудрого администратора. О нем говорили как о самом могущественном министре при дворе Джонсона. Считалось, что Макнамара — «абсолютный супермен, неспособный совершить что-либо неправильное». Эти слова, между прочим, принадлежали конгрессмену Дэруорду Холлу, республиканцу, то есть противнику Макнамары по партии.

Теперь это все забыто. И эпитеты и сравнения. Ореолы растаяли в воздухе.

И главное в церемонии в Белом доме заключалось в том, что она была похожа на похороны. А сама медаль сильно напоминала пинок, который получает слуга от хозяина за плохо сделанную работу.

Макнамара ушел. Но остались все проблемы, которые были при нем, которые он в меру своих способностей создал для Соединенных Штатов. Наследство Макнамары состоит в агрессивной военной политике Пентагона. Основное в этом наследстве — война в Юго-Восточной Азии.

КЛАРК КЛИФФОРД IX Пост министра обороны был создан в США в 1947 году, после принятия так называемого закона об объединении вооруженных сил. Первым занял этот пост небезызвестный Джеймс Форрестол, представитель фирмы с Уолл-стрита «Диллон, Рид энд компани». С тех пор стало традицией, что во главе военного ведомства США становятся посланцы крупных монополий, «военно-промышленного комплекса», как это называют в Соединенных Штатах. Макнамара вступил в Пентагон, встав с кресла президента компании Форда. Кларк Клиффорд, девятый по счету министр обороны США и наследник Макнамары, тоже не испортил борозды. Он согласился взять руль правления военной политикой США, будучи главой адвокатской фирмы «Клиффорд энд Миллер», расположенной в Вашингтоне, недалеко от Белого дома.

Эта фирма хорошо известна американским монополиям. В числе ее клиентов состояли и та же «Форд мотор компани», и «Стандард ойл оф Калифорния», и «Дженерал электрик компани», и «Дюпон де Немур», и «Радио корпорейшн оф Америка», и другие. Компании, пользовавшиеся услугами Клиффорда, не были обижены Пентагоном: в прошлом году многие из них получили многомиллионные контракты от военного ведомства США.

Впрочем, об этом треугольнике — «Клиффорд — монополии — Пентагон» — в американской печати пишут и открыто говорят мало. Пресса и те, кто выдвинул Клиффорда, заняты другим: новому министру обороны стараются создать «условия для работы», то есть представить его перед страной идеальным человеком для того, чтобы командовать Пентагоном. Все повторяется так, как уже делалось раньше.

Как и о Макнамаре в прошлом, о Клиффорде сейчас говорят в превосходных степенях. Сенатор от Алабамы Джон Спаркмен провозгласил: «В Америке нет ни одного человека, который бы более подходил и был лучше подготовлен к роли министра обороны, чем Кларк Клиффорд». Как и в Макнамаре, в новом министре восхваляют деловые качества «истинного американца» — умение делать деньги. Сам Джонсон сообщил своему окружению, что Клиффорд сумел за прошлый год нажить на своей юридическо-предпринимательской деятельности больше миллиона долларов. И так же, как о Макнамаре, о Клиффорде говорят, что он является близким другом президента.

Последнее полностью соответствует действительности. Американская печать сообщала, что еще на посту главы адвокатской фирмы Клиффорд трижды в неделю посещал Джонсона для приватных бесед, а президент не раз удостаивал своим присутствием интимные ужины в доме адвоката. Из тех же источников известно, что речь там нередко шла о Вьетнаме.

ЧТО ДЕЛАТЬ С НАСЛЕДСТВОМ? Война во Вьетнаме будет занимать основное место в деятельности нового министра обороны. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» пишет, что «регулярной» работой в Пентагоне станет заниматься помощник Клиффорда, а сам он «вместе с президентом сосредоточит внимание на Вьетнаме и других проблемах первейшей важности».

Встает вопрос: как же собирается Кларк Клиффорд решать эту главную проблему?

Клиффорда нельзя назвать новичком во вьетнамских делах. Его заинтересованность в них прослеживается давно. Еще в 1965 году он выступал на эту тему, призывая не допускать паузы в бомбардировках Демократической Республики Вьетнам. В 1966 году он вместе с президентом Джонсоном присутствовал на совещании в Маниле, где США и их союзники-марионетки обсуждали вопрос о расширении войны на вьетнамской земле. В 1967 году Клиффорд вместе с генералом Тейлором, бывшим послом США в Южном Вьетнаме, совершил рекрутскую поездку по странам Южной Азии, вербуя новые военные контингенты «союзников» для продолжения американской агрессии. Наконец, по сообщению журнала «Ньюсуик», ныне Клиффорд советует президенту «позабыть о мировом общественном мнении и добиваться военной победы».

Но 1968 год войдет в историю героической борьбы вьетнамского народа и бесславной агрессии США особо. Начало нового года и вступление Клиффорда на главный пост в Пентагоне ознаменованы сильнейшими ударами вьетнамских патриотов по американским интервентам. Руководители агрессии переживают ныне крушение иллюзий своей безнаказанности за преступления против вьетнамского народа.

Год назад, в феврале 1967-го, глава группы объединенных начальников штабов генерал Эрл Уилер заявлял: «В этот период года мы с удовлетворением отмечаем значительное улучшение военной ситуации во Вьетнаме по сравнению с тем, что было год назад. Я уверен, что через год наш военный прогресс будет таким же большим или, возможно, еще большим».

Ныне генерал Уилер вынужден был отправиться в Таиланд, чтобы выбить подкрепление для потрепанных американских вооруженных сил и от имени генерала Уэстморленда ходатайствовать о посылке подкреплений в Южный Вьетнам.

Правда, сейчас агрессоры несколько оправились после поражений — не в военном, а в психологическом смысле. И тот же Уэстморленд, доставшийся Клиффорду от Макнамары по тому же вьетнамскому наследству, призывает: «...Пришло время, когда все должны прекратить споры, сомкнуть ряды, засучить рукава и продолжать работу». В Вашингтоне, конечно, не сомневаются в готовности Уэстморленда продолжать свою кровавую работу с засученными рукавами. Но вот вера в стратегические таланты Уэстморленда уже серьезно поколеблена, и в печати США сейчас открыто поговаривают о Уэстморленде как о не весьма ценной доле наследства Макнамары.

В компании с битым американским генералом и с планами военной победы предшественник Клиффорда кончил позорно.

Воспримет ли Клиффорд Уэстморленда и его программу?

...А пока Кларк Мак Адамс Клиффорд, бывший адвокат, 61 года, проветривает в Пентагоне свой кабинет, выходящий окнами на реку Потомак. Проветривает потому, что в нем сильно пахнет позором и поражением.

Николай БЫКОВ

Фото А. Бочинина.

Солнцеворот

Земля орловская, многострадальная наша серединная земля!..

Сырой западный ветер налетает из-за Брянских лесов. Про такой говорят: «По снег пришел, что захватит — с собой унесет». Да немного он еще захватывает. По утрам морозко озорует, аж слезу выжимает, инеем выбеливает морды потных лошадей. А снегá лежат покойно — будто ни к чему им молодой март, и все вокруг такое еще призамерзшее, кажется, что и солнце, нахолодавшее за зиму, не меньше нашего нуждается в тепле да ласке. Отрешенно, словно со всем наперед согласные, лежат снега в полях. Но вот налетает сырой западный ветер, и старый снег молча поддается, незримо оседает, наливается синей водой. С каждым полднем все выше санные дороги. И высвобождаются из плена заметей-сугробов избы в частых по этим местам деревнях. Нагревается с полуденной стороны темное невеселое дерево жилищ и дворов, срываются с удивленным вскриком истончившиеся сосульки, трубно кричат гуси, а ребятишки в минуты школьных перемен выскакивают на солнечную сторону без пальтишек и уж, конечно, без шапок.

В просторной избе бабушки Матрены Николаевны, куда нас определили ночевать, стелет утро солнечные половички. Пахнет горячими картошками, высыпанными из чугунка. За окном—воробьи, мартовские соловьи. Матрена Николаевна не спеша передает деревенские новости. Не верится, что ей уже восемьдесят шесть. Она, наверное, больше нашего радуется близкой весне, но опыт поколений остерегает ее доверяться первой оттепели, потому и говорит нам бабушка не без озорства: «Марток — надевай двое порток»... Мол, еще и мороз себя окажет, и метелица с дальним путником до слез поиграет...

Присказка рассмешила. А Матрена Николаевна включила новенький радиоприемник, чтобы сверить ход своих ходиков с голосом из Москвы, а ей навстречу песня: «Мама, мама, это я дежурю, я — дежурный по апрелю!» «Ишь, и там дяжурства, мамке жалится...» — не пропустила песенной фразы бабушка. В деревне сейчас самый растел, на каждой ферме каждую ночь трудные дежурства возле не растелившихся еще коров. И каждое утро — новая радость. То одной, то другой доярке скотник говорит по утрам: «С прибылью! Значит, с тебя причитается...»

В редких по этим местам клубах и в школах шумят сходы — бригадные и отчетные годовые собрания колхозников; корма к концу подходят, и зоотехники увеличивают дачу соломы, а в мастерских все торопливее стучит железо о железо, там люди в замазученных телогрейках ладят машины к первым полевым работам. И это все — весна.

— Хорошо, грех жаловаться,— рассказывает памятливая на прожитую жизнь Матрена Николаевна.— Теперь чего не жить! Построились, колхоз приемник подарил, а уж телевизор сами купили... Не слышали, когда отчетное-то?.. А нынче какое?.. Скоро. Как у них с кормами? В эти года дожжок кормящо потрачивает... Ну, да вы не слушайте старуху!

Давно я приметил, что вот так, в первые минуты знакомства с незнакомым до того человеком, узнаешь самое главное, самое значительное. И позже разговор будет, но будет он то и дело возвращаться к тому, что открылось в самые первые минуты встречи.

Бабушка Матрена Николаевна сразу заговорила о новом доме — осилили, о погибших на той войне сыновьях, о телевизоре в красном углу (иконы пришлось перевесить)— грех, грех, а смотрит бабушка передачи да еще и комментирует: «У нас тоже есть Старшинов, бригадиром...»

Первые разговоры в правлении колхоза «Память Ленина», что под самым Хотынцом, тоже сразу предопределили главное в командировке: орловская деревня не та, что была три года назад. Накануне привезли деньги, и начался окончательный расчет с колхозниками за минувший год. Ну и разговоры, естественно, вокруг оплаты, доплаты и расплаты. Каждому свое. Кассир Маруся, младшая дочь нашей хозяйки, бабушки Матрены Николаевны, сказала на бегу: есть такие, что и по две тысячи под расчет получили. А если брать в среднем, то каждому трактористу за месяц вышло по 110—116 рублей...

Председатель правления Макар Яковлевич Савичев наскоро принимает посетителей: в поле спешит. Кабинет у него маленький, за печкой, на пару с агрономом Василием Тихоновичем Климушкиным. Тесно еще и оттого в их комнатке, что пришлось разместить в красном углу п я т ь почетных знамен! Это все за труды праведные. К слову, колхоз в канун 50-летия Советской власти награжден орденом Трудового Красного Знамени.

— Но теперь это все история,— ставит точку Макар Яковлевич.— Ишь, петухи надрываются. Будет весна ранняя! На-кось, агроном, бумажку, из района тебе, чтобы ты снег задерживал... Вы там, в городе, не слыхали — им, районщикам, как платят за бумажки? Поштучно или от веса? — Последние вопросы к нам, приезжим.

Агроном Василий Тихонович принял инструкцию, сунул под кипу таких же бумаг — теперь он знает, что снег в поле рекомендуется задерживать. Но снег уже сходил...

Под стеклом на столе председателя письмо: «Я прочитал Вашу статью в одной из центральных газет, из которой узнал о быстро развивающемся хозяйстве. Мне пришла в голову мысль обратиться к Вам с просьбой, возможно, у Вас имеется такая возможность оказать нашему совхозу пролетарскую помощь, продать семян клевера, сколько можете, за деньги... Директор...»

— Ну и как? Продали? — спрашиваю у председателя.

— Вы о пролетарской помощи? Сами ищем. У нас клевер только одноукосный, так что сами ищем... Ты, Василий Тихонович, культурно ответь... Совхозу семян не дают, а где же нам, колхозникам, тогда взять?

— Прибедняетесь, Макар Яковлевич,— кротко улыбнулся агроном.

Колхоз «Память Ленина» достает почти все, что ему нужно. Правда, нынче с удобрениями небольшая осечка, только что агроном кого-то по телефону упрашивал: «Добавьте селитры! Вы хотите, чтобы мы не получали урожаев, но мы их все равно будем получать! Нет, вы не рады, вы делаете все, чтобы мы получили меньше достигнутого...» Есть колхозы, которые не вывозят причитающиеся им удобрения: нет зимой дорог, мало своих автомашин, нет складов или хотя бы навесов. В районе все, что плохо лежит, разбирают такие хозяева, как Макар Яковлевич. Он и агроном давно дружат с работниками старой, весьма заслуженной селекционной станции — Шатиловской, значит, и лучшие семена, новые сорта — им.

— Мне ничего не жалко — ни сил своих, ни денег колхозных, только мне хочется обогнать, хоть на горсть зерна, да обогнать Шатиловку! У них давеча намолотили зерновых на круг по двадцать пять центнеров, а мы по двадцать! Разница, со стороны глянуть, небольшая, но как же трудно дадутся, змей их возьми, эти пять центнеров!

Шатиловцы охотно помогают колхозникам. Сорт за сортом получают на станции, а Макар Яковлевич — к себе, к себе. Он всяко привечает селекционеров и сам наезжает к ним.

— Сорт не завозят, нет, сорт надо п р и н я т ь. Ему землю надо не давать, а готовить! Да немногие наши соседи считаются с этим. Землю до того запустили, что тут и славная «мироновская» не дает больше десяти центнеров! Зачем же, змей тя возьми, на т а к о й неухоженной земле за модным сортом гнаться? О ней, о земле, змей, подумай,— загорелся Макар Яковлевич, помолодел даже.

О земле вся забота старого, с довоенным стажем председателя. Не секрет, земля в этих местах бедна, супесь либо суглинок. Болота вокруг, мелколесье. А хлеб брать надо, хлеба никто не привезет. Вот он и шлет гонцов во все края — за удобрениями, машинами, запчастями, за сортовыми семенами. В обмен, за деньги, христа ради, в очередь и без очереди — как угодно — в дом, в дом.

— Мы чем держимся? Торфом! Сейчас поедем, покажу. Сначала женщины, по грудь в воде, лопатами копали, теперь собственным экскаватором (не выговоришь, змей его возьми!) черпаем, да на машины, да на фермы — под коров. Технология тут нехитрая. Неделю на ферме держим торфяную подстилку, а потом ее в бурт — компостировать. А компост — на поля. Отличная органика, змей ее возьми! Тем и держимся. Поехали?

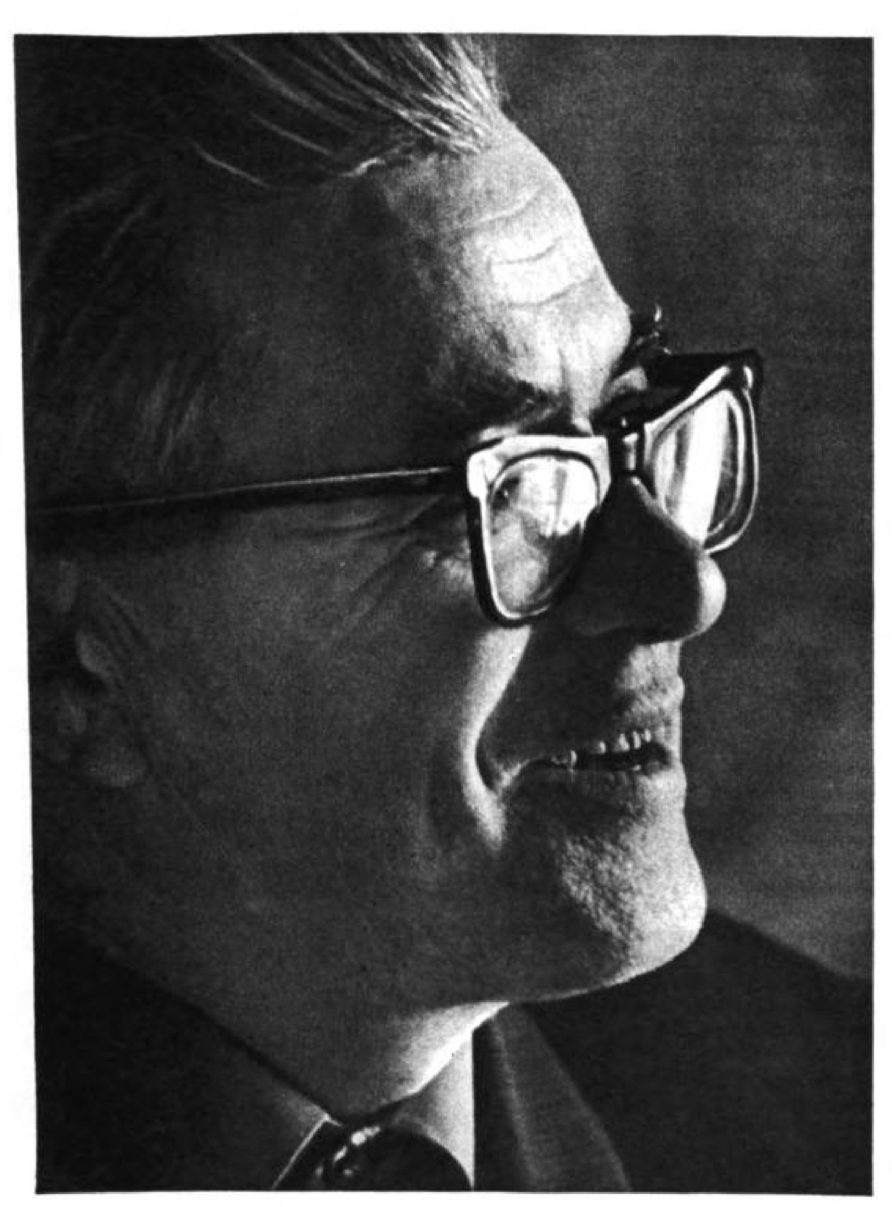
А люди все входили и входили. И вот вошел мужик, сразу видно, с бедой. Корова пала. Прежде это была беда почти непоправимая. Теперь тоже беда, но та, которую можно пережить. Макар Яковлевич спросил, отчего пала корова, и тут же:

— Денег хочешь выписать? Сколько?

— Да немного, рублей пятьдесят мне не хватает, уж пожалуйста.

— О чем разговор! Да не мало ли берешь?

— Хватит. Страховку выплатят — без десяти рублей триста, свои сто кладу, небось, без хлеба не останусь! А остатние прошу добавить, пятьдесят как раз.

Макар Яковлевич Савичев.

Председатель подписал бумажку в кассу — и беда вроде не беда, а тяжкий непредвиденный расход...

Вошел человек с обидой: работал год, а получил мало. Мужик еще не старый, плотник.

— Нет ли тут обмана? — хитро спрашивает председатель.

— Обмана нет, а только баба моя вчерась больше мово денег в дом принесла,— как-то недобро отвечал плотник.

— Так у нее, змей тя побери, и работа тяжелее! Она за труды свои великие получила!

— Я чего, я ничего, а только не желаю, чтобы она денег больше мово приносила...

— И правильно не желаешь! — подхватился Макар Яковлевич, да так-то натурально, что плотник, чуя подвох, шагнул подальше от его стола.— Иди на бабью работу! А это значит на тяжелую, на ручную, значит брать посконь, прорывать свеклу, копать ее до покрова — в дождь и в снег! Пойдешь? Только у них, у баб, без перекуров! Учти, змей тя!..

Махнул плотник рукой, ушел со своей обидой. Интересно, посмотрит он сегодня на свою жену поновому?

И уже когда выходили на вольный воздух, еще один мужик:

— С просьбицей я, с малой. Макар Яковлевич, на телевизор бы. Сразу и купил бы, немного и добавить-то надо!..— Председатель подписал...

Первые разговоры, пускай отрывочные фразы — они как ключ к сложным будням девяти деревень колхоза «Память Ленина». Тут и поправимая беда одного, и общая радость, и заботы председателя, и нелепость бумажек из района, и знамена в углу, и орден на одном из них, и проблема женского труда...

— Тысяч сорок рублей за год вот так крутятся у нас,— пояснил председатель.— Колхоз выписывает по любой, даже по малой просьбишке и по великой нужде. Потом люди вносят в кассу. Теперь ничего, а было — упрекали меня за такую финансовую недисциплинированность — и не выговоришь, змей ее побери! Да, стращали, но я-то пуганый. Я так всегда рассуждал: куда мужик пойдет, если ему свой же колхоз не поможет? Кто тогда ему поможет? Давно бы надо не словами, не справками, а экономически привязывать человека к его колхозу. У нас в деревне все друг о друге все знают. Вот просил человек денег на корову, а я уже знаю, где он ее присмотрел и что берет он корову молодую, четырех телят, а сторговался за четыре с половиной сотни, да в павшей корове весу без малого центнера четыре. Знаю и вижу, что мужик не обманывает, а думает, как жить ему дальше, как беду пережить. Умно ли такому отказать? Ни в жисть не откажем, змей тя забери!..

Деревня и раньше сильна была общиной, сильна была миром. «На миру и смерть красна»,— не зря говорили. Да только в том-то и мудрость, что мир до смерти не допустит. Миром да общим советом, разумом держалась дружная деревня. А там, где «обчества» не получилось, где его разъела ржа и корысть мироедов, там и деревню преследовали неудачи, разор, там жил-бедовал каждый сам по себе, как развязанный веник, что можно по прутику переломать. И еще думается, что сельскохозяйственная артель потому и страдала нередко от разного рода наскоков и любителей реформ, что нестойко она, неартельно порою держалась. Ту же мысль как бы развил и Макар Яковлевич:

— Оставайтесь на отчетное. В новой школе будем проводить. Народ придет! Все больше интереса к тому, сколько доход составил, чего и где сеять будем, что на поле растет, оттаивает душа крестьянская, есть ее еще немножко! — снова как бы прибедняясь, говорил Макар Яковлевич. Говорил напористо, молодо и одновременно хитро. И вдруг чему-то своему рассмеялся:

— Я здешний родом, мужицких кровей. Комсомольцем был мобилизован на коллективизацию. Мобилизован — как на войну, слышь. Вот и думай. Избрали меня председателем, а лет мне и двадцати пяти не было. Первый покос, хлеб надо валить. Я мужикам сказал — косите, молотите да на мельницу, по полпуда муки даю на трудоспособного! Обрадовалась деревня — с хлебом! Ну, и пошли косить все, и стар и млад. Каждый хотел показать свою трудоспособность! Праздник был. А тут ко мне приехали дружки, прокурор да еще кто-то из комсомолят. Я думал, они рыбу ловить, а меня под белы рученьки да в район, да под замок... Вообще-то я счастливый. И в тот раз и в другие удачные случаи дело кончалось беседами с прокурором, ну так это же нетипично, змей его возьми! Я это все к тому, что раз Ленин писал о кооперации, его бы плана и надо было сразу держаться. Кооперация, она означает пай от каждого, а пай — это собственность! Мы все время отваживали крестьянина от его мелкособственнической тенденции, но тогда давайте всемерно ратовать за собственность общеколхозную, за кооперативную собственность! А если так, то никто не имеет права протягивать к ней руку, не считаться с мнением артели и ее правления!

Среди снежного сияния вздыбился темно-рыжий парующий курган. Торф, золотое дно орловской деревни. На круче, у самого торфяного кратера, стоит экскаватор. Внизу — вереница машин и тракторов с тележками. Здесь начало урожаю, здесь начало глубинному возрождению плодородия местных полей. «Савичево поле»,— удачно сказал кто-то. Наверное, так оно и есть.

Макар Яковлевич пользуется в области репутацией хозяина, человека, умеющего постоять на своем. Не знаю, как другим, а ему многое, видно, сходит с рук. Во всяком случае, ни район, ни колхоз от такой самостоятельности не в убытке. Шутка ли, в прошлом году намолотили по 20 центнеров с гектара!

— Наша линия,— важно, как с трибуны, заявил в чистом полюшке председатель,— культура земледелия! Мы в недавнем прошлом много подлостей понаделали на нашей земле,— сбился вдруг с торжественного тона Макар Яковлевич.— Другая бы земля давно от таких горе-хозяев отказалась, а наша, русская, терпела, ждала, когда одумаемся. Деревня наша вынесла страшный военный пожар, и разор, и все прочее. Теперь ей лучше будет. Не легче, нет, а лучше, способнее для труда на земле.

И еще он говорил вечером, в доме у бабушки Матрены Николаевны:

— Вот все чаще по радио говорят об отношении человека к земле, и слышу я в таком неслучайном разговоре упрек в свой, мужицкий, адрес. Будто город даже обижается, что ли, на меня. Про диалектику забыли?.. Говорить-то надо об отношении к человеку земли! Вот Матрена с Марусей построились, и душа за вас, за гостей, спокойна, а ведь другого места переночевать нет. У них же и агрономша новенькая квартирует. Да, девять деревень в нашем колхозе, и в каждой люди хотят строиться, но нет у них пока такой возможности. А к земле — что ж, к земле надо по-хозяйски относиться, это верно нас учат.

Над каждой второй избой — телеантенна.

Пришло электричество. Люди на персональных экранах — или сосед у соседа — увидели, как далеко шагнул мир, они увидели мир с его бедами, войнами, но и с его городами, театрами, веселыми жителями незнакомых стран. И так захотелось перестроить и родительскую избу и все-все вокруг. Еще в Орле секретарь обкома партии Иван Тихонович Шелеменцев рассказал о нуждах села, о его первоочередной задаче — строить село надо, надо когда-то начинать. Орловский обком партии продумал эту проблему до конца, ищет пути ее разрешения. Но тут нужна могучая поддержка Госплана СССР, всего нашего государства. На огромных пространствах война выжгла русские деревни. Секретарь обкома мог бы назвать и точные цифры, коими нынче измерена великая нужда орловской деревни, но он только перечислил: лес, пиломатериалы, шифер, стекло, кирпич, шлакоблоки — их нет, нет, нет... Если работу начать, не медля ни дня, то и тогда ее хватит лет на десять, а то и больше. До 1980 года. Так надо же начать. Потребуется несколько миллиардов рублей (Иван Тихонович назвал, сколько именно). Но это не должно задержать решения жизненно важного для деревни Средней России. Никакими миллиардами не измерить подвига и долготерпения орловских, курских, брянских селян, выстоявших в дни нашествия новых тевтонцев и переживших послевоенные трудности.

Судя по газетам, многих сегодня волнует проблема сельского строительства, идет спор: сселять или не сселять деревни, нужны ли многоэтажные дома или предпочтительны коттеджи? Я думаю, ни к чему изобретать заново русскую избу, не нужно проектировать агронебоскребы — дайте строительные материалы! Глядишь, пока идет спор, люди построятся сами.

А земля орловская плодящая. Дождей здесь много, луга еще сохранились. И люди работящие. Деньги есть, их все больше. Восставшему из пепла колхозу «Память Ленина» деньги дает прежде всего конопля. Не знаю, есть ли на Руси более выгодная культу-

ра — более полутора тысяч рублей дает каждый гектар! Каждый. Теперь еще прибыльна и свекла, хотя труда она требует адского. («Построили в Отраде завод сахарный, змей их возьми, а сырья кот наплакал... Экономисты».) Но, кроме технических культур, прибыль теперь дает и хлеб. Макар Яковлевич сказал в тот вечер у бабушки Матрены Николаевны самое свое заветное (после тезиса об отношении к людям земли):

— Хлеб — наша ставка! Толчок экономике можно дать по-разному: кто кирпичное дело затеет, кто под городом — тот овощами свои деньги возьмет, кто — молоком, кто и веники вяжет, как наши соседи, а кто, как и мы, коноплю пестует. Начало у всех разное, а цель одна — дать больше хлеба. У нас еще три года назад центнер хлеба обходился в шесть рублей, а теперь его себестоимость вдвое ниже. И еще дешевле будет! На наших небогатых, изголодавшихся землях любые затраты пока окупаются. Вот чем берем, змей тя...

Ради хлеба еще десять лет назад по заказу колхоза была составлена агрохимическая карта полей, ради хлеба, завязав туже пояса, убухали великие тысячи первых свободных рублей на тракторные тележки, на автомашины и на экскаватор, чтобы взять у себя же из-под ног торф и поднять плодородие полей. Ради хлеба...

В 1953 году намолотили... по 60 килограммов ячменя с гектара, по 2,5 центнера овса, хлеба тогда собрали 97 тонн, молока сдали тогда 31 тонну, а мяса — 6 тонн...

— Не верится нынче, что такое сделали с нами... Сентябрьский Пленум прекратил произвол в деревне.

А вот изменения за последние три года.

1965 год

Зерновые — 14 ц/га
Картофель — 69 ц/га
Сахарная свекла — 152 ц/га

ПРОДАНО ГОСУДАРСТВУ:

молока 932 тонны
мяса 126 тонн
хлеба 927 тонн

1967 год

Зерновые — 20 ц/га
Картофель — 136 ц/га
Сахарная свекла — 332 ц/га

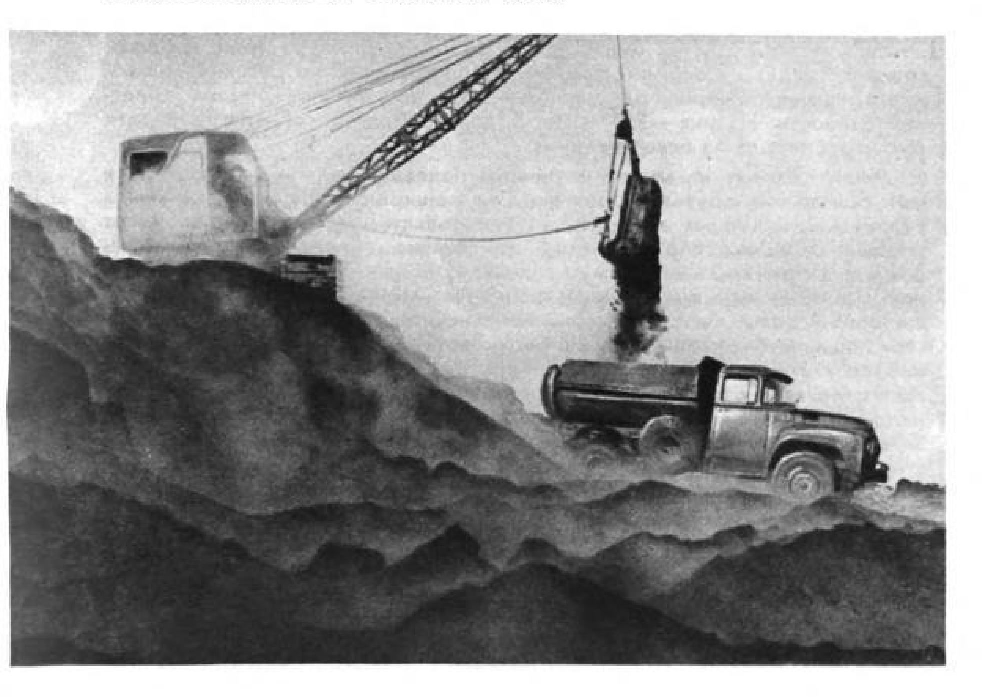
ПРОДАНО ГОСУДАРСТВУ:

молока 1093 тонны
мяса 175 тонн
хлеба 906 тонн

Прибыль и считать весело.

Торфяной курган на Савичевом поле.

Самое же главное — колхоз намолотил хлеба в минувшем году значительно больше, чем три года назад, а продал чуть даже меньше. Да, парадокс победы: после решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС колхоз получил законное право противостоять первой заповеди ретивых администраторов: «По амбарам помети, по сусекам поскреби»... В колхозе немало скота, надо же и о надоях, и о привесах, и о здоровье молодняка с осени думать.

Доход в 1967 году составил в колхозе «Память Ленина» **1 миллион 722 тысячи рублей,** из них почти **1 миллион — чистая прибыль.** Вот почему рвется орловская деревня к топору — строиться она хочет! Не лежать же деньгам, когда **каждый гектар** среднесуглинистой почвы **дал более 150 рублей прибыли!**

— Начало, только начало,— не устает предупреждать председатель Макар Яковлевич Савичев.

— Начало, только начало,— предупреждающе говорит секретарь обкома Иван Тихонович Шелеменцев.

— Маленько оклемались, теперь чево не жить,— прощается с нами бабушка Матрена Николаевна...

И на прощание спросил я Макара Яковлевича, какой вопрос он считает самым острым, самым-самым, который его заботит больше всего, а может, и спать даже не дает. Строительство деревни — это нужда общая, современным языком говоря, глобальная. Культура земледелия, да, конечно, но и тут все ясно. Нужда в машинах, в запчастях, в станках? Она чуть ли не хроническая... Какой же?

— Отвечу.— Макар Яковлевич вроде и не долго думал, только чуть помолчал, чтобы, видно, выразиться поточнее.— Экономическая привязка людей к земле. Не вообще, а вот к этому полю. Культура земледелия — это прежде всего севооборот, нерушимый, воле телефонного звонка не подвластный. Но и он, севооборот, не может быть обезличен. Не может такого быть, чтобы земля, основное наше средство производства, никому не принадлежала. Тут важны не набор культур, не процентное соотношение зерновых, занятого пара и технических культур, выгодных или невыгодных растений, а важно сердцами людей к каждому такому, по науке нарезанному полю привязать. Понял? Я у себя вижу одну проблему: как заставить тракториста курить с мужиками из полеводческой бригады? У нас очень много механизаторов, шоферов, механиков, ремонтников — это наш рабочий класс, они в отличие от колхозников-полеводов даже профессионально объединены в свой союз и этим как бы отделены от прочих «беспрофсоюзных» колхозников. Воспитанный еще в МТС наездами работать в той или другой деревне — куда пошлют, приученный есть из другого котла, чем вся его деревенская родня, имевший твердую оплату, даже если хлеб не родил, он, наш тракторист и вообще механизатор, до сих пор как-то со стороны смотрит на землю. А ведь знает, что на этом поле работает его мать-старуха, жена, часто и ребятишки, и все-таки он гонит гектары, мало заботится о качестве вспашки, культивации, обмолота... Не только машины, коровы, но земля должна иметь постоянного хозяина в виде бригады или звена, самое верное — закрепить, как бывало в общине, поля севооборотов за деревней — колхозной бригадой и объявить эту бригаду хозяином и земли и урожая. Тогда в поле выйдут и старухи и детишки, тогда мир не даст бракоделу поганить общественную пашню, терять общественное зерно, свеклу. Тогда и районщикам труднее будет перекраивать каждый год карту полей. И тракторист будет не рабочим в деревне, а крестьянином на тракторе. А пока он, змей его возьми, не курит с мужиком, в сторонке садится...

Макар Яковлевич коснулся социально-этической проблемы, ну, а коли вопросы такого характера больше других волнуют сегодня председателя, значит, дела действительно идут неплохо! Самое главное, за последние три года колхозники карманом познали, что колхоз кормит и одевает их, что гарантированная оплата не пустое обещание. Потому, видно, и гусей так много на весенней улице, и кассир Маруся за день не управилась с выдачей всех денег, а к Макару Яковлевичу, вожаку колхозников артели «Память Ленина», уважительно относятся и в райцентре и в Орле. У кого хлеб — за тем и слово.

...Теленку без году неделя, а он уже взбрыкивает, взмыкивает и норовит проскочить в широко — на тепло — распахнутые ворота скотного двора. Из глубины темного коровника яркий и просторный проем мне кажется гигантским голубым телеэкраном — я вижу синь мартовского неба, росчерк неслышного самолета, ветку бузины. А что видит он, новый житель планеты Деревня? Чем кажется ему этот сквозной выход из недавнего небытия? Лиловые глаза смотрят удивленно и восторженно, теленок еще и еще раз взбрыкивает — от радости жить, от нетерпения жить. Он не может знать, что все это — и синь марта, и запах проснувшейся бузины, и скомороший щебет воробьев, и потяги весенней земли — все это имеет одно объяснение: солнцеворот.

Иван СТАДНЮК,
специальный корреспондент «Огонька»

БЕССМЕРТИЕ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

БОЛГАРИЯ ПРАЗДНУЕТ 90-ЛЕТИЕ СВОЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

София в эти дни, как и все города и села Болгарии, в торжественно-праздничном убранстве. Флаги и транспаранты, плакаты и лозунги, цветы и венки у памятников русским воинам. Колонны молодежи и школьников, спешащих на митинги и собрания. Все напоминает о Дне освобождения.

Прошло ровно девяносто лет, как на Балканах утих гром русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Тяжелые, кровопролитные сражения под Плевной, Шейново, Шипкой, преследование турецких войск до стен Царьграда закончились 3 марта 1878 года подписанием Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией, согласно которому Болгария, пять веков томившаяся под турецким игом, получила независимость.

500 лет оттоманские феодалы угнетали Болгарию. Много раз болгары поднимались на борьбу, но силы были неравны. О конце этого гнета грозно возвестили русские пушки и русское «ура!».

И бессмертна благодарная память братского болгарского народа. Она закреплена в самых значительных творениях болгарской литературы, культуры, зодчества. Ее хранит сама многострадальная земля Болгарии, в которой покоится прах тысяч воинов российской армии, отдавших жизнь за освобождение этой земли. Над могилами русских воинов высится 446 с любовью сооруженных памятников на всем пространстве, где 90 лет назад гремела битва и лилась кровь. А сколько иных замечательных сооружений архитектуры воздвигнуто с великим искусством, сердечной признательностью в честь и память освободителей! К ним прибавились памятники советским воинам, погибшим при освобождении Болгарии от фашистской тирании во время Великой Отечественной войны.

Любовь и признательность болгарского народа к своим освободителям находят в эти дни многогранное выражение. Об этом очень ярко и взволнованно говорила, приняв меня, как корреспондента «Огонька», член Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии, председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы Цола Драгойчева, возглавлявшая центральный организационный комитет по проведению празднеств. Товарищ Драгойчева рассказала, что болгарский народ отмечает юбилейную дату своего освобождения от иноземного рабства уже год, приурочив начало торжества к 90-летию со дня переправы русских войск через Дунай у Свиштова. Праздник освобождения слился затем с 50-летием Октябрьской революции и продолжается до этих мартовских дней, в которые 90 лет назад пришла на болгарскую землю свобода. Проводились научные сессии, воспроизводились бои времен русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В 1967 году все выпускники военных училищ прибыли на Шипку и там, преклонив колена, отдали почести погибшим русским воинам и болгарским ополченцам, в строю заслушали приказ о присвоении им первых офицерских званий. Теперь они именуются офицерами «шипкинского выпуска».

Два года ширится среди болгарских пионеров движение «Дружба навеки». Пионеры проводили экспедиции по местам боев, проносили факелы славы — символ бессмертной памяти освободительной эпопеи. Цола Драгойчева показала мне рапорты районному комитету БКП от пионерской экспедиции «Освободитель» в Свиштове, на берегу Дуная, где в 1877 году переправились первые отряды русских войск. Эта пионерская экспедиция зажгла факел и бережно принесла его в Софию, пройдя через Плевну, Тырново, Габрово, Шипку, Ловеч. Рапорты заканчиваются словами клятвы, что пионеры «...всегда будут помнить имена тысяч героев, русских и болгар, отдавших свою жизнь за нашу национальную свободу и счастье, за нашу дорогую Отчизну со святым для нас именем — Болгария!».

Слушая рассказ товарища Драгойчевой, я в то же время думал о том, как это верно, что семенами дружбы и братства неустанно засеваются чистые детские души. Никогда и никому не удавалось погасить в болгарском народе любовь к своему восточному брату. Не удавалось потому, что в каждой болгарской семье всегда перед детьми воскрешаются страницы истории и правды о русских «братушках», передаются из поколения в поколение.

Сейчас эта взаимная любовь и дружба в полном расцвете. В канун 50-летия Октября Болгария еще раз опоэтизировала их во Всенародных пениях, в которых приняло участие 700 тысяч человек. Пели русские и болгарские песни на русском и болгарском. Затем пять тысяч лучших певцов собрались в Софии, и столица услышала вдохновенные голоса сыновей и дочерей Болгарии, подтвердивших от имени всего народа свою верность и дружбу с Советским Союзом, свою преданность делу Октябрьской революции.

Сердечная искренность и теплота этой дружбы звучала в аплодисментах и овациях, в многочисленных речах трудящихся и молодежи Болгарии, принимавших советскую партийно-правительственную делегацию, которую возглавлял член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов.

...Гудит, шумит митингами и собраниями праздничная Болгария от края до края. Колышется многотысячная толпа на Красной площади в Плевене — городе русско-болгарской боевой славы. Здесь, на этой площади, закончилась звездная эстафета. Здесь собрались воедино все шесть ее лучей. В эстафете приняли участие многие тысячи спортсменов и физкультурников. После торжественного открытия митинга, после взволнованных речей на трибуну поднялись шесть спортсменов, завершивших звездную эстафету. Вместе с рапортами они передали урны, наполненные землей, которая 90 лет назад была пропитана кровью освободителей.

Вечером состоялась волнующая церемония зажжения Вечного огня перед Мавзолеем, хранящим останки погибших русских и румынских воинов. Здесь же, у Вечного огня, пионеры поставили урну с землей, политой кровью героев. Рвет болью сердце революционная мелодия «Вы жертвою пали...». Скорбно склонили головы ставшие на колени люди...

И так в эти дни — по всей Болгарии, по всем местам, где в 1878 году утихло эхо русско-турецкой войны. Впрочем, эхо это воскрешено в тех местах, где силами болгарской армии с исторической точностью были воспроизведены боевые операции русских войск против оттоманских поработителей. 3 марта в нескольких десятках километров от Софии, у деревни Саранцы, при большом стечении народа было разыграно сражение русского отряда под командованием генерала Гурко против отступающего турецкого войска.

В Софии в этот воскресный мартовский день много свадеб и много веселья. Жизнь идет своим чередом. История незримо прокладывает пути в новое. А в выставочном зале по улице генерала Гурко все дышит стариной. Здесь открыта выставка «90 лет освобождения Болгарии», на которой экспонаты Национального военно-исторического музея, окружных исторических музеев, уникальные экспонаты из многих музеев Советского Союза — военные реликвии русского воинства. Здесь впервые за 90 лет собрались вместе боевые знамена, под которыми русская армия принесла освобождение Болгарии. И будто незримо присутствуют в зале генералы Гурко, Радецкий, Скобелев, Столетов и многие другие; будто где-то рядом замерли в строю и благоговейно глядят на знамена давно ушедшие в небытие русские полки... А в конце экспозиции под стеклом — гора пожелтевших листов 90-летней давности. На них — 250 тысяч подписей болгарской благодарности русскому народу за освобождение.

Люди выходят из музея. Мужчины надевают шляпы и шапки. Я и мои болгарские друзья сворачиваем на неширокую улочку и замечаем развевающийся флаг американского посольства. А слева и справа от посольства США... Впрочем, подойдем ближе... Слева от дверей — огромная витрина. За стеклом на черном фоне — крупные фотоснимки новых американских воздушных лайнеров. Может, такие крылатые тяжеловозы доставляют сейчас американские подкрепления в многострадальный, борющийся за свободу Вьетнам? Прохожие не задерживаются у этой витрины. Спешат к другой, перед которой образуется толпа. На второй витрине — болгарские «Фотоизвестия» № 12. Крупно надпись «90 лет освобождения Болгарии» и тоже фотоснимки. На них запечатлены живые лица русских солдат, офицеров, генералов — участников освободительного похода 1877—1878 годов, панорама боевых бивуаков, экспедиций, сооружений. Из-за стекла дышит грозная старина...

Люди стоят перед этой витриной в безмолвии. Тишина напряженная и торжественная... Мне, советскому человеку, очень дорога эта тишина перед памятью о далеком героическом прошлом. Я читаю на лицах толпящихся здесь жителей Софии отблески трагических столетий, когда Болгария томилась в рабстве. Эта благоговейная тишина говорит еще и о том, из чего складывается бессмертие народной памяти.

Фото И. СТАДНЮКА.

На Шипке всегда людно.

София. Канатная дорога на Витошу.

Болгария. Могилы русских воинов.

К 50-ЛЕТИЮ ПЕРЕЕЗДА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИЗ ПЕТРОГРАДА В МОСКВУ

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

„АДРЕС: МОСКВА, КРЕМЛЬ...“

— По имеющимся у нас сведениям, эсеры решили взорвать поезд правительства, — докладывал Ленину управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич.

Эсеры не знали, откуда, когда и куда уйдет поезд с членами Совнаркома, но они были убеждены, что рано или поздно Советское правительство уедет из Петрограда.

Владимир Ильич слушал управделами внимательно, спокойно.

— И что же, мы все-таки поедем? — спросил Ленин.

— Конечно!

— Гарантируете ли вы нам благополучный проезд?

— Предполагаю, что проедем спокойно,— отвечал Владимир Дмитриевич.

Этот разговор происходил в конце февраля 1918 года в Смольном, после закрытого заседания Совнаркома, на котором Ленин секретно сообщил всем собравшимся народным комиссарам о принятом решении — правительство переедет из Петрограда в Москву.

Для переезда Совнаркома поезд готовился в строжайшей тайне. Он должен отправиться от Цветочной площадки, находившейся на глухой окраине Московской заставы и ничем не привлекавшей внимания посторонних.

Все было расписано по часам. Однако очень немногие знали, когда и откуда отправится особый поезд. Подобрали кондукторскую бригаду, машинистов, охрану.

9 марта поздним вечером всем отъезжающим в особом поезде вручили секретное предписание: поезд с платформы Цветочная площадка, которому присвоен 4001-й номер, отходит 10 марта в 22.00.

Наступил день отъезда. Под вечер на пост у кабинета Ленина встали пожилой латыш Э. Смилга и юный красноармеец Ю. Соловьев. Пришел комендант Смольного.

— Ты,— сказал он Соловьеву,— останешься один на посту. К товарищу Ленину никого без записки Бонч-Бруевича не пускай. Понял? Смилга поедет с Совнаркомом в Москву. А мы с тобой останемся в Петрограде.

Пока часовые переговаривались, из кабинета вышел Владимир Ильич, поздоровался.

— Ну, что же, товарищи, сегодня отбываем. Последний день в Питере.

А Смилга говорит:

— Не совсем... Моего молодого товарища не берут.

— Что такое? Почему?

— Оставляют в Питере,— вступает в разговор Соловьев.— А я хочу поехать в Москву, и со своей винтовкой. Я завоевал эту винтовку!

— Мы сейчас все решим,— сказал Владимир Ильич.— Заходите, молодой человек.

Через несколько минут часовой вышел от Ленина сияющий. Он держал в руках написанную Лениным справку: Юлию Николаевичу Соловьеву разрешается иметь с собой и вывезти из Петрограда в Москву принадлежащую ему винтовку за № 52604.

— А номера бумажки у нас не будет: канцелярия уже на вокзале,— добавил Владимир Ильич.— Надеюсь, поверят и без номера.

В 21.30 Владимир Ильич вышел на улицу. У подъезда стояла легковая машина. Ленин расставался со Смольным.

Вместе с Владимиром Ильичем в машине ехали Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, В. Д. Бонч-Бруевич и его жена В. М. Величкина. За рулем сидел шофер В. И. Рябов. В фонде сектора произведений В. И. Ленина Института марксизма-ленинизма хранятся воспоминания В. И. Рябова. Два не полностью исписанных листка знакомят нас с волнующими событиями 50-летней давности.

«Вечером мне позвонили подать машину и поехать, а куда, я не знал,— пишет шофер Рябов.— Проехали по Обводному каналу и по каким-то переулкам выехали на Цветочную платформу. Вылезая из машины, Владимир Ильич попрощался и сказал: «Надеюсь, еще увидимся в Москве».

Платформа Цветочная площадка. Легковая и грузовая машины останавливаются рядом. Латыши быстро спрыгивают с кузова. Тьма непроглядная, не видно света и в вагонах. Смольнинские коммунисты карманными фонариками освещают Ленину и его товарищам путь к вагону.

Без гудка, без света в окнах тронулся в путь 4001-й. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает:

« — Что же, мы так и будем сидеть во тьме? — запротестовал Владимир Ильич.

— Нам только бы выйти на главные пути. У нас везде электричество,— ответил я Владимиру Ильичу и зажег лампочку.

— Вот это хорошо! — воскликнул он.— Можно будет почитать».

Поезд выходил на основную магистраль. В салон-вагоне Владимира Ильича собрались товарищи, пили чай, беседовали. О чем? Один такой разговор описал в своей трилогии «Хождение по мукам» Алексей Толстой. Поезд приближался к Колпину. Пылали мартены Ижорского завода. «...Почему рабочие не поймут? Они лучше и проще нас поймут, почему мы уезжаем,— отвечал Владимир Ильич.— ...Почему Смольный — символ Советской власти? Переедем в Кремль — символом станет Кремль...»

...За окном мелькают переезды. У столика, освещенного слабым светом лампы, склонился Ильич. В полуночные часы вождь думает об измученной, истерзанной, голодной России, пророчески предсказывает величайшее значение пролетарской революции в ее грядущем рассвете и могуществе. «...Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул...» Ровными строчками ложатся на бумагу ленинские слова — слова, которые через сутки узнает народ и примет их как программу строительства новой жизни.

Было за полночь, когда погасла лампочка и Ленин ушел отдыхать в соседнее купе. Ночью неожиданно с паровоза увидели впереди огоньки товарного. Откуда бы ему? Ведь впереди совнаркомовского следовал пассажирский с членами ВЦИК. А тут товарный.

— Что за чертовщина? — возмущался Бонч-Бруевич.

Товарный то тормозил, то набирал скорость, задерживал правительственный. Вскоре выяснилось: в теплушках вооруженные матросы... самовольно едут по домам. В Малую Вишеру полетела секретная депеша: матросский эшелон № 91 принять на запасный путь и задержать. ...Четыре часа ночи. Резкий стук в дверь чрезвычайного комиссара и начальника отряда Красной гвардии мало-вишерского участка Василия Яковлева. Он с трудом поднимается с постели.

— Что случилось?

— Не могу знать! — разводит руками станционный сторож.— Приказано немедленно прибыть.

На вокзале шум, гвалт. Матросы распоясались. Высокий блондин, в бескозырке набекрень, с наганом за поясом, требует:

— Наш первым прибыл, первым и отправляйте!

— Не можем: на подходе воинский.

— Откуда?

— Из Петрограда.

— Мы еще посмотрим, кто едет и что везет. Мы еще прощупаем их! — горланит матрос.

Что делать? Времени на размышления нет. Правительственный поезд уже миновал семафор, приближается к перрону. У Василия Яковлева сейчас одна забота — не допустить никого к вагонам. Милиционеры, рабочие стекольного завода, красногвардейцы с винтовками занимают позиции, рассредоточиваются по платформе. Окутываемый паром состав замедляет ход. Из вагона выходит Бонч-Бруевич.

Отсюда, с Цветочной площадки, уходил в Москву поезд «4001-й».
Фото Н. Ананьева.

— Можно тридцать раз умереть нам всем, но Совнарком нужно спасти во что бы то ни стало.— И тут же приказывает: — Выкатить пулеметы! Занять ими все тормоза нашего поезда и взять на прицел поезд с матросскими беглецами.

Между тем латышские стрелки, рабочие уже наседали на матросов. Послышались винтовочные выстрелы. Бонч-Бруевич приказал матросам:

— Закрывайте сейчас же двери вагонов, или откроем огонь! Сзади за нашим поездом следуют полк латышских стрелков и два эскадрона кавалерии. Если будете продолжать безобразничать, ни один живой не выйдет. Сдавайте оружие!..

Минутное замешательство. Шум. Перебранка. На землю летят первые винтовки. Кто-то еще пытается угрожать, что-то выкрикивать, но оружие уже пошло по живой цепочке из рук в руки в вагоны совнаркомовского поезда.

— Я тогда был кондуктором второго вагона. В нем ехала команда стрелков, охранявшая наш 4001-й,— рассказывает Иван Яковлевич Матвеев.— Мне пришлось стоять в той цепочке: принимать и передавать винтовки. Вы повстречайтесь с бывшим комиссаром Василием Васильевичем Яковлевым, он смело тогда действовал.

Матвеев не знал, что я пришел к нему от В. В. Яковлева, что это он нас послал к «кондуктору ленинского поезда».

Почти целые сутки следовал поезд от Цветочной до Москвы. Он подошел к платформе Николаевского вокзала около восьми вечера 11 марта. Встречающих почти не было: о прибытии правительства знали немногие. На станционном дворе Ильич сел в автомобиль. Кремль еще не был готов к приему Советского правительства, и Ленин временно поселился в гостинице «Националь».

Директор гостиницы «Националь» М. Морозов повел меня в двухкомнатный номер, ставший историческим.

— Вот здесь жили Ленин и Крупская. Высокие окна обращены к Кремлю. Только отсюда тогда открывался иной вид: Охотный ряд со своим шумливым уличным базаром, мелкие лавчонки...

В Институте марксизма-ленинизма меня ознакомили с любопытным воспоминанием шефа первого этажа гостиницы «Националь» Ф. К. Флиге. Когда Владимир Ильич звонил в буфет из своего 107-го номера, Флиге приходил принимать заказ.

— Обеды,— вспоминает он,— отпускались по талонам. Специальные талонные книжки выдали всем членам правительства, товарищ Ленин тоже имел такую книжку. Он носил ее в жилетном кармане. Как я помню, когда Ленин заказывал обед, вынимал книжку и сам отрывал талон. Утром товарищ Ленин всегда заказывал чайник кипятку, заварной чайник и два прибора.

...Москва. Утро 12 марта. Владимиру Ильичу принесли свежий номер «Известий». Газета опубликовала ленинскую статью «Главная задача наших дней», над которой Владимир Ильич работал в поезде по дороге из Петрограда в Москву.

В полдень Ленин в сопровождении Свердлова, Крупской и Бонч-Бруевича поехал в Кремль осматривать помещения, предназначавшиеся для ВЦИК и Совнаркома.

«Часов в двенадцать дня мы подъехали с ним вдвоем к Троицким воротам Кремля,— пишет В. Д. Бонч-Бруевич.— Часовые, как полагается, остановили нас...

— Кто едет?

— Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин,— отчеканил я, несколько удивленный, что Владимир Ильич не был узнан.

Командир, сделав два шага назад, вытянулся в струнку... Часовые подтянулись вслед за своим командиром. Владимир Ильич улыбнулся, отдал честь, приложив «под козырек» руку к круглой барашковой шапке...

— Вот он, и Кремль! Как давно я не видел его! — тихо сказал Владимир Ильич».

В этот весенний день над Кремлем взвился красный флаг Советского государства.

Уже на следующий день после приезда из Петрограда Ленин встречается с московскими рабочими. Одна за другой две встречи: в 18.30 — на заседании Моссовета, и в тот же вечер — на десятитысячном митинге в Манеже бывшего Алексеевского военного училища.

Неделю Владимир Ильич жил в «Национале», номер, который он занимал, служил одновременно и квартирой и кабинетом. Затем Ленин перебрался в Кремль и стал работать в своем кабинете. В солнечный мартовский день Кремль стал резиденцией Советского правительства, а Москва — столицей Советского государства. За несколько дней до этого в газете «Известия» было помещено официальное сообщение о переезде правительства в Москву. Оно было адресовано правительствам многих стран и всем Совдепам: «Правительство Федеративной Советской Республики, Совет Народных Комиссаров и высший орган власти в стране Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов прибыли в Москву. Адрес для сношений: Москва, Кремль. Совнарком или ЦИК СОВДЕП».

„Огоньку“ сообщают

...телемосте Москва—космос—Новосибирск
...хозяйке маленького сельского магазина
...игрушке, родившейся в институте
...воспитателях по призванию и традиции
...новой энциклопедии
...подарке, который преподнес людям горный обвал
...«Буратино» и его гостях

Станция «Орбита».

«ОРБИТА»

Я пришел слишком рано. Станция еще молчала, а за столом дежурного подремывал старичок в побленкшей от многократных стирок гимнастерке. Напустив на себя неприступный вид, он спросил меня:

— Ты кто таков?

Я сказал. Объяснил, что хочу посмотреть, как принимают телепередачу из Москвы через спутник.

— Эка невидаль! — разочаровался старичок.

Немного погодя спрашивал уже я: кто он, откуда. А где-то на середине повести Ивана Михайловича о себе, о ленинградской битве, об орденах и ранениях на станции стало шумно — пришли инженеры и техники «Орбиты».

Начальник станции Володя Голиков сразу же подвел трех пареньков, видно, новичков, к раскрытому ящику с кнопками, рычажками и цветными проводами. Он подробно и старательно растолковал им суть этих кнопок, а они так же старательно и понимающе кивали в такт его словам. Это были студенты-дипломники института связи, выбравшие себе специальность «орбитчиков».

Старший инженер Федор Бондаренко и старший техник Валерий Астахов колдовали над какими-то хитрыми таблицами. Оба «старших» сказали мне, что таблицы эти присылают из Москвы к каждой передаче и каждой из станций, рассеянных по всей стране. Подошел Голиков и добавил, что в этих таблицах даны эфемериды спутника... Этого ему показалось мало, и он, решив основательно пополнить мои скудные познания в области физики и электротехники, стал подробно объяснять устройство приемной антенны «Орбиты».

Хорошо, что начальника часто отвлекал то телефон, то телетайп. В эти минуты передышки я кое-как продирался сквозь дебри формул и терминов и постигал суть. Схематично все это выглядит так. В Москве передатчик посылает сигналы на спутник, который представляет собой движущийся ретранслятор. От него сигналы отражаются на Землю, и их-то должна ловить чаша антенны «Орбиты». От угла ее наклона зависит точность попадания сигналов и в конечном итоге качество изображения на экране телевизора. Данные о том, под каким углом наклонить антенну в заданное время, и содержат таблицы — эфемериды спутника. В будущем через сеть «Орбит» можно будет принимать и цветные передачи, а если снабдить ее передатчиком, то она будет способна значительно разгрузить телефонную междугородную связь.

Мой полет в недалекое будущее прервал самым прозаическим образом вахтер дядя Ваня, Иван Михайлович. Ему не терпелось еще что-то рассказать о себе, а я непременно хотел увидеть момент приема сигналов со спутника.

— Фу ты, эка невидаль,— обиделся старик.— Послушай лучше, что я расскажу...

Тут-то Володя Голиков и произнес довольно обыденным голосом гениально простую фразу:

— Давай, Валера, заводи. Пора...

Валера повернул какую-то ручку, старший инженер тоже что-то включил. Экраны телевизоров голубовато засветились, глухо загудели моторы, поворачивая огромный цветок антенны, и наконец появилось изображение. Все четче, четче...

Это был тот самый момент, которого я ждал.

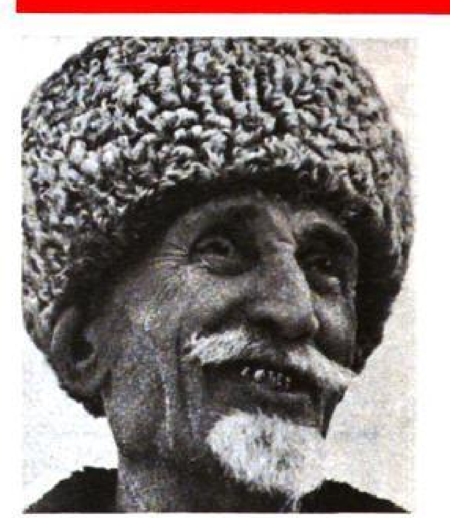
Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»
Фото автора.

ТАКАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Почему село называется Новая Гребля, никто сказать не может. Нет там ни плотины, ни воды. Лежит село это на Сумщине, в стороне от дорог.

Магазин здесь малоприметный, в старепьком помещении. Тесновато. Работает в нем Мария Илларионовна Курбан. Давно работает. Девчушкой в Чернигове закончила торговую школу и с тех пор за прилавком. В войну, в сорок четвертом, была завмагом, и продавцом, и экспедитором. Сама бочки, мешки таскала, домой раньше ночи не возвращалась. Медаль ей дали тогда, дорогая награда, память молодости. После войны легче стало. Теперь их в магазине трое, и она заведующая. В одиночку, как когда-то, сейчас уже не справиться. Люди живут зажиточно, покупок делают много. И Мария Илларионовна с девчатами старается, чтобы покупатели были довольны.

Недавно их односельчане, Фрося Дрозденко с мужем, дом построили. А в новом доме все должно быть так, как нынче

Илико Гудиев — веселый и грозный старейшина в Чермене.

Фото автора.

7 ТЫСЯЧ АВТОРОВ

Сперва несколько цифр: Белорусская энциклопедия выйдет в 12 томах, в среднем по 50 печатных листов в каждом. Она «расшифрует» 45—50 тысяч событий, имен, географических названий и т. д. К подготовке издания привлекается около 7 тысяч авторов — ученых, специалистов из различных областей народного хозяйства, литераторов, журналистов.

Энциклопедия расскажет о Белоруссии все — начиная с древнейших времен и до наших дней. Главный редактор ее — лауреат Ленинской премии народный поэт Белоруссии академик АН БССР П. Бровка. Первый том должен появиться в дни 50-летнего юбилея республики — в январе будущего года.

А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»

Мария Илларионовна Курбан. Фото Н. Шавши.

заведено,— по-новому. Вот и привезли им мебель, прямо к дому. А Владимир Тимофеевич Кабанов — он в совхозе работает — о телевизоре мечтает. Чтобы «Огонек» или «Электрон». Пока, правда, телевизор с базы не привезли, не всегда там есть все, что необходимо. Но привезут.

Знают на базе: если завмаг пообещала что-то человеку, то уж тут будь добр, райпотребсоюз, хоть из-под земли достань, а дай в магазин — не для себя же она... Она ведь представитель советской торговли, значит, любой запрос выполнить обязана. Вот, скажем, Марии Матвеенко по нраву сапожки, которые за сорок пять рублей, а Нине Жуковой сапоги кирзовые для работы требуются... Откуда это известно? Ну как же, она в селе всех знает, такая уж у нее должность. И ее тоже знают все. Книга заказов, конечно, ведется. Вот она. Только и без книги помнит Мария Илларионовна. Встретит человека на улице, скажет: твой заказ выполним завтра или через неделю. А если и не заказывал, просто так пригласит: к нам. костюмы новые поступили, заходи, выбирай.

Чуть не все родичи Курбан работают в сфере обслуживания населения. Сестра Надежда — повар ресторана «Чайка» в Шостке, вторая сестра, Александра,— в местном смешторге, сын Владимир недавно поступил мастером в телеателье. А сама Мария Илларионовна уже видит в своих мечтах новый магазин — скоро должны построить. Вот тогда будет где развернуться!

А. СТАСЬ, собкор «Огонька»

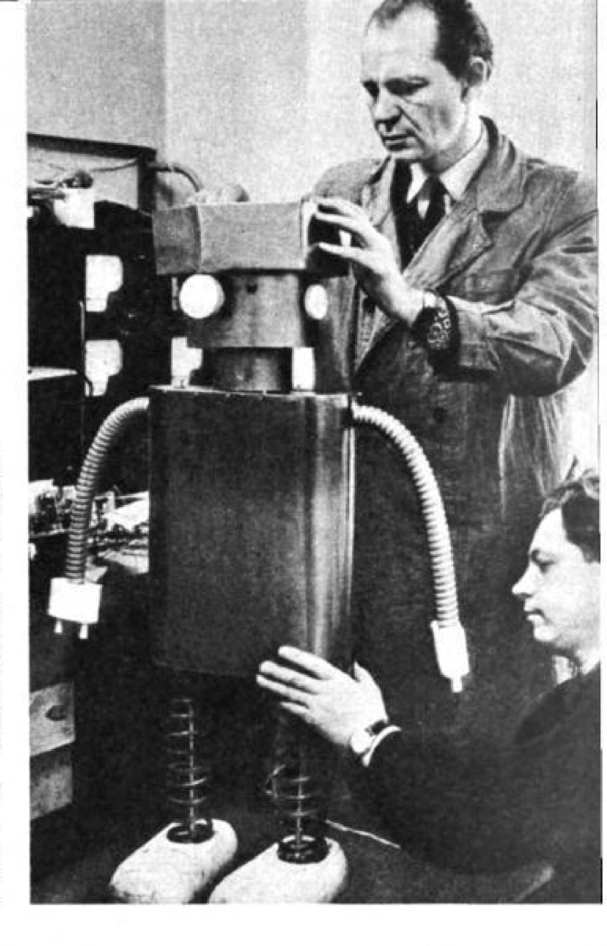
«САМОДЕЛКИН» СОБИРАЕТСЯ В ДОРОГУ

Путь его будет не очень длинным: из старинного подмосковного города Загорска на ВДНХ СССР. Первые шаги он начнет во Всесоюзном научно-исследовательском институте игрушки, которому обязан своим рождением...

Здесь рождается много новинок, которые доставят радость нашим детям.

А вот этого механического человечка, созданного в лаборатории технической игрушки института, смело можно назвать уникальным как по росту, так и «способностям». Это «Самоделкин», любимый герой многих ребят. Он настоящий робот. Разговорчивостью, блеском своих глаз «малыш» быстро завоюет симпатии юных посетителей уголка игрушек на Всесоюзном смотре товаров народного потребления.

М. ЯКОВЛЕВ

«Самоделкин» в обществе работников института Ю. А. Соболева и В. К. Суркова, готовящих робота к путешествию на ВДНХ СССР.

Фото О. Лазаренко.

СТАРЕЙШИНЫ...

— Много традиций и обычаев у нас,— рассказывал мне один из уважаемых стариков в осетинском селе Чермен, председатель совета старейшин, восьмидесятилетний коммунист Абисал Маирович Дзгоев.— Но есть одна, пожалуй, самая крепкая,— это уважение к старикам. Слово старшего — закон. И позор тому, кто не послушает старика. Вот мы и организовали в селе совет старейшин. Они не осложнили работу сельсовета горой бумажных дел. Только одной бумажкой стало больше — списком адресов членов совета. Там шестнадцать фамилий.

Тох Бадов — один из шестнадцати, один из самых уважаемых в селе. И уважают его не только за почтенный возраст. Жизнь Тоха Бадова, сына бедного осетина, была нелегкой. Отца с матерью он не помнит. До восемнадцати лет ничего, кроме палки, не знал. С палкой пас баранов, той же палкой и его воспитывали. В шестнадцатом году попал под германские пули. Когда пришла весть о том, что бедняки берут власть в свои руки, гонят богачей, потянуло Тоха на Кавказ, в родные края. Был секретарем райкома партии, председателем исполкома, работником ОГПУ... Трудное было время. Вечерами запирали двери дома на засов, затемняли окна, наган рядом с кроватью на стуле: кулаки зверствовали.

Сейчас Тох Бадов на пенсии. Но в школе — председатель родительского комитета, в селе — член лавочной комиссии, дружинник. А теперь — и совет старейшин.

...Шумная детвора спешит в школу. Шоферы дают длинные гудки, поторапливая опаздывающих. Сегодня это уже обычная картина, а недавно школьники в любую погоду шли пешком за несколько километров. Кто помог им? Тох Бадов. По его настоянию был выделен фонд для покупки проездных билетов, изменены остановки автобусов.

...Совет старейшин не присутственное место. Не каждый день и не каждый месяц собирается. Но каждый день в чьем-нибудь доме появляется седобородый гость и не торопясь начинает беседу. Вот зашел к одному любителю араки, кукурузной водки, веселый, но грозный Илико Гудиев. Хозяин дома молча, потупив голову, выслушивает суровые слова восьмидесятилетнего гостя: «Да как же ты можешь, как на тебя дети посмотрят. Через месяц зайду. Не исправишься — будешь стоять перед нашими стариками».

А это самая строгая на селе кара...

В. ТИХОМИРОВ

Тох Бадов — один из самых уважаемых старейшин в селе.

ВТОРАЯ РИЦА

В ночь на 13 января этого года жителей поселка Кепша, что по дороге из Сочи в Красную Поляну, разбудил страшный грохот. Оказывается, в реку Мзымту (Бешеную) рухнула огромная скала. Как плотина, перегородила она течение, и образовалось озеро. Длина его — 2 километра, ширина — 300 метров, а глубина — не меньше восемнадцати.

По мнению специалистов, недавно обследовавших новое озеро, оно не угрожает ни поселку, ни другим населенным пунктам в период паводка. Судьба его решена: оно станет прекрасным местом отдыха, второй Рицей.

Ф. ВИНОГРАДСКИЙ

Фото И. Григорова.

КАК НА ТАНИНЫ ИМЕНИНЫ...

Однажды московский Буратино со старого Арбата познакомился сразу с четырьмя Танями. Они были именинницами и справляли этот торжественный день в кафе, которое открыли специально для маленьких друзей деревянного человечка. Кафе так и называют— «Буратино».

Самые настоящие Красные Шапочки угощают детей супом, котлетами, кашей. Хозяйки кафе милые и приветливые, а тарелки разрисованы занимательными картинками из знакомых сказок и рассказов, так что даже манная каша кажется необыкновенной и вкусной. У входа в зал стоит волшебная березка — вместо листьев у нее конфеты. Их получает тот, у кого самый хороший аппетит. К концу дня «листьев» становится очень мало, потому что все дети, которые завтракают, обедают и ужинают в этом кафе, едят быстро и ничего не оставляют на тарелках. И все это происходит под неусыпным взглядом Буратино. Один Буратино забрался на стенку и весело оттуда подмигивает. Другой зацепился ногами за веревку и висит вниз головой — следит, чтобы дети ели аккуратно.

В день, когда четыре Тани справляли здесь свои именины, кафе закрыли для посторонних: все места за столиками заняли гости именинниц. Нам сначала не хотели открывать дверь. Только когда я сказала: «Ведь я тоже Таня»,— нас впустили в зал... Веселье было в самом разгаре. Огромный праздничный пирог с разноцветными свечками стоял на столике. А вокруг пирога ребята водили хоровод и пели: «Как на Танины именины испекли мы каравай...» Все четыре именинницы сияли.

Потом все чинно расселись за стол. Именинницы потчевали своих гостей пирогом и сластями, мороженым и фруктами. Запивали эти яства коктейлями, которые тянули через соломинку. Этот коктейль приготовили детям, наверное, Буратино и назвал его своим именем.

Всем ребятам было очень весело и интересно. А их мамы решили: они теперь всегда все детские именины и дни рождения будут праздновать в этом кафе. Это совсем не так дорого: 1 рубль 33 копейки с человека.

Татьяна ТРОИЦКАЯ

Именинный пирог.

Константин **ВАНШЕНКИН** Рассказ Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Той дальней осенью

Ему действительно повезло. Вся рота уходила в гарнизонный наряд, а они с Митей Ополовниковым накануне вечером заступили дневальными по роте и теперь, согласно уставу, нигде не могли быть использованы, так как сами были после наряда. Ополовников, маленький, худенький, сменившись, уже спал на нижних нарах, в глубине, защищенный от света, а Игорь Саманин чуть отчужденно смотрел, как готовятся ребята к разводу караулов, подшивают подворотнички, драят ботинки. Рота шла и в полковой караул — к штабу, к знамени, к складам ПФС и ОВС, и к контрольно-пропускному пункту, и к дальнему складу боеприпасов, и патрулями по гарнизону, в поселок и на станцию. А свой взвод, второй, особенно не готовился, он шел в наряд на кухню.

Потом загремели команды, и ребята, разобрав оружие из пирамид, вышли строиться, потом ушел кухонный наряд, и в ротной землянке стало непривычно пустынно и тихо. Проводив наряд, вернулся старшина, посмотрел на нового дневального, стоявшего у дверей, на другого, подметающего неровный пол в проходе, ничего не сказал и скрылся в каптерке.

Саманин тоже лег на нары, но спать не стал, а с удовольствием думал о предстоящем, ничем не занятом вечере, о долгой ночи и долгом завтрашнем дне. Потом он вышел наружу и в едва наступающих осенних сумерках постоял между землянками. За стволами уже подсвеченных осенью берез, над овражком густели сизые слои не то тумана, не то дыма, где-то вдалеке прошла рота с песней, а в другом конце другая рота, с другой песней. Потом все стихло, и где-то очень уж далеко, в другом полку, трубач сыграл какой-то незнакомый сигнал, наверно, для командиров.

После ужина, не дожидаясь отбоя, они легли и тут же уснули, но часа через два их разбудили: ребята, вспомнив о них, принесли полбачка перловой каши — остатки от ужина. Едва его толкнули, Саманин сразу понял, в чем дело, и, почти не просыпаясь, достал ложку. Вместе с Митей и новыми дневальными они за несколько минут съели кашу, и в то же мгновение Митя снова уснул, а Саманин, набросив поверх белья шинель, вышел и еще выкурил цигарку.

Утром была возможность поспать хотя бы до завтрака, но внутри уже срабатывала какая-то пружина, и он проснулся перед самым подъемом. Митя спал, накрывшись с головой шинелью, и даже не пошевелился при сигнале.

Позавтракав, они вернулись в землянку. Прежде они никогда не были близки, но теперь их объединяла общность их положения, они были странно связаны ею и держались вместе.

Старшина задумчиво посмотрел на них, он не мог примириться с мыслью, что они ничем не заняты, это было ему неприятно. Однако он еще ничего не придумал.

Митя, маленький, остролицый, снова залег спать, а Саманин, томясь, сел на край нар рядом с ним.

— Старшина, на выход! — крикнул дневальный.

Старшина проплыл в полумраке землянки, и по ярко освещенным ступенькам просверкали его сапоги.

— Старшина! — сказал властный голос снаружи.— Свободные люди есть?

— Свободных людей нет,— бодро ответил старшина,— рота находится в гарнизонном наряде. Один больной.

— А вчерашние дневальные?

Старшина мгновение помедлил.

— Есть два человека.

— Немедленно в распоряжение начальника ОВС. Получат продукты сухим пайком и в Москву поедут.

— Есть! — сказал старшина и спросил: — Шинели им брать?

— Пусть возьмут, ночью холодно.

Старшина спустился по освещенным ступенькам.

— Саманин, Ополовников, в распоряжение начальника ОВС. Продукты получите сухим пайком. Взять шинели. Старший — Саманин.

Они собрались у склада — восемь человек из разных рот. Дивизия переформировывалась, и меньшую ее часть составляли солдаты, которые были ее костяком, старые, свои, вместе повоевавшие. Их сразу можно отличить, и не только по медалям или нашивкам за ранения; на всех, кто уже побывал т а м, лежал какой-то отблеск, отсвет, отпечаток — как загар. А большинство было — как Саманин и Ополовников — из заволжского запасного полка, пополнение. Но Саманину уже хотелось тоже преодолеть нечто и походить на тех солдат, он уже осознавал, что без этого служба и все ее тяготы просто не имели смысла, и еще он предчувствовал, что будет это очень скоро.

У склада ОВС стоял часовой из их роты, он обрадовался и удивился, увидав их, им это было приятно.

Став цепочкой, они начали загружать крытые брезентом грузовые «форды» старым обмундированием, б/у, настолько уже обветшавшим от ползания в нем по земле, разрывов, бесчисленных стирок, что починить его было невозможно. Эти гимнастерки со смутными следами от гвардейских значков и реже — от орденов и медалей, эти шаровары с неуловимым присутствием по швам карманов махорочной пыли были уложены аккуратными пачками и передавались из рук в руки. От них слабо исходил приятный запах каленого, как от жареных семечек,— воспоминание о дезкамерах, куда они закладывались не раз, пока их владельцы мылись в бане.

Однажды, весенним холодным днем, Саманин загружал дезкамеры — «вошебойки» — и так намерзся, что не выдержал, открыл дверку — погреть спину. Тепло оттуда шло не так сильно, как он ожидал, и он все глубже туда вжимался и, наконец, залез весь, одна голова осталась снаружи,— ребята испугались, а ему ничего, погрелся, и только.

Теперь, погрузив обмундирование в «форды», они все вместе пошли получать продукты. Концентраты и консервы сложили в плащпалатку, а хлеб и сахар разделили тут же и рассовали по карманам шинелей. Часовой около склада ПФС был из своей роты, и свой же часовой был у КПК, и Саманин окликнул его из кузова, а то бы он их не заметил.

Машины шли одна за другой по старой аллее, и ветки берез, уже сильно подсвеченных осенью, с шумом задевали крытые кузова, хлестали по ним, роняя на брезент желтые листья.

Саманин с Ополовниковым сидели в кузове предпоследней, пятой, машины, на старом обмундировании, от которого исходил приятный запах каленого. В последней машине рядом с шофером ехал краснолицый старшина-снабженец, а лейтенант, начальник ОВС, находился в головной.

Колонна выехала из расположения, миновала поселок и свернула на шоссе. С одинаковым интервалом в несколько метров, будто соединенные жестким буксиром в одно целое, слитно и мощно шли машины к Москве, лишь свистел, срываясь с брезентового верха, ветер. А кругом стоял тихий и ясный осенний день, ветер был только здесь, на шоссе, но и там, в солнечной ясности, ощущался и угадывался непоправимо крепнущий холодок. Пестрел лес по сторонам, и уже ярко желтела на черном маслянистом асфальте облетевшая листва. Свернувшись калачиком, дремал Митя Ополовников.

Из крытого грузовика было видно только то, что оставалось позади: машина с краснолицым старшиной, сидящим рядом с шофером, лес, деревня с церковью на холме. Иногда из-за последней машины выдвигались легковушка или «виллис» и обгоняли их, но это было редко, потому что колонна шла ходко, и не каждый решался на обгон. С правой стороны с мгновенным ревом проносились встречные машины из той неизвестной, невидимой жизни, которая была впереди. В грузовиках стояли и сидели люди. В одном кузове, держась за кабину, стояла молодая женщина или девушка, и когда машины поравнялись, у нее ветром взбило платье, и она чуть присела, придерживая подол. В какой-то краткий миг они встретились взглядом, и он погрозил ей пальцем, а она засмеялась. Она тут же исчезла, но оставила неясное сладкое чувство, о котором уже хотелось вспоминать.

Поодаль от дороги промелькнула зенитная батарея, укрытая маскировочной сетью, потом открылось поле, где копали картофель. За лошадью шел парень и вскрывал плугом борозду, а следом, согнувшись, двигались бабы и выбирали картошку. Посредине поля розовела горка картофеля и стояло несколько твердых шишкастых мешков. Проснулся Митя Ополовников, поднял голову, сказал, улыбаясь: «Смотри, картошка!» — и снова задремал.

И тут Саманин ощутил голод. Собственно, это страстное желание не проходило никогда, даже когда он только вставал от котелка, и даже ночью, во сне, оно жило с ним вместе. Но иногда оно уже как бы притухало, может быть, лишь затем, чтобы вспыхнуть еще ярче, крича и напоминая о себе. С тех пор как они получили продукты, каждую секунду каждая клеточка его тела знала и помнила, что в карманах шинели упруго втиснутый по полпайки (суточная норма — 800 граммов) ждет хлеб. И сейчас настал тот момент, когда терпеть больше стало невозможно. Саманин сперва решил отломить лишь корочку, но сами собой пальцы отщипывали еще, еще, он не выдержал, достал из кармана весь кусок, половину засунул обратно, но скоро и ее пришлось доставать. Он старался есть помедленнее, откусывать поменьше и пореже, надеясь оставить еще корочку на ужин. Ведь хлеб-то был выдан и на завтра до обеда. А Митя Ополовников, который съел весь свой хлеб, тихонько спал, укрывшись шинелью.

Машины стали плавно тормозить и остановились. Из последней вышел, разминаясь, шофер, вылез краснолицый старшина, и по всей колонне захлопали дверцы кабин. Саманин тоже спрыгнул на асфальт. Впереди был переезд, и Саманин медленно пошел к опущенному шлагбауму. Он стоял около шлагбаума вместе с солдатами, которые уже побывали там, курил, ожидая, когда пройдет поезд. Поезд накатился слева, и вагоны, как бы приноровившись, ритмично загрохали на стыках: та-та, та-та, та-та,— а потом почему-то перешли на другой интервал, реже: та, та, та. Эшелон был длинный, сперва орудия на платформах, а потом пошли теплушки, и во всех до одной у раскрытых дверей тесно стояли солдаты. Они спокойно смотрели на осенний лес и поля, на очередь машин, скопившуюся у переезда, и на солдат, мелькнувших внизу у шлагбаума, и в то же время они чем-то походили на людей, которые видят все это впервые. А из-за их плеча, из глубины вагонов, выглядывали солдаты, не успевшие вовремя стать у проема дверей. Опять пошли платформы с орудиями и часовыми на тормозных площадках, опять колеса перешли на скороговорку, и вдруг все оборвалось, проскочил последний вагон, стало светло и тихо. Пополз кверху шест шлагбаума, захлопали дверки кабин.

Мимо надолб и рельсовых «ежей» въехали в Москву, не в такую, которую знают все, и тряслись по булыжнику, вдоль заводских заборов, между бараков. Теперь машины шли еще более слитно, ничто не могло разорвать их колонну, и регулировщики сразу же понимали это. Остановились около кирпичных складских зданий, лейтенант звонил куда-то из проходной, ругался, поехали к другим складам, но оказалось, что они уже закрыты. Тогда лейтенант сразу успокоился, и колонна двинулась дальше. Они, не торопясь, ехали по старой рабочей окраине, мимо заводских корпусов, где на крышах были нарисованы желтые осенние деревья, мимо универмага с витриной, зашитой досками, как в оставленной деревенской избе. И в некоторые окна в домах была вставлена фанера, а остальные все были перекрещены бумажными полосками, чтобы не разлетались осколки, если стекло будет вдавлено внутрь взрывной волной.

На ночлег остановились в тихом переулочке со стандартными, барачного типа домами и водоразборной колонкой на углу. Лейтенант отдал приказания и сразу поехал домой — он был москвич,— а они, выпрыгнув из машин, разминались после долгой дороги, поправляя обмотки.

Заметно смеркалось, но нигде не было видно ни огонечка. От колонки прошла женщина с ведрами, и они, повернув головы, посмотрели ей вслед. После ясного дня вместе с темнотой внезапно похолодало, стал накрапывать дождь, и они опять забрались в кузов. Теперь уже и Саманин задремал, накрывшись шинелью...

— Эй, солдатики,— сказал кто-то около машины и стукнул рукой по кузову.— Эй, обоз!..

Они на всякий случай не откликнулись, тогда он легко вспрыгнул на задний борт и потянул Саманина за ногу. Саманин сел. Было совсем темно, но он сразу узнал солдата с соседней машины, тускло поблескивали медали у него на груди.

— Давай к нам в машину, по тревоге,— сказал он строго и спрыгнул, медали тоненько звякнули.

Они поняли — зря не позовут, и тут же последовали за ним.

На газете грудкой серебрилась камса, а рядом горячие вареные картофелины — так и ударило духом в ноздри.

— Держи! — Но это не им, протянулась рука, взяла кружку.

Несколько шумных, напряженных глотков.

— Хорошо пошла.

— ...Комбат тогда остановил: «Что во фляге?» «Молоко». Он взял, отвинтил. «Верно,— говорит,— только от бешеной коровки».

— Хороший был комбат.

— По-быстрому, пока ужин варится. Держи!

Саманин взял кружку. Она была почти полна, губы сразу окунулись в водку. Он глубоко втянул носом воздух, как будто собирался нырять, и начал пить большими глотками, не дыша и стараясь не распробовать вкус. Он неожиданно легко опустошил кружку, лишь на последнем глотке икнул и чуть не закашлялся. Водка остановилась в горле, и ее запах с такой силой ударил в нос, но не снаружи, а изнутри, как бы сверху, от лба и глаз, что чуть не задушил его. Но он перетерпел, перевел дух и отдышался. Ему сразу стало легко, как человеку, исполнившему долг, он деловито ел картофелину, подставив под нее ладонь.

— Держи!

— ...Тогда, перед фронтом, мы тоже в Москву ездили. Концентраты получали на фабрике «Красный Октябрь». Во дворе стоим, а бабы сверху из цеха нам шоколад бросают. Теплый еще...

— Я больше не хочу,— сказал Митя Ополовников.

— Да ты отпил хоть немножко-то? Давай допью. Заесть-то оставь.

Позвали ужинать, и они дружно попрыгали из кузова.

— Саманин, останьтесь у машин,— сказал старшина,— сменитесь, покушаете.

Они вошли в дом, а он привалился плечом к заднему борту грузовика. Он совсем не чувствовал опьянения. Небо уже погасло, накрапывал слабый дождь. Кто-то набирал воду у колонки, женский голос звал кого-то с крыльца. Стоял полный мрак, лишь иногда чуть отсвечивали затемненные изнутри окна. (Как он тогда был молод, тем далеким осенним вечером, где-то на окраине военной Москвы!)

С шумом, как из землянки, вывалились на улицу солдаты. Теперь позвали его. В сенях его слегка повело, он ударился коленом о косяк, толкнул дверь.

Комната была большая, пустоватая, вроде казармы. В углу у дверей стоял покрытый клеенкой стол, и над ним низко свисала яркая лампочка, отчего остальная комната терялась в полутьме.

Высокая худенькая девушка подвинула к нему тарелку с пшенной кашей.

— Это тебе оставили.

Давненько он не ел из тарелки, все только из котелка. Он глотал остывшую кашу с мясными консервами и смотрел на девушку, которая то подходила к столу, то таяла в темноте. Она чем-то была занята, ну, да, она убирала со стола посуду. Она была молодая, как он, а может быть, даже еще моложе. Но она не обращала на него внимания. Он доел кашу и отодвинул тарелку.

— Обожди, чаю налью. Чаю много.

Он смотрел, как она наливает чай из большого жестяного чайника, и неожиданно сказал:

— И ты садись попей. У меня сахар есть...— И вытащил из кармана три кусочка.

— Разорять-то тебя,— засмеялась она,— ну, ладно, за компанию. Чай больно душистый.— И позвала:— Мама, иди, попьем чайку с защитничком.

Он удивился и расстроился, а из дальней полутьмы вышла моложавая и тоже тоненькая женщина и села к столу.

— Вкусный чай,— задумчиво сказала она, ловко переливая из чашки в блюдце и поднимая блюдце к лицу.— Хорошо вас кормят?

— Первая норма. А в запасном полку, там третья была. Там нас кормили отвратительно плохо.— И еще повторил: — Отвратительно плохо.

— Завтра уже обратно? И Москвы-то не видели.

— Получим обмундирование и поедем.

— И сапоги получите? — Это, конечно, девчонка спросила, в самое больное место ударила.

Он посмотрел на нее с сожалением и не ответил.

— Молодая еще, глупая,— сказала мать и засмеялась.— Сам-то откуда?

Ему захотелось рассказать о себе, о матери, о сестренке, об отце, который на фронте. Но он рассказал почему-то только о домике с балкончиком. Когда Игорь был маленький, они часто гуляли с отцом у них по городку, а у пруда стоял аккуратный такой домик с балкончиком и цветными стеклами, и отец всегда говорил: вот, мол, когда будут деньги, мы купим этот домик. А его, наверно, и продавать-то никто не собирался.

— А деньги откуда будут?

— Он говорил: выиграем или, мол, поеду в Арктику, на зимовку, заработаю. А домик-то, наверно бы, и не продали.

— Значит, как бы мечта.

Он посмотрел на нее и не то чтобы подумал, но почувствовал, что еще вспомнит этот вечер, эту полутемную комнату с освещенным столом — где-то в землянке, в шатающейся теплушке, и даже там, где он, мужественный и сильный, вымахнет по сигналу за бруствер и прыжками двинется вперед, громко крича и не слыша собственного крика.

Саманин отодвинул чашку, не спрашивая разрешения, закурил и только собрался продолжить беседу, как хлопнула дверь и вошел, щурясь на голую лампу, старшина:

— Покушал?

На улице было тихо, накрапывал дождь. Саманин залез в кузов, мимо тихонько спящего Мити Ополовникова прополз на четвереньках поближе к кабине и лег на слабо пахнущие каленым пачки обмундирования. Он уже стал засыпать, думая о доме, об их городке, об аккуратном домике с балкончиком и цветными стеклами. Потом он вспомнил о той женщине в кузове встречной машины, которой он погрозил пальцем, а она засмеялась. Теперь ее грузовик уносился все дальше и дальше, но не пропадал из глаз, а она все улыбалась. И он услышал приглушенный женский смех. Он напрягся, вслушиваясь, но было тихо, лишь дождик шуршал по брезенту, и Саманин снова начал засыпать, когда явственно услышал мужской шепот, быстрый и настойчивый. А женщина тихонько смеялась. Он понял: разговаривали в шоферской кабине. Теперь он окончательно проснулся и, стоя на коленях, стал разгребать связки обмундирования, стараясь добраться до окошечка в кабину, застекленного и забранного стальными прутьями. Он докопался до краешка стекла, но ничего не было видно, а голоса смолкли.

Потом раздались шаги по булыжнику, и кто-то сказал:

— Молодой человек, у меня к вам большая просьба. Не откажите в любезности. Мне нужно немножко бензина зарядить мою зажигалку...

В кабине зашептались, щелкнула, открываясь, дверка, шофер сошел на землю.

— Большое спасибо. Очень вам благодарен. Вы добрый и благородный человек. Будьте счастливы оба, вы и ваша девушка...

Щелкнула дверка, шаги стали удаляться.

Саманин лежал на спине, широко раскрыв глаза, и слушал, как шуршит по брезенту дождь.

И вдруг он тихонько застонал, такой мучительной была мысль, пронзившая его. Что же он лежит здесь? Ему захотелось грубо разбудить Митю Ополовникова, сорвать с него шинель, закричать: «Что ты все спишь? Вставай сейчас же! Пойдем!»

Но он не стал будить Митю, а сам спрыгнул на мокрый булыжник, нагнувшись, поправил обмотки и набросил на плечи шинель. Было темно и тихо. Моросил дождик, мимо него кто-то прошел в дом, ему показалось, что это был старшина.

Саманин медленно брел вдоль машин; не зная, что делать дальше, постоял у крыльца, свернул за угол.

И там, у глухой стены, под козырьком крыши, сидели на лавочке две девушки — он подошел в упор — одна, с которой он пил чай, и вторая, плотная, крупная, в свитере и косынке.

— Ну, что, девочки,— сказал он хрипло,— как дела?

— Садись уж, раз пришел,— ответила знакомая, и он сел на лавку, но рядом с другой, потому что стоял к ней ближе. А та с другой стороны обхватила ее за шею и стала шептать что-то в самое ухо, заходясь от приступов смеха. Смех мешал ей, она никак не могла договорить, вскочила и побежала вдоль стеночки, попадая под дождь, сгибаясь от хохота, и, повернувшись на углу, помахала им.

— Чего это она дурью мучается? — спросил он неодобрительно.

— Она не над тобой, не обижайся.

Дождь заметно усилился. Они сидели рядом на лавочке, под козырьком крыши, с которого стекала вода, как бы огражденные этой стеной дождя от мира. Расположение, землянка, рота, уже вернувшаяся с наряда и отдыхающая,— все это было почти так же далеко, как дом, как домик с балкончиком.

— Что ж не спишь, солдат?

Он ответил от кого-то слышанным:

— Царствие небесное проспать боюсь. А ты?

— Не спится.

Внезапно над мокрыми крышами, легко пробив пленку дождя, мощно возник широкий луч прожектора. И с другой стороны и с третьей тут же, будто спохватившись, всплыли такие же голубые клубящиеся столбы, и в их скрещении, в световом прожекторном поле, обнаружился маленький самолетик. И в следующий миг прожектора разочарованно погасли, втянулись, хотя глаз еще долго не мог привыкнуть, что их уже нет.

Там, вдали, за холодными мокрыми крышами, была еще другая Москва, с улицей Горького, Красной площадью и Кремлем, но туда он пока не доехал. И где-то, наверно, была настоящая любовь, до нее он в своей жизни тоже еще не добрался. Но и так можно было сказать, что ему повезло.

Стало холодно и сыро. Саманин привстал, поправляя шинель, и неожиданно для себя набросил шинель и ей на плечи. Удивительно легко и свободно он обнял ее под шинелью за спину, и его рука просунулась к ней под мышку, коснулась ее груди и осталась там. И он сидел, замерев и не веря себе, что это он сидит вот так, и сама рука его не верила, что она лежит на ее большой теплой груди.

Он потянулся к ее лицу и ткнулся губами в ее сухие сжатые губы.

— Ты что, выпил, что ли? — спросила она.

— Пойдем ко мне в машину,— сказал он тихо,— там тепло.

— Ишь ты, быстрый какой!

И они сидели, прижавшись друг к другу, под его шинелью, и дождь свисал с козырька крыши, ограждая их от мира.

(Как он был тогда безжалостно молод, той дождливой московской ночью, в том далеком году!)

Они сидели, прижавшись друг к другу, но набитый карман его шинели мешал ей, упираясь в ногу.

— Ты чего елозишь?

— Карман мешает. Что там, хлеб у тебя?

— Хочешь?

— Нет.

Он вытащил хлеб (там было еще граммов четыреста — на завтра), он отломил и убрал корку, а остальное разделил поровну. Они ели хлеб медленно и задумчиво, глядя в темноту, на ближние мокрые крыши.

Теперь ему уже было как-то нехорошо опять просовывать руку к ней под мышку, и он просто обнял ее под шинелью за плечи. Думал ли он позавчера или вчера, что вот так будет сидеть здесь, ночью, в дождь, с девушкой. А другой рукой он взял ее за руку и перебирал ее пальцы.

— Рука у тебя какая маленькая,— сказала она удивленно,— меньше моей... Мне идти пора, мне утром на смену.

Еще посидела немного и встала.

— Ты еще здесь будешь? Приедешь?

— Нет,— ответил он спокойно.— Завтра обмундирование получим и на фронт.

— А...

Он хотел ее поцеловать, но почувствовал, что не стоило целоваться. Как-то это было ни к чему.

Она пошла вдоль стеночки по сухому и скрылась за углом. А он еще покурил, привычно держа цигарку под полой, чтобы не было видно.

В кузове было тепло и сухо. Беззвучно дыша, спал Митя Ополовников. В шоферской кабине разговаривали — тихо и серьезно...

Через месяц дивизия, заново обмундированная и вооруженная, понеся тяжелые потери, прорвала глубоко эшелонированную оборону противника.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ГРАЦИИ

А. ВАСИН

Фото А. Бочинина.

В Московском областном педагогическом институте готовят педагогов по разным предметам. Но разве будет плохо, если учительницы математики или истории будут еще и грациями, самыми обыкновенными грациями? И среди девушек, готовящихся стать преподавателями, все больший интерес вызывает художественная гимнастика. Вот почему на занятия Зинаиды Григорьевны Тучкиной, заслуженного тренера РСФСР, приходит все больше студентов. С 1949 года Зинаида Григорьевна ведет в институте педагогическую и тренерскую работу, читает лекции на факультете физического воспитания, проводит практические занятия. Она вырастила уже 11 мастеров спорта, и среди них — известная гимнастка Эльвира Аверкович.

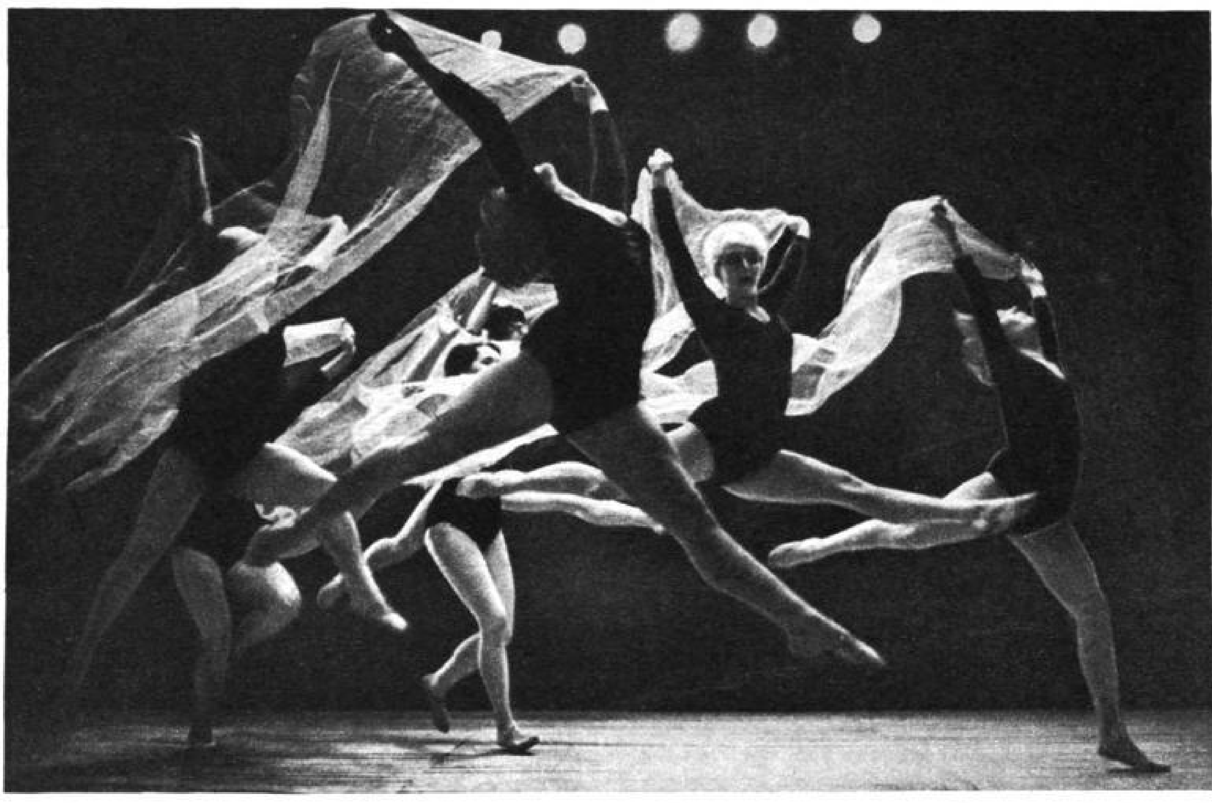
Зинаида Григорьевна ведет в институте курс музыкально-ритмического воспитания, включающего элементарную теорию музыки и овладение двигательными навыками — в общем, все то, что пригодится не только гимнастке, но и любому преподавателю. Затем — семинары, практические занятия, а вечером состязания или тренировки.

Много времени отнимает старшая группа по художественной гимнастике. 20 человек занимаются у Тучкиной по программе мастеров и перворазрядников. Не каждый институт может похвастаться таким созвездием! Вот Раиса Балкова — молодая гимнастка, вошла в сборную команду РСФСР. В юношеской сборной России честь республики защищает другая ученица Зинаиды Григорьевны, Люда Кочемасова, а в сборной области институт представлен двумя студентками — мастером спорта Галиной Фадиной и Натальей Зиминой.

За последние четыре года девушки порадовали своего тренера восемью медалями самого разного достоинства, причем среди них были и золотые, завоеванные на чемпионатах страны. А путь их один — обязательные факультативные занятия по художественной гимнастике, затем тренировки в секциях, а уж потом занятия в группе мастеров.

Когда работаешь с молодежью, особенно быстро летит время. Недавно гимнастки проводили на тренерскую работу Эльвиру Аверкович, а Зинаида Григорьевна, прощаясь с ученицей, думала о том, кто из нынешних ее учениц сможет добраться до таких вершин. Может быть, Нина Кузнецова? У этой девушки, студентки естественно-географического факультета, мастера спорта, хорошие данные и удивительная работоспособность.

С сентября прошлого года группа, с которой ведет занятия Зинаида Григорьевна Тучкина, называется объединенным учебным отделением спортивного совершенствования. Сейчас такие группы по разным видам спорта созданы в восьми вузах страны. Новое название — это не просто новое сочетание слов. Нет, это новые поиски, новые методы работы и, если хотите, новые трудности. И только одно остается по-старому в группе заслуженного тренера РСФСР З. Г. Тучкиной: обыкновенные грации по-прежнему стремятся к совершенству, терпеливо шлифуют свое мастерство.

Групповое упражнение с шарфом.

Зинаида Григорьевна Тучкина.

Тренируется Галя Фадина.

На уроке химии.

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ

Александр ДАНИЛИЧЕВ

...Старая московская улица Верхняя Масловка. Здесь один возле другого в тридцатых годах начали расти высокие, с большими окнами дома художников. Прекрасные часы проводили мы там, начинающие тогда живописцы, собираясь в мастерской Александра Павловича Бубнова! В этом году Александру Павловичу исполнилось бы 60 лет. Но художник рано умер — пятидесяти шести лет. Сдало сердце. Последние годы жил он за городом, как-то все ему недомогалось.

Но те военные и послевоенные наши годы мне трудно представить без Александра Бубнова. Жизнелюбивый, добрый, мягкий, он легко сходился с людьми. Вечерами в его мастерской собирались художники и его ровесники и помоложе. Смотрели новые работы, спорили о путях искусства, мнений было много, все разные, так что конца спорам не было, рассказывали друг другу темы будущих картин...

А днем мой мольберт часто стоял в мастерской Бубнова. Работа в мастерской Александра Павловича дала мне очень многое. Бубнов любил молодежь и отдавал много сил и энергии работе с ней.

Человек, обладавший талантом, имел для Александра Павловича всегда притягательную силу. И, почувствовав талант, он старался помочь художнику в жизни и направить в искусстве. Молодежь, зная, что всегда может рассчитывать на его доброжелательность, верила ему. Вообще мне кажется, что в те годы молодые художники с бо́льшим доверием и признательностью относились к своим учителям и поэтому больше могли воспринять, большему научиться. Да и у самих художников того поколения, к которому принадлежали Бубнов, Гапоненко, Нисский, Одинцов, Малаев, была крепкая творческая дружба. И сами они умели видеть ценное в творчестве старших художников. Уважение к предшествующей школе всегда говорит о широте взглядов и разумном, твердом отношении к искусству. И сейчас, когда смотришь некоторые картины ушедших уже из жизни мастеров, отчетливо видишь великолепные качества произведений, которые прожили десятилетия и еще будут продолжать свою жизнь. Это и «Приказ о наступлении» П. Шухмина, и портреты А. Герасимова, и «Таманский поход», «Братья» П. Соколова-Скаля. Умелый рисунок, психологическая образность, продуманность композиций привлекают и сейчас внимание зрителей к этим произведениям.

Как бы ни развивалось искусство, оно развивается последовательно, и каждое поколение художников должно свои знания обогащать опытом предыдущего. Нравятся результаты этого опыта или не нравятся, но относиться к нему надо внимательно, а не сбрасывать его со счетов. Нельзя построить лестницу, оставляя провалы в несколько ступенек. Это опасно, если по ней попытаются подниматься.

Ранние работы Бубнова посвящены историко-революционной теме. Он обладал богатым воображением и реалистическим восприятием мира. Сочетание таких качеств помогало Александру Бубнову создавать произведения, отнесенные годами уже к истории.

«Белые в городе», картина 1934 года, написана, несомненно, под влиянием Петрова-Водкина. Умозрительность Бубнову всегда была чужда, и в этой композиции он находит живые, конкретные детали, с помощью которых можно ощутить время. Мне нравится и следующее большое его полотно, «Яблочко». Хотя, может быть, как раз в этой картине живописец не все сделал в полную свою силу. Друзья советовали ему проверить композиционное решение еще раз. Но Александр Павлович, человек увлекающийся, с быстрой хваткой, которому легко все давалось, не сумел вернуться к этому полотну. А уже шла война. Бубнов много работал в «Окнах ТАСС». Он пишет картины об исполинской силе народа, о безымянных героях, о бессмертных подвигах: «На огневую позицию», «Бородинское поле в 1942 году», портрет Александра Матросова...

Тогда уже живописец задумал написать грандиозное полотно о битве на Куликовом поле.

В 1945 году я поехал на Волгу работать. Там я нашел очень интересный типаж. Послал письмо Бубнову: приезжай, есть герои для твоей картины. Он приехал, написал там семь или восемь портретов. И все они потом вошли в композицию о Куликовской битве. В ту поездку мы много писали пейзажей. Бубнов очень любил природу. Может быть, отсюда и родились все сказочные его композиции. На охоте, на рыбалке, во время прогулок засмотрится на какое-нибудь замечательное сочетание красок в природе, таинственное, прекрасное,— и начинает фантазировать, что вот отсюда должен появиться Иван-царевич, а тут непременно живет леший, а через это поле, вполне возможно, в тот далеко виднеющийся сад пролетит в полночь Жар-птица. И как будто все сказочное становилось реальным или реальное — сказочным. Так ведь и в его двух картинах с одним и тем же названием — «Сказка». Внутренняя близость с природой настолько наполняет эти полотна реальностью, что и сказочных героев начинаешь воспринимать как реальные, жизненные персонажи.

...Бубнов... Сегодня, когда особо остро разгораются споры о влиянии русской национальной школы на современное искусство, о роли традиций в живописи, идущих от древних русских икон и возрожденных в холстах Сурикова, Нестерова, Васнецова и Корина, важно понять меру вклада каждого художника в дело исполнения великих задач и благородной цели — воспевать Россию, красоту ее полей и рек, мужественные образы ее людей, ее гордую историю.

...«Утро на Куликовом поле». Серьезный художник вел большую подготовительную работу. Менялись эскизы картины, собирались натюрморты с доспехами, этюды, портреты волжан, портрет скульптора Кибальникова. Постепенно герои занимали свои места в картине, оживали, начинали действовать.

«...Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в позлащенное стремя и взем свой меч в правую руку. Солнце ему ясно сияет на востоце и путь поведает... А воеводы у нас вельми крепци, а дружина сведома, имеют под собой борзые комони, а на себе доспехи злаченые, а шеломы черкесские, а щиты московские, а кинжалы сурские...»— повествует знаменитый памятник русской литературы XV века «Задонщина», в котором летописец рассказывает о битве на Куликовом поле русской рати во главе с Дмитрием Донским.

На картине среди бескрайнего поля расположилось войско, застывшее в ожидании жестокой решающей битвы. В центре, под развевающимися на ветру священными хоругвями, на богатырском коне, в кольчуге, епанче и шеломе, сидит князь Дмитрий Донской. Его обнаженный меч направлен в сторону врага.

В любую минуту по слову Донского каждый воин готов ринуться в бой. Эта напряженность перед схваткой дает возможность художнику показать нравственную силу русского народа, спокойствие, выдержку, уверенность в победе.

Бубнов работал над картиной около пяти лет — и в результате зрелая, законченная композиция.

Мне представляется «Утро на Куликовом поле» не только самым интересным произведением в творчестве А. П. Бубнова, но и значительным явлением в советской исторической живописи.

И если говорить о том, что же самое характерное для работ Бубнова да и других живописцев его поколения, то, наверное, первое, что надо сказать,— это очень серьезный подход к решению образа. Каждый участник многофигурной композиции хорошо прописан, объемно вылеплен его характер, его психологический образ. Это суриковская линия в русской живописи. Такие картины интересно рассматривать, каждый ее фрагмент дополняет основную тему, сообщает что-то обязательное, важное зрителю. В таком подходе к решению произведений — одна из традиций культуры русского искусства. Ей следовал всегда и Александр Павлович Бубнов.

А. Бубнов. ТАРАС БУЛЬБА. 1954.

ЛЕТО. 1957.

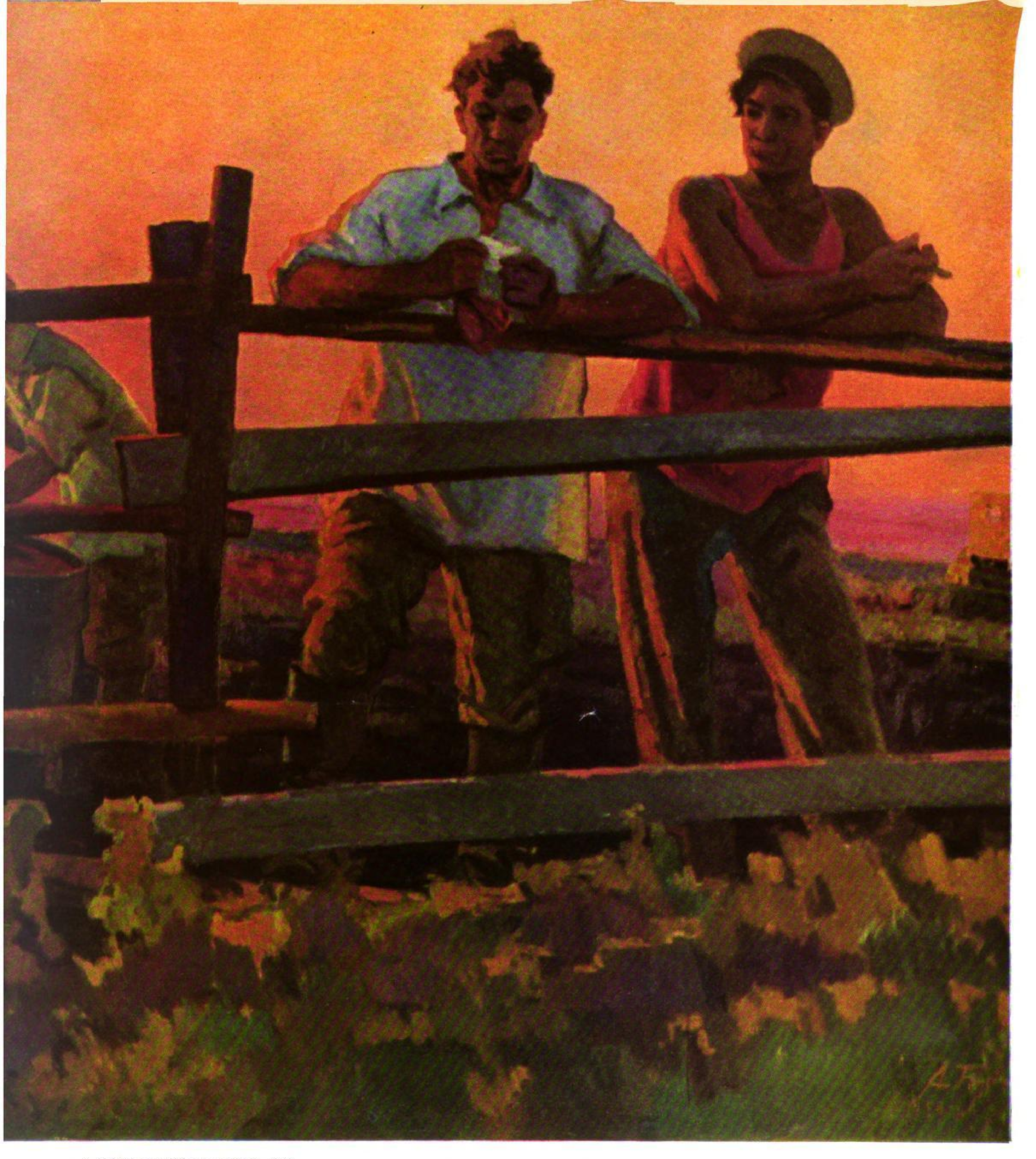

А. Бубнов. УТРО НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ. 1947.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Бубнов. ВЕЧЕР НА ПАШНЕ. 1960.

ВЕРИКО

Кадр из фильма «Отарова вдова».

Вы не задумывались над тем, почему у нас почти что вывелись трагедийные актрисы? Наверно, потому, что им нечего играть? Можно ли играть одного Шекспира, или великих греков, или кого-нибудь еще древней? А почему нет новых Шекспиров, на это, видимо, каждый ответит по-разному.

Но пока с грустью констатируем, что трагедийные актрисы выводятся. Их у нас все меньше и меньше. В конце концов они будут чем-то вроде динозавров или пицундской реликтовой сосны.

Я знаю одного такого «динозавра». Полвека он рыщет по мировой и национальной драматургии в поисках крупных страстей, хватает за фалды живых авторов, бьет кулаком по трибуне съездов Театрального общества. Это «динозавр» очень темпераментный и неунывающий. Имя ему — Верико Анджапаридзе.

Если мы знаем, что человек 50 лет подряд ежедневно ходит в школу, на завод или в больницу, отдавая делу весь пыл своей души, мы испытываем к такому человеку огромное уважение. Но вот ежедневно пятьдесят лет подряд ходит в театр трагедийная актриса. Днем она на репетиции, вечером играет спектакль. Сегодня ее раздирает ужас отвергнутой любви, завтра — верность любимому толкает на безумный шаг. Она наслаждается и ненавидит, она негодует и страдает, умоляет, отрекается, изнывает.

Тонны чувств. Шквал страстей. И смерти... Сегодня смерть матери, завтра смерть блистательной куртизанки, послезавтра умирает женщина-боец. Сколько раз умирала на сцене Верико Анджапаридзе, захлебнувшись от рыданий, упав, как подкошенная, погаснув, как свеча...

— Но вот скоро камелия должна умереть. Как я боялся, чтобы в этой сцене вы не разбили всего созданного вами за целый вечер!.. Но ваша камелия умерла так, что я даже не заметил,— она затихла, уснула, и все. Как это верно!

Это сказал Владимир Иванович Немирович-Данченко, посмотрев Верико в «Даме с камелиями». Он был потрясен. Он пригласил актрису к себе, усадил ее подле себя.

— Многих камелий я видел,— сказал он.— Две из них были замечательные. И вот на старости лет я увидел вас и сравниваю с теми двумя камелиями — Элеоноры Дузе и Сары Бернар. Вы ближе к Дузе. У меня даже было такое ощущение, что вы видели Дузе — не читали о ней, а именно видели ее. Но в последнем акте я понял, что это не так. Последний акт — это неповторимо... Я впервые вижу, чтобы актриса разрешила так болеть своей камелии, как это сделали вы, Верико. Вы теряете голос, постепенно хрипнете, и когда в конце в этом хриплом голосе слышатся сплошные рыдания,— это потрясает...

В этот вечер тогда еще малоизвестной грузинской трагической актрисе Верико Анджапаридзе были сказаны и такие слова:

— За две-три сыгранных так роли я ставил бы артисту памятник.

После были и две и три таких сыгранных роли. Была Юдифь из «Уриэля Акосты», Клеопатра из «Антония и Клеопатры», «Медея» Эврипида, Бабушка из пьесы Касоны «Деревья умирают стоя».

...В театре имени Марджанишвили, где работает Верико, шел спектакль. Перед последним актом, выйдя за кулисы, Верико упала и сломала руку. Страшная боль пронизала ее на миг. Но всего лишь на миг! Еще не отболела, не ушла из нее Клеопатра. Актрисе надо было сначала покончить с ней, Клеопатрой, трепещущей в каждой жилке. И со сломанной рукой, перед ничего не подозревающими зрителями, она с блеском доиграла спектакль. До какой же степени надо было воплотиться в образ своей героини, до какой степени изгнать из себя себя?! Что же это — искусство на грани йогов?

Верико играет Медею. На ней подлинные, извлеченные из древнейших гробниц археологами тяжелые серебряные браслеты, кольца, бусы. Такие, может быть, носили знатные колхидянки. И эта достоверность — не столь важная для зрителя — помогает актрисе достигнуть какой-то новой, небывалой степени чрезвычайно важной достоверности чувств. Медея — Верико в ту пору, пожалуй, лучшая из советских Медей. Но вот приезжает в Тбилиси на гастроли греческая Медея — актриса Папанатасиу. Зрительный зал взрывается бурей восторгов. Он отдает предпочтение гостье. Верико стискивает в своих объятиях греческую Медею. Большая актриса никогда не завидует успеху большой актрисы. Подлинное всегда радует и волнует до глубины души.

Наверно, поэтому и Фаина Григорьевна Раневская, московская Бабушка из спектакля «Деревья умирают стоя», выбегает на подмостки для того, чтоб еще на публике прижать к себе Верико, чтобы сказать себе, ей, всем москвичам, пришедшим на марджановский спектакль:

— Это бесподобно. Это по-испански. Вот кто настоящая касоновская Бабушка!!!

Бесконечно разнообразны женские трагедии — любовные, материнские, гражданские... Человеку, перенесшему свою, камерную трагедию, или человечеству, испытавшему в наш беспокойный век множество величайших трагедий, казалось бы, бежать от них в искусстве подальше. Бежать в веселье, в благостный уют, в праздный смех... Но нет, представьте, как ни странно, а мелкость и пустячки, предъявленные со сцены или с экранов, смотреть становится все обидней и все стыдней. Чувства крупным планом — только они способны по-настоящему взволновать, потрясти, вызвать мысли. А что значит вызвать мысли? Не может мысль болтаться в голове без дела, она непременно должна найти себе выход.

Я видела почту Верико Анджапаридзе, полученную актрисой после того, как фильм «Отарова вдова» обошел киноэкраны страны. Очень несложен сюжет «Отаровой вдовы»: где-то в начале фильма мать теряет сына. Все, что происходит дальше,— это горе перенесенной потери. Во весь экран лицо, сомкнутые губы, глаза, голос. В сущности, больше ничего. Женщина — грузинская крестьянка. Дело происходит до революции. Все просто. Ординарно. А сколько писем к актрисе из глубинок России! Все больше от молодежи. Чудесное письмо юноши из рабочего общежития. Он пишет о своем соседе, товарище. Как-то холоден был его товарищ к своей матери. А после просмотра фильма пришел задумчивый... Через несколько дней отправил домой посылку. Со следующей получки — еще...

Как ни примитивно выглядит на этом примере воздействие искусства на человека, а оно, конечно же, неизмеримо глубже и отнюдь не впрямую подотчетное,— все же как ощутим здесь тот ответный, зрительский бальзам на те раны, которые из образа в образ поистине кровоточат у большой актрисы.

А ей все мало, мало, мало! Кажется, внутри этого человека смонтирован некий синхрофазотрон, где частицы разогнаны на сто лет вперед.

Мы начинаем разговаривать о разном. А в глазах актрисы один вопрос:

— Что играть?.. Ведь нечего играть!..

Глаза при этом горят. Яркие, миндалевидные, как на грузинской фреске, молодые глаза, глаза человека, который еще много может.

Но никакая энергия не исчезает втуне. И все то, чего лишена актриса на сцене, она, словно в отводной канал, сбрасывает в жизнь, бурлящую вокруг. Она далеко не безучастна к этой жизни!

Умирает в Грузии поэт. В день прощания с ним в репродукторах звучит столь знакомый каждому грузину голос Верико. Она, конечно, знала поэта, читала его стихи, заседала с ним в комиссиях, участвовала в застольях. Она находит для него свои, какие-то особые задушевные слова. И те, кто слушает ее, горюют вместе с ней. А ведь и это важно — достойно проводить человека хорошим, добрым словом.

Приезжают в Грузию гости... Театральные работники, деятели культуры из разных стран. Как красиво может принять Верико гостей! Сколько легкости, юмора и праздника появляется в ее речах!

Однажды я слушала ее выступление на маленьком скромном собрании врачей. Провожали на пенсию милого старого доктора. Говорили много хороших слов. Встала и Верико, заговорила о назначении врача. Ну, что можно нового сказать на эту тему самим врачам? Чем встревожить их? Но встревожила-таки чародейка! Я видела влажные глаза...

Ей бы играть да играть. А может быть, и эта игра,— которая не игра, которая в жизни,— еще нужней, еще важней для людей? Кто знает, как должно быть, если и жизнь и сцена — все одинаково нужно, одинаково дорого человеку. И он отдает себя не скупясь.

Ия МЕСХИ

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

Просто фотографии

Каких только не бывает коллекций! Вряд ли ошибусь, если скажу, что существуют сотни и сотни разновидностей собирательства. Да к тому же каждая из этих разновидностей имеет свои обособленные темы, и порой весьма многочисленные.

Так, например, множество людей во всем мире собирают марки, коллекционируют их и у нас. Но афоризм неувядаемого острослова Козьмы Пруткова — «Никто не обнимет необъятного» — помнят и наши целеустремленные собиратели марок. Поэтому часто, как бы исходя из этого мудрого афоризма, они ограничиваются узкими, конкретными темами и добиваются первоклассных результатов.

Об одном таком коллекционере недавно рассказала ялтинская «Курортная газета». Оказывается, в Севастополе живет Игорь Борисович Сачков, собравший уникальную коллекцию марок, посвященную только морю — жизни океана и истории морских географических открытий, кораблестроению и военно-морскому флоту, освоению Арктики и Антарктики, рыбакам и рыбам. И. Б. Сачков отыскал уже свыше десяти тысяч марок для своей коллекции, в которой представлено около ста стран, начиная с бывшей британской колонии Ньюфаундленд, выпустившей в 1866 году первую почтовую марку с изображением рыбы.

К собиранию коллекции совсем другого рода приступил еще в 1878 году двадцатилетний студент Петербургского университета.

Он задался целью собрать фотографии выдающихся русских писателей, артистов и художников — своих современников, к тому же, по возможности, с их дарственными надписями. И вот сейчас, когда с той поры прошло уже девять десятилетий, мне удалось обнаружить в Париже небольшую часть этой коллекции, ставшей к концу жизни собирателя огромной и великолепной. Но даже то, что отыскалось в Париже, представляет бесспорный интерес, поэтому я и решил посвятить настоящий очерк этим чудом сохранившимся фотографиям.

I

Если вы откроете второй репинский том «Художественного наследства», вышедший в 1949 году, то на странице 251-й увидите исполненный в Пенатах в 1909 году снимок, где запечатлены гости И. Е. Репина на одной из его «сред»: в их числе К. И. Чуковский, С. Н. Сергеев-Ценский, А. И. Свирский, Осип Дымов, шлиссельбуржец Н. А. Морозов, артистка Л. Б. Яворская и другие деятели русской культуры. Каждый расписался под снимком. Некоторых я знал даже лично в поздние годы их жизни, другие были мне известны по литературе. Но один из запечатленных на фотографии оставался для меня неведомым, хотя подпись его и имелась в числе других. Это коренастый, средних лет мужчина, стоящий рядом с Репиным, во втором ряду справа. А ниже его автограф: «Я. Сахáр».

Фотография была предоставлена К. И. Чуковским, оказавшим мне, кстати сказать, весьма значительную помощь в создании репинских томов «Художественного наследства». Когда я спросил Корнея Ивановича, кто такой Я. Сахар, то он ответил, что в первое десятилетие нашего века это был известный петербургский нотариус, большой любитель литературы, театра и изобразительного искусства, очень добрый человек, неизменно участвовавший в различных филантропических начинаниях.

Должно же было так случиться, что во время пребывания в Париже я познакомился с дочерью Якова Фаддеевича Сахара — Норой Яковлевной. А когда она пригласила меня к себе, я впервые узнал, что, начиная со студенческих лет и до конца своих дней, ее отец заполнял альбом за альбомом фотографиями, которые ему дарили видные представители культуры, преимущественно русской. И не только узнал: хотя все эти альбомы Нора Яковлевна, уезжая за границу, оставила в Петрограде, она мне показала фотографии, видимо, из числа наиболее интересных, которые взяла с собой. Более того, по моей просьбе Нора Яковлевна любезно согласилась отправить их на родину, в один из наших государственных архивов.

Об этих фотографиях ниже и пойдет речь. А сейчас скажу лишь, что две весьма примечательные фотографии — И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского, с дарственными надписями Я. Ф. Сахару,— Нора Яковлевна незадолго до моего приезда передала известному парижскому коллекционеру С. А. Белицу. Первую он уступил своему знакомому, а вторая попала на аукцион автографов в ФРГ. И все же обе — одну в пересъемке, а другую в оригинале — мне также удалось получить.

II

Я. Ф. Сахáр скончался в Петербурге 16 февраля 1911 года в возрасте пятидесяти двух лет (он родился в Симферополе 14 сентября 1858 года).

Просмотр вышедших после его смерти столичных газет и журналов — отнюдь не доскональный — дал возможность выявить свыше десяти статей и некрологов, посвященных покойному. В них прежде всего отмечалось, что Я. Ф. Сахар, став с юношеских лет театралом, превратился в популярнейшего и преданнейшего друга актеров. И они платили Якову Фаддеевичу большой любовью.

Обладая обширнейшей памятью, он являл собою как бы живую энциклопедию театра. «Не было премьеры, не было ни одного более или менее интересного спектакля,— рассказывал журналист Владимир Рышков,— чтобы Яков Фаддеевич не присутствовал на нем».

Знаменитый драматический артист В. П. Далматов, которого театральный критик А. Р. Кугель называл «культурнейшим русским актером», близкий друг Я. Ф. Сахара, отозвался о нем в печати как о человеке необыкновенно доброй души и привел такой пример:

«Одна старая артистка пожаловалась Якову Фаддеевичу, что ей негде на старости лет голову склонить.

— Хотела бы выстроить в провинции домишко, да не хватает деньжонок.

— А сколько не хватает? — спросил Сахар.

— Трех тысяч.

— Эти деньги я могу вам дать,— сказал покойный и вручил старушке чек».

Будучи наиболее авторитетным нотариусом столицы, Я. Ф. Сахар много зарабатывал. Но с артистов и художников он никогда не брал причитавшегося ему десятипроцентного гонорара. Как сообщает автор одного некролога, А. И. Куинджи составил свое знаменитое трехмиллионное завещание в пользу художников при безвозмездном содействии Я. Ф. Сахара.

Наряду с театром Яков Фаддеевич любил живопись, дружил со многими художниками и собрал большую коллекцию картин, в которой были, в частности, превосходные произведения Перова, Петра Соколова, Репина, Айвазовского, Рериха.

Но больше всего Я. Ф. Сахар увлекался собиранием фотографий актеров. Недаром почти все авторы посвященных ему некрологов самым восторженным образом упоминали об этой коллекции. Видный театральный деятель А. А. Плещеев, сын известного поэта, писал после смерти Якова Фаддеевича: «Страсть к сцене и любовь к актерству выражались у Сахара прежде всего в собирании портретов артистов. Он превратился в форменного коллекционера, и то, что у него собрано по этой части,— это драгоценно: есть редкие, никому не известные портреты». В другом некрологе было сказано по тому же поводу: «Обожая театр, Я. Ф. собирал редкие театральные фотографии и гравюры и составил замечательную коллекцию, которою любил похвастать». Уже упоминавшийся журналист Владимир Рышков писал: «После Я. Ф. осталось прекрасное собрание театральных реликвий,— будем надеяться, что оно не разойдется по мелочам». Корреспондент журнала «Театр и искусство» утверждал: «У покойного была едва ли не первая по количеству коллекция артистических фотографий. Редчайшие фотографии составляют целые альбомы».

О том же дважды писал журналист И. С. Розенберг, брат художника Л. С. Бакста. Первая его заметка появилась 16 марта 1911 года — ровно через месяц после смерти Якова Фаддеевича. Вот ее полный текст:

«Покойный Я. Ф. Сахар завещал свою театральную коллекцию московскому музею А. А. Бахрушина.

Вчера мне пришлось видеть эту коллекцию. Она состоит из нескольких огромных альбомов с фотографиями известных артистов в разные периоды их карьеры. Тут оперетка, драма, итальянская опера. Нужно удивляться неутомимости, с которой покойный собирал все эти портреты, заботясь, очевидно, о соблюдении хронологического порядка.

Французская и русская оперетка представлены с самых первых своих шагов: Деверна, Кадуджа, Бланш Гандон, Жюдик, Шнейдер, Ру, Жюто, Лядова, Кроненберг, Абаринова, Монахов, Сазонов, Савина. Едва ли у самой Марии Гавриловны найдутся фотографии, где она снята амуром в «Орфее в аду» и «Прекрасной Елене» с классическим разрезом.

Любопытны фотографии Давыдова и Варламова в молодости. Оба худощавые, совсем не похожие на нынешних толстяков.

В альбоме итальянской оперы большую редкость представляет фотография знаменитой Полины Лукки, снятой вместе с Бисмарком. Как известно, железный канцлер одно время очень увлекался этой певицей».

Через пять дней И. С. Розенберг снова вернулся к той же теме. В этой заметке было сказано: «Досадно, что театральная коллекция покойного Я. Ф. Сахара уйдет в Москву. В этой коллекции имеется, между прочим, прекрасный масляный портрет известного актера Виноградова работы Перова. Виноградов и телом и душой принадлежал Петербургу. Почти вся карьера его прошла в Александринском театре, где он являлся заместителем знаменитого Павла Васильева. Этот портрет очень желательно видеть в фойе Александринского театра, рядом с Сосницким, Горбуновым, Самойловым и другими прежними корифеями нашей казенной драмы».

Вряд ли соответствует действительности утверждение, что Я. Ф. Сахар завещал свое собрание московскому театральному музею, в ту пору существовавшему в качестве всего лишь частной коллекции А. А. Бахрушина. По-видимому, такого завещания вовсе не было: Сахар умер неожиданно, проболев всего три дня воспалением легких, и в таком возрасте, когда не думают о том, кому завещать любимую коллекцию. Быть может, он и говорил жене, что место ей в музее. Но театрального музея в Петербурге не существовало, и нет сомнений, что после смерти Сахара коллекция осталась в семье.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 47, 49, 52 за 1966 год; №№ 3, 5, 6, 8, 12, 13, 31, 33, 35, 48, 49, 50 за 1967 год.

Предпринятые мною поиски в известной мере подтверждают это предположение. В Государственном театральном музее имени А. А. Бахрушина нет портрета И. Виноградова кисти В. Г. Перова, о котором говорит в своей некрологической заметке Н. С. Розенберг (да неизвестно, существовал ли такой портрет в действительности, так как он не упомянут в «Списке произведений Перова», опубликованном в 1899 году Н. П. Собко, лучшим знатоком творческого наследия художника). А из всех альбомов, заполненных фотографиями, собранными Сахаром, в этом музее оказался лишь один, да и он поступил сюда в послереволюционные годы. Но зато этот альбом дает представление о том, как оформлялась театральная коллекция Сахара. Он переплетен в темно-коричневую кожу, на лицевой стороне вытиснено: «Русская опера. 1870—1891», а на корешке — «Я. Ф. Сахар». В альбоме было 305 фотографий, но 12 из них отсутствуют. Размер его — 33 × 40 сантиметров, вес — около восьми килограммов. Обращает на себя внимание порядковый номер на альбоме — «№ 9». Напрашивается косвенное заключение, что в коллекции Сахара таких альбомов были десятки. В этом же альбоме № 9, ныне хранящемся в Бахрушинском музее, представлен цвет русской оперы за 1870—1891 годы. Но на одной только фотографии есть дарственная надпись: «Доброму другу Якову Фаддеевичу Саха́ру от П. Лодий». Известный русский тенор Петр Андреевич Лодий изображен в роли Лоэнгрина (опера Рихарда Вагнера). Певец дружил с М. П. Мусоргским, М. А. Балакиревым, П. И. Чайковским и нередко выступал первым исполнителем их романсов и оперных арий. Возможно, что дарственными надписями были снабжены и те фотографии, которые ныне в альбоме отсутствуют.

Небольшие результаты дало обращение в Ленинградский театральный музей. Благодаря любезности старшего научного сотрудника Э. К. Норкуте удалось выяснить, что часть коллекции Я. Ф. Сахара поступила сюда в 1921 году. Но, к сожалению, альбомы были тогда же расшиты и все фотографии включены в общий музейный фонд. Пока обнаружено 170 фотографий из этой коллекции, но ни на одной из них не оказалось автографа. Видимо, кроме фотографий с дарственными надписями, сохранившимися у Норы Яковлевны, существовали и многие другие, но уцелели ли они и где находятся — неизвестно.

III

Фотография И. С. Тургенева с его дарственной надписью была, видимо, одной из первых, положивших начало этой коллекции. Выполнил ее, как гласит печатный текст на оборотной стороне, «фотограф их имп. величеств художник г. Деньер, в Петербурге». Сделан же был этот снимок в первой половине марта 1879 года (Тургенев приехал в столицу 8 марта, а выехал в Париж 21 марта этого года). Надпись на фотографии гласит:

«Якову Фаддеевичу Сахару
на память от
И. Тургенева.
С. П.бург
15 марта 1879».

По-видимому, именно об этой фотографии А. И. Деньера идет речь в заметке, появившейся в сентябре 1883 года в газете «Новое время» после смерти Тургенева: «Известный фотограф Деньер показывал сегодня кабинетный портрет И. С. Тургенева, снятый в 1879 году. Портрет этот прекрасно воспроизводит черты покойного писателя, лицо спокойное, бодрое, без той серьезности, которая обыкновенно выходит в фотографиях, благодаря принудительному положению снимающегося».

Студенту Сахару было двадцать с небольшим лет, когда он получил от Тургенева эту фотографию с дарственной надписью. Писателю, несомненно, понравился этот культурный юноша, к тому же страстный любитель театра. Да и познакомиться они могли в тот же самый день — 15 марта — в Александринском театре, где Тургенев в первый раз увидел молодую М. Г. Савину на сцене, к тому же в роли Верочки. После этого спектакля в одной из петербургских газет появилась такая заметка: «Вчера, в четверг, 15 марта, в Александринском театре давали комедию «Месяц в деревне». В театре находился автор ее, И. С. Тургенев. Весть о присутствии автора быстро разнеслась в зале, и все взоры устремились на директорскую ложу, в которой сидел И. С. Тургенев. По окончании 2-го действия раздались крики: «Автора!» Тургенев раскланивался из ложи. Аплодисменты и крики долго не умолкали. Многие из зрителей встали с своих мест и махали платками. Овация вышла вполне торжественной».

Слухи о предстоящем посещении Тургеневым этого спектакля, конечно, распространились в театральных кругах Петербурга, и с полным основанием можно предположить, что молодой Сахар, узнав об этом, попал на спектакль. Купив же предварительно у Деньера фотографию писателя, он мог вечером, в антракте, попросить Ивана Сергеевича сделать на ней надпись.

Приведу, кстати, два отклика Тургенева на выступление Савиной в этом спектакле. Вот что она пишет в своих воспоминаниях: «После третьего действия (знаменитая сцена Верочки с Натальей Петровной) Иван Сергеевич пришел ко мне в уборную, с широко открытыми глазами подошел ко мне, взял меня за обе руки, подвел к газовому рожку, пристально, как будто в первый раз видя меня, стал рассматривать мое лицо и сказал: — Верочка... Неужели эту Верочку я написал?!. Я даже не обращал на нее внимания, когда писал... Все дело в Наталье Петровне... Вы живая Верочка... Какой у вас большой талант!»

А на следующий день, 16 марта, собираясь нанести Савиной визит, писатель отправил ей такую записку: «Любезнейшая Марья Гавриловна, я буду у Вас сегодня ровно в 4 часа. Пока скажу Вам, что у Вас большой и дивный талант — и я с особенным чувством целую Ваши обе руки. Пятница. Ваш Ив. Тургенев».

Фотография Тургенева с его дарственной надписью Сахару поступила несколько лет назад к С. А. Белицу; от него она перешла к А. Я. Полонскому, которого благодарю за предоставление ее мне.

В следующем году молодой студент познакомился с Ф. М. Достоевским и получил от него (если не приобрел у петербургского фотографа Константина Шапиро) фотографию, под которой Федор Михайлович написал:

«Якову Фаддеевичу Сахар
на память
от Ф. М. Достоевского.
16 декабря/80 г.».

Чем ознаменовался этот день в жизни писателя? Где они могли встретиться?

В исследовательской литературе на первый вопрос имеется лишь один ответ: по предложению К. П. Победоносцева 16 декабря 1880 года Достоевский посетил в Аничковом дворце наследника (будущего Александра III). Вполне возможно, что встреча с молодым студентом произошла у Достоевского, который жил тогда в квартире № 10 дома № 5/2 на углу Ямской улицы и Кузнечного переулка.

Помимо этой, сохранилось всего шесть фотографий Федора Михайловича с его дарственными надписями. Та, что получил Сахар, самая поздняя по дате — это были последние недели жизни писателя, скончавшегося 28 января 1881 года.

Как я уже говорил выше, фотография Достоевского с его дарственной надписью Я. Ф. Сахару поступила в прошлом году на аукцион автографов в ФРГ. В городе Марбурге существует антикварная фирма Штаргардта, которая занимается продажей автографов выдающихся представителей литературы, музыкального, театрального и изобразительного искусства, ученых и политических деятелей. Фирма эта, основанная в Германии в 1857 году, систематически устраивает аукционы автографов. Она выпускает богато оформленные каталоги, из которых видно, как часто там бывают автографы русских писателей и музыкантов. Фотография Достоевского с его надписью Сахару указана в каталоге № 580, выпущенном в связи с аукционом, назначенным на 23—24 мая 1967 года.

Переснимок с этой примечательной фотографии мне передал С. А. Белиц, получивший ее в 1965 году от Н. Я. Сахар. Приношу ему свою признательность за разрешение эту фотографию опубликовать.

В числе снимков, отправленных Норой Яковлевной на родину, писательский только один — изображает он Д. В. Григоровича. На лицевой стороне фотографии две надписи. Первая гласит:

«Многоуважаемому Якову Фаддеевичу Сахар
Д. Григорович.
25 ф[евраля] 1898».

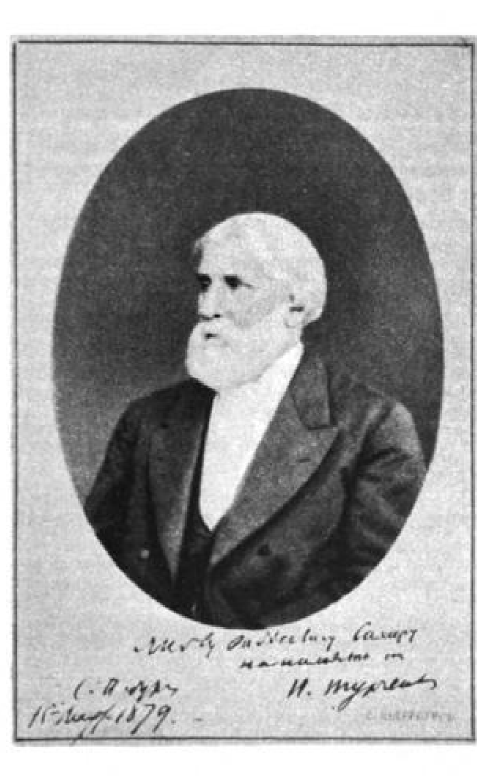
Ниже вторая надпись:

«Совместно с Анной Григорьевной Сахар на память
от Григоровича».

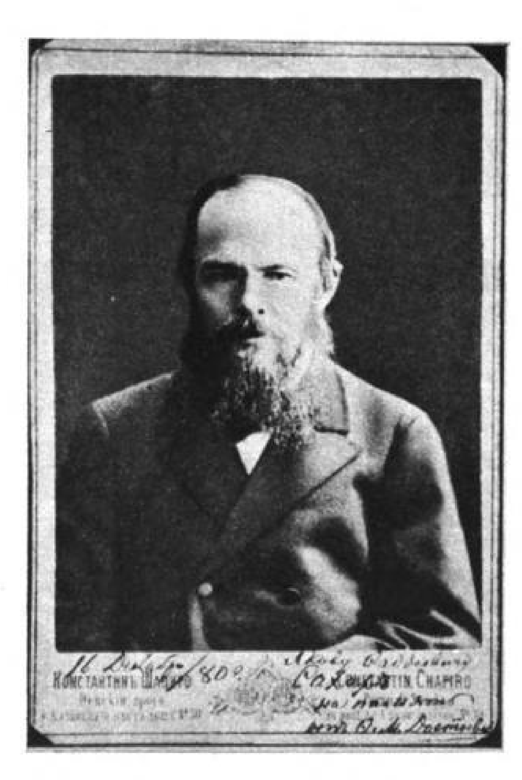
В молодые и зрелые годы крупный писатель, Григорович к концу жизни от творческой деятельности почти отошел, лишь в 1892—1893 годах напечатал он свои «Литературные воспоминания». Григорович любил живопись, был хорошим рисовальщиком и, состоя в последние годы жизни секретарем Общества поощрения художников, создал там превосходную школу и замечательный музей. Общий интерес к русскому изобразительному искусству сблизил маститого литератора с Я. Ф. Сахаром. Григорович неоднократно посещал его вечера, где бывали видные просвещенные деятели столицы. Скончался Д. В. Григорович 22 декабря 1899 года.

IV

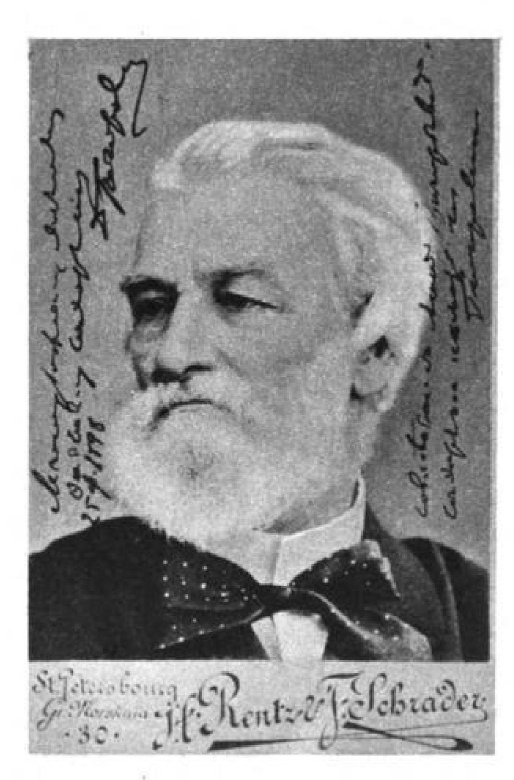
Из некогда существовавших многих сотен фотографий, подаренных русскими актерами Я. Ф. Сахару, у дочери его сохранились всего три. Все они примечательны, но одна из них оставляет к тому же незабываемое впечатление. Это групповая фотография К. А. Варламова,

Фотография И. С. Тургенева. Петербург, 15 марта 1879 года.

Фотография Ф. М. Достоевского. Петербург, 16 декабря 1880 года.

Фотография Д. В. Григоровича. Петербург, 25 февраля 1898 года.

Доброму другу нашему Яше Сахару.
19 7/3 07

К. Варламовъ В. Стрельская В. Давыдовъ

Три ангела, три крошки, три херувима

Фотография К. А. Варламова, В. В. Стрельской и В. Н. Давыдова. Петербург, 7 марта 1907 года.

Фотография Ф. И. Шаляпина. Петербург, 30 ноября 1908 года.

Фотография И. В. Тартакова в роли Валентина (опера Шарля Гуно «Фауст»). Петербург, 7 февраля 1883 года.

В. В. Стрельской и В. Н. Давыдова, снятых стоящими в рост и держащими друг друга под руки. На верхней части снимка рукою Варламова надпись:

«Доброму другу нашему Яше Сахару. 7.3.1907».

Под своим изображением каждый расписался, затем Варламов добавил:

«Три ангела, три крошки, три херувима».

А ведь каждая из этих «крошек» весила добрых 150 килограммов! По естественности и непринужденности снимок, исполненный А. Оцупом, представляется шедевром искусства фотографии. А о самих изображенных хочется сказать: сколько жизнелюбия и человеческой душевности чувствуется в трех великих актерах, когда внимательно рассматриваешь этот замечательный снимок!

В своих мемуарах «Полвека на сцене Александринского театра», В. А. Мичурина-Самойлова писала: «Стрельская, Давыдов и Варламов составляли нераздельное трио. Они сумели так спеться, что в некоторых пьесах каждого из них трудно было представить в отдельности».

В театральном мире того времени эти трое были едва ли не самыми близкими друзьями Я. Ф. Сахара. Ему было всего двадцать лет, когда он встретился и на всю жизнь подружился с Варламовым, которого называли «царем русского смеха» — Эдуард Старк так и озаглавил свою книгу о нем, вышедшую в 1916 году. Но Варламов часто и с блеском выступал и в ролях отнюдь не комических. Что же касается количества пьес, в которых он играл, то их было свыше восьмисот,— эту цифру назвал известный журналист Влас Дорошевич еще при жизни Варламова в посвященной ему статье «Великий комик». А о широкой популярности Варламова можно судить по следующему забавному факту: какой-то табачный фабрикант выпустил в начале 1910-х годов папиросы «Дядя Костя», поместив на коробке портрет артиста.

В послереволюционные годы интересную работу о Варламове написал и издал Г. К. Крыжицкий.

В Ленинградском театральном музее сохранились две неизвестные в печати записки Варламова к жене Сахара, которые свидетельствуют о добрых отношениях, связывавших великого артиста с этой семьей. Первая относится, по-видимому, к 1911—1912 годам. Вот ее текст:

«Дорогая Анна Григорьевна. Не умею благодарить Вас за ваше милое, родственное внимание. Буду счастлив, если смогу хоть чем-нибудь доказать мою глубокую благодарность к Вам.

Вечно преданный К. Варламов.

P. S. Все еще нахожусь под впечатлением Вашего изящного приема. Деток целую. Вечерком жду».

Вторая записка имеет лишь дату «14-го»,— по-видимому, она была отправлена 14 сентября 1914 года, когда родные и друзья отмечали день рождения покойного Сахара.

«Зная, что у тебя грустно на душе сегодня — вспомни обо мне. Буду рад, если приедешь.

Семье привет.

Дядя Костя».

Таким образом, очевидно, что и после смерти Я. Ф. Сахара Варламов не оставлял семью покойного друга без внимания.

Попав в молодые годы в Одессу, Сахар познакомился там в драматическом театре с начинающим актером, недавно сменившим свою

фамилию Горелов (из-за протеста отца: «Моего имени не позорь!») и даже имя-отчество Иван Николаевич на Владимира Николаевича Давыдова. Как утверждает Нора Яковлевна, именно Я. Ф. Сахар, увидев молодого артиста на сцене одесского театра, стал убеждать Давыдова, что ему одна дорога — в Петербург, в Александринский театр. «Да что вы, да разве меня там возьмут?» — отнекивался Владимир Николаевич. Но Сахар настоял, и Давыдов, переехав в столицу, вскоре стал первым российским актером. А когда в 1908 году справлялся двадцатипятилетний юбилей театральной деятельности Давыдова, группа художников во главе с Репиным по инициативе Я. Ф. Сахара преподнесла знаменитому артисту написанную на картоне палитру, на которой он был изображен в разных ролях. А от себя Яков Фаддеевич поднес юбиляру замечательную вещь: заказанный им у лучшего петербургского ювелира измятый цилиндр Расплюева из массивного черненого серебра, на краях которого красовались игральные карты из эмали и надпись — слова игрока Расплюева (из пьесы Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского»): «Была игра, ну, уж могу сказать, была игра...»

Артист гениально играл эту сцену. Вот как ее описывает мемуаристка: «Расплюев — Давыдов появлялся на сцене в поломанном цилиндре, в неправильно застегнутом сюртуке, с избитым опухшим лицом, с трясущимися руками. В каком-то оцепенении он двигался прямо по направлению к рампе... При первых же репликах было видно, что у Расплюева болят все кости: он боялся облокотиться на спинку стула, боялся прислониться к стене, и если делал это, то тотчас же отодвигался, отходил. Он так пожимал плечами, что было видно, как у него болит все тело. Эти отдельные движения Расплюева — Давыдова были очень смешны, но в целом становилось жутко и больно за человека. А когда Кречинский уходил и оставлял Расплюева с Федором, Давыдов поднимался до трагических высот. «Пусти, брат! ради Христа-создателя, пусти. Ведь у меня гнездо есть; я туда ведь пищу таскаю»,— говорил Давыдов с таким надрывом, что слезы выступали у всех зрителей». Кстати сказать, Давыдов выступал в этой роли в течение пятидесяти лет (с 1875 по 1925 год).

Варламов и Давыдов были неразлучными друзьями, многое роднило их. Тем не менее, по свидетельству В. А. Теляковского, Варламов полушутя-полусерьезно говорил о Давыдове: «Эх, мне бы такую башку, как у Володьки! Вот бы я наделал дел». А Давыдов вздыхал: «Мне бы Костин талантище, я бы показал!..»

С подлинным восторгом вспоминали В. В. Стрельскую все те, кому посчастливилось видеть ее на сцене. По словам Мичуриной-Самойловой, по-настоящему широко раскрылась Стрельская в пьесах Островского. Тоньше и глубже понять Островского, чем понимала она, было невозможно. Она была подлинной «актрисой Островского». Особенно ярко играла роль Кукушкиной в «Доходном месте». Об исполнении этой роли мемуаристка говорит следующее: «Уже в первых словах — «Как себя не похвалить! У меня чистота, у меня порядок, у меня все в струне!» — она давала всю гамму интонаций самодовольного мещанства». Далее в тех же воспоминаниях говорится: «На сцене она признавала только правду и ненавидела, если кто-нибудь играл для публики. В таких случаях она говорила: «Наш-то как старается! Сразу видно, для какого ряда играет...» Она постоянно делала молодежи замечания. Помню, как особенно она приставала к гриму молодых актрис, говоря, что они делают из себя очковых змей, когда подмазывают сильно глаза. Она была нашим неизменным учителем, и с глубокой благодарностью вспоминаю я близкую всем нам «тетю Варю». Ю. М. Юрьев утверждает, что Стрельской было свойственно «покорять всех ярким пленительным талантом и увлекать искренностью исполнения,— она всегда вносила с собой на сцену правду, оживление и солнечность».

О большой дружбе В. В. Стрельской с Сахаром свидетельствуют следующие факты. Они называли друг друга Маргаритой и Арманом (по именам героев «Дамы с камелиями»). Нора Яковлевна рассказывает, что иной вечер ее отец звонит Стрельской: «Маргарита, я по тебе соскучился, приезжай!» А она в ответ: «Ах, Арман, с удовольствием бы, но я уже в капоте». Сахар настаивает: «Маргарита, ты для меня и в капоте хороша». И семидесятилетняя «Маргарита» сдается на уговоры и отвечает: «Ладно, Арман, тогда я сейчас приеду». Именно Стрельская была той актрисой, которая, на склоне лет сказав Сахару, что ей не хватает трех тысяч рублей, чтобы построить себе «домишко», незамедлительно получила от Якова Фаддеевича чек на эту сумму.

Варламов и Стрельская скончались в 1915 году. В упомянутой выше книге Эдуарда Старка имеются такие строки: «Кого можно было поставить в параллель Варламову? Только одну, ныне, увы, покойную Варвару Васильевну Стрельскую. В ее таланте, как и у Варламова, в ее смехе была та же бодрость и звучность, та же непосредственность и та же русская широта. Кого еще можно поставить в параллель из благополучно здравствующих? На всю Россию только двух: Ольгу Осиповну Садовскую и Владимира Николаевича Давыдова... И вот эти двое, Садовская и Давыдов,— последние могикане великой комедии, великого русского смеха. И вместе с тем первые в ряду».

Исполненные душевной теплоты надписи на фотографии Варламова, Стрельской и Давыдова — свидетельство того искристого юмора, которым они славились, подтверждение той дружбы, которая связывала их с Я. Ф. Сахаром.

Другая сохранившаяся у Норы Яковлевны фотография с автографом изображает Ф. И. Шаляпина во фраке. Надпись на ней гласит:

«На память старинному приятелю Якову Фаддеевичу Сахару от Ф. Шаляпина. Спб. 30/XI 908».

Федор Иванович был человеком очень общительным, но лишь весьма немногих он считал своими приятелями, да к тому же старинными. К числу этих немногих принадлежал и Я. Ф. Сахар.

Дарственная надпись на третьем уцелевшем у Норы Яковлевны снимке русского актера еще теплее:

«Милому другу Я. Сахару на память от любящего его Тартакова 7/II 1883».

Теперь это имя известно немногим, а в конце прошлого — начале этого века Иоаким Викторович Тартаков был едва ли не лучшим русским лирико-драматическим баритоном. Образно сказано о нем в исследовании, посвященном мастерам петербургской оперы 1890—1910 годов: «Тартаков именно был певцом-художником, для которого в авторских намерениях никогда ничего не оставалось неосознанным. Никогда никаких отдельных блестящих кусков, но все блестяще в целом». Близко знавший Тартакова певец С. Ю. Левик пишет о нем в недавно вышедших мемуарах: «В качестве оперного гастролера и концертного певца незабвенный Иоаким Викторович исколесил чуть ли не всю Россию, много и с большим успехом выступал во всех крупных городах Западной Европы. Репертуар его был огромен, он включал сто с лишним опер и около шестидесяти оперетою».

Существует авторитетное свидетельство о том, что выступление Тартакова на сцене Киевского оперного театра в «Демоне» послужило толчком к развитию и воплощению той же темы в творчестве М. А. Врубеля. Об этом рассказывает Н. А. Прахов, с родителями которого Врубель был очень дружен.

На фотографии, подаренной Я. Сахару, Тартаков изображен в роли Валентина (опера Шарля Гуно «Фауст»). А характер надписи свидетельствует о том, в каких чудесных отношениях они были.

Таковы три фотографии, на которых увековечены пять из его друзей, принадлежавших к театральному миру Петербурга. Но зато какие имена и какой сердечностью пронизаны дарственные надписи этих замечательных артистов, являвшихся цветом и гордостью русской сцены!

В молодые годы Сахар сам мечтал о карьере актера, но излишне благовоспитанные родители запретили ему и думать об этом. Он хорошо знал, как трудно достигнуть высот сценического мастерства и что только упорный каждодневный труд позволяет добиться совершенства даже высокоодаренному актеру. И русскому театру он отдал любовь своего доброго сердца.

V

Я. Ф. Сахару не были чужды и актеры других стран, часто приезжавшие в Петербург и подолгу там выступавшие. Владея несколькими языками, особенно хорошо французским и итальянским, он знакомился с зарубежными гастролерами, часто встречался с ними, и порой у них завязывались сердечные отношения. Так, на протяжении всей жизни Яков Фаддеевич оставался поклонником большого таланта знаменитой французской опереточной примадонны Анны Жюдик, воспетой Некрасовым:

Мадонны лик,
Взор херувима...
Мадам Жюдик
Непостижима!

Вне сомнения, ее фотографии с нежными надписями, подаренные Сахару, исчислялись отнюдь не единицами — их, вероятно, хватило бы на альбом. Но где эти снимки сейчас?

У Норы Яковлевны сохранились всего две фотографии, изображающие иностранных артистов. На одной из них — Сара Бернар; в верхней части фотографии надпись (подлинник по-французски):

«Господину Якову Сахару в знак симпатии Сара Бернар. 1892».

Как удалось установить, фотография изображает артистку в роли Соль де Сильва в пьесе Виктора Гюго «Эрнани». В России знаменитая актриса гастролировала трижды: в 1881, 1892, 1908 годах. Якову Фаддеевичу фотография была подарена в недели ее вторых гастролей.

Во время первых гастролей Сара Бернар выступала в Большом театре в Москве. Двадцатидвухлетний Антон Чехов, студент третьего курса медицинского факультета Московского университета, в конце 1881 года присутствовал на спектаклях «Дама с камелиями» и «Адриенна Лекуврер». В декабре того же года в журнале «Зритель» появились фельетоны Чехова — «Сара Бернар» и «Опять о Саре Бернар». Иллюстрации к этим фельетонам сделал брат писателя — художник Николай Чехов (переизданы в подготовленной мною и выпущенной в 1929 году издательством «Academia» книге «Несобранные рассказы А. П. Чехова»).

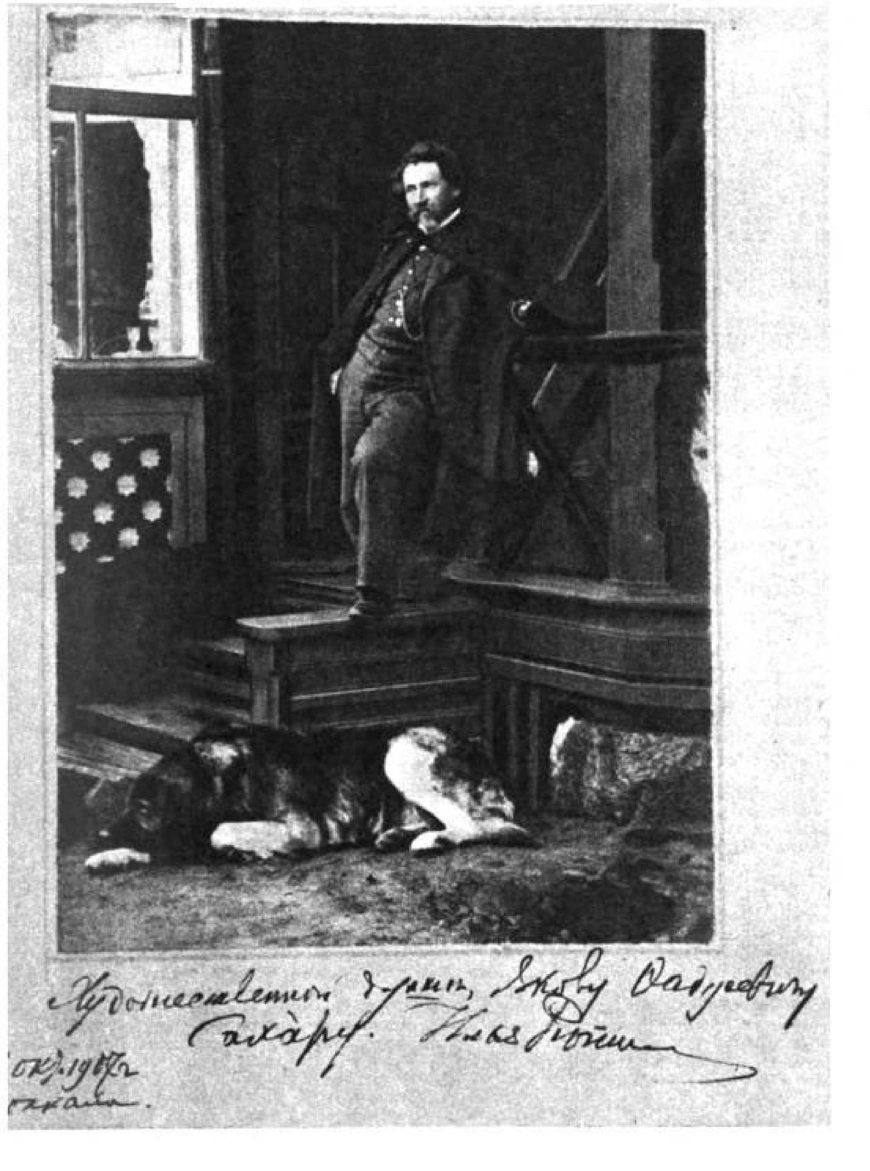
Первый фельетон начинался так: «Побывавшая на обоих полюсах, избороздившая вдоль и поперек своим шлейфом все пять частей света; проплывшая все океаны, не раз летавшая под самые небеса, тысячу раз известная Сара Бернар не побрезговала и Белокаменной». Сообщая об огромном интересе, который москвичи проявили к ней лично и к ее выступлениям, Чехов сквозь шутливую призму сообщал краткие биографические сведения об актрисе и утверждал: «Любит она больше всего на свете... рекламу. Реклама — ее страсть». И далее: «Сара Бернар соперничает со всеми музами. Она скульптор, живописец, писатель и все что хотите». Кончался первый фельетон словами: «О подвигах Сары Бернар в Москве сообщим, и сообщим беспристрастно... Как гостье скажем комплимент, а как артистку раскритикуем наистрожайше».

Во втором фельетоне писатель рассказал о том ажиотаже, который царил в Большом театре на спектаклях с участием Сары Бернар. Характеризуя же актерское дарование гастролерши и отдавая ему должное, Чехов все же приходил к такому выводу: «Мы далеки от поклонения Саре Бернар как таланту. В ней нет того, за что наша почтеннейшая публика любит Федотову: в ней нет огонька, который один в состоянии трогать нас до горючих слез, до обморока. Каждый вздох Сары Бернар, ее слезы, ее предсмертные конвульсии, вся ее игра — есть не что иное, как безукоризненно и умно заученный урок. Урок, читатель, и больше ничего! ...Во всей игре ее просвечивает не талант, а гигантский, могучий труд... В этом-то труде и вся разгадка загадочной артистки». И далее: «Мы смотрели на Сару Бернар и приходили от ее трудолюбия в неописуемый восторг. Были местечки в ее игре, которые трогали нас почти до слез. Слезы не потекли только потому, что вся прелесть стушевывалась искусственностью. Не будь этой канальской искусственности, этого преднамеренного фокусничества, подчеркивания, мы, честное слово, заплакали бы, и театр содрогнулся бы от рукоплесканий... О, талант! Кювье сказал, что ты не в ладу с гибкостью. А Сара Бернар страсть как гибка!»

Новейший биограф артистки, Андре Кастело, выпустивший в 1961 году в Париже книгу о ней, утверждает, что недели, прожитые в России в 1881 году, были самыми счастливыми в жизни Сары Бернар; «она узнала успех, который никогда не выпадал на ее долю».

Фотография Сары Бернар в роли Соль де Сильва (пьеса Виктора Гюго «Эрнани»). Петербург, конец 1892 года.

Фотография И. Е. Репина. Куоккала, 21 октября 1907 года.

Фотография В. Е. Маковского. Петербург, 27 декабря 1906 года.

К. А. Варламов, Люсьен Гитри и Я. Ф. Сахар. Петербург, 1890-е годы.

И все же едва ли не бóльший успех имела Сара Бернар во время гастролей в Петербурге в 1892 году. Критика отмечала возросшее мастерство актрисы, а также то, что в трактовке ее героинь появились нотки тонкой задушевности, которых не было прежде. Вот как оценивал рецензент выступление Сары Бернар в Михайловском театре 24 октября 1892 года в «Даме с камелиями»: «Сара Бернар, к успеху которой многие относились скептически, оказалась не только не уязвленной временем, но, напротив, сделавшейся за эти десять лет еще более великолепной актрисой, нежели была раньше. Она выступила в «Даме с камелиями», пьесе, которую наша публика изучила во всех тонкостях и в которой перевидала многих актрис и целую массу русских и иностранных знаменитостей... Такого цельного лица, такой трогательной, за душу хватающей, увлекающей Маргариты Готье никто не создавал. Сара Бернар совсем не та Маргарита Готье, которую мы привыкли видеть. Главная отличительная черта ее исполнения — необыкновенная простота, задушевность, теплота... В Саре Бернар великолепно именно то, что она необыкновенно правдива, реальна и вместе с тем удивительно художественна. Это умение дать художественно реальный образ — достояние больших, огромных талантов, и им Сара Бернар обладает в высшей степени».

Нора Яковлевна говорила мне, что отец был хорошо знаком с актрисой, часто встречался с ней, и она подарила ему несколько своих фотографий с дарственной надписью на каждой. Сару Бернар сердечно принимали во многих петербургских домах; была она желанной гостьей и у Сахаров. Однажды актриса сказала Якову Фаддеевичу: «Когда в Париже меня приглашают люди, занимающие видное положение, они дают почувствовать, что оказывают мне честь. А в Петербурге люди самых высоких кругов держат себя так, словно я им оказываю честь, когда у них бываю».

Близким другом Я. Ф. Сахара был Люсьен Гитри, знаменитейший драматический артист, составивший эпоху в истории французского театра. Нора Яковлевна сохранила фотографию, на которой рядом с ее отцом и Варламовым, сидящими у стола, стоит Люсьен Гитри. Судя по пометке на обороте, снимок был сделан в Петербурге в 1890-х годах. Каким-то удивительным образом старинная выцветшая фотография передает дружелюбие, связывавшее этих людей. Нужно сказать, что Люсьен Гитри в течение многих лет состоял во французской труппе Михайловского театра в Петербурге.

Любопытен следующий рассказ Норы Яковлевны. Однажды Люсьен Гитри гастролировал на французском курорте, где отдыхал ее отец. Днем они повидались, а вечером Яков Фаддеевич смотрел спектакль с участием Гитри. По ходу пьесы артист должен был что-либо ответить на телефонный звонок,— определенного текста не было. Когда этот звонок раздался, Гитри взял трубку и сказал: «Кто говорит? Г-н Сахáр? Ну, конечно, дорогой друг, мы будем ужинать вместе, как только я здесь освобожусь». Таким образом, Яков Фаддеевич получил со сцены приглашение на ужин.

В 1911 году Люсьен Гитри прислал другу свою фотографию с надписью (подлинник по-французски):

«Жаку Сахар, со всей благодарностью, которой я обязан человеку, заставившему меня помирать со смеху».

Эта надпись свидетельствует о том, что Яков Фаддеевич был очень остроумным собеседником,— ведь сам Люсьен Гитри считался остряком высокого класса. По словам Норы Яковлевны, отец ее этой фотографии уже не увидел: она пришла через три дня после его смерти.

VI

Выше я уже упоминал о любви Я. Ф. Сахара к живописи, о его дружбе с художниками. К числу наиболее ценимых и любимых им мастеров русского изобразительного искусства принадлежал И. Е. Репин. Недаром Яков Фаддеевич был частым гостем на «средах» в Пенатах — потому-то его и можно видеть на снятых там фотографиях. К тому же они были почти соседями: неподалеку от Куоккалы, в Териоках, находилась дача Сахаров. По свидетельству К. И. Чуковского, Репин относился к Якову Фаддеевичу с глубоким уважением. В 1905 году художник написал его портрет (нынешнее местонахождение неизвестно). В коллекции Сахара было несколько работ Репина, в том числе этюд «Победитель. Тип запорожца», датированный 1909 годом. У Норы Яковлевны сохранились два рисунка Репина: на одном листе четыре наброска, изображающие писателей, присутствовавших 13 февраля 1889 года на одном из «понедельников» Русского литературного общества; на другом — карандашный портрет драматурга и беллетриста Д. В. Аверкиева, исполненный в 1890 году.

Среди уцелевших фотографий с дарственными надписями Я. Ф. Сахару две — от Репина. На одной из них художник снят на крыльце дома в Пенатах с огромной собакой-водолазом у ног — это Норд, любимец Репина (в 1908 году художник написал с него этюд). На фотографии надпись:

«Художественной душе, Якову Фаддеевичу Сахару, Илья Репин. 21 окт[ября] 1907 г. Куоккала».

На второй он в шубе и меховой шапке, погрудно, а внизу написано:

«Якову Фаддеевичу Сахáру. Куоккала. 1907 г. 30 дек[абря]. И. Репин».

Кроме того, сохранились две открытки с печатными изображениями Н. Б. Нордман-Северовой, жены Репина. На оборотной стороне каждой из них ее рукой обращения к вдове Сахара — Анне Григорьевне. На первой: «Тетя Аня, я тебя люблю. Наташа. 26-го Авг[уста] 1913».

В Париже сохранилась также фотография художника В. Е. Маковского с его надписью:

«Многоуважаемому Якову Фаддеевичу Сахар на добрую память от В. Маковского. 1906, 27 декабря».

Никогда не отходивший в своем творчестве от доктрин передвижничества, Владимир Маковский на протяжении почти всей жизни оставался жанристом. Сохранились и портреты его кисти. Мало кто знает, что Владимир Маковский был современником Великой Октябрьской революции и скончался в 1920 году.

Таковы несколько фотографий, в давние годы входившие в состав превосходной коллекции, собранной Я. Ф. Сахаром. И хотя это просто фотографии, а не портреты, исполненные кистью больших живописцев, как живо и проникновенно передают они облик дорогих нашему сердцу людей великой русской культуры: Тургенева, Достоевского и Григоровича, Варламова, Стрельской и Давыдова, Шаляпина и Тартакова, Репина и Маковского! К тому же все фотографии снабжены автографами. Около полувека они находились за границей, где осталась, к сожалению, фотография Достоевского. Но как хорошо, что дочь коллекционера откликнулась на мой совет отправить на родину те, что у нее сохранились! И приложила к ним две фотографии отца: одна была снята 5 июля 1875 года, другая — в 1910 году. Ныне все они находятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Приношу Норе Яковлевне мою сердечную признательность за то, что она не только выполнила мою просьбу об отправке фотографий в Москву, но и поделилась воспоминаниями об отце и его друзьях.

В заключение скажу несколько слов о Сахаре-мемуаристе. Он неоднократно выступал в печати с воспоминаниями о театральной жизни и об актерах, подписываясь псевдонимом «Старый театрал». Но под тем же псевдонимом печатались еще несколько лиц, в том числе и писатель П. П. Гнедич, редактор «Одесских новостей» И. М. Хейфец и другие. Поэтому пока невозможно установить с полной точностью, что именно из появившегося под этим псевдонимом (в частности в журнале «Театр и искусство») принадлежит перу Я. Ф. Сахара. В обследованных мною архивохранилищах были обнаружены только четыре разрозненных странички с его записями, относящимися к Варламову и певцу И. А. Мельникову. Не сомневаюсь, что дальнейшие поиски приведут к обнаружению печатных и рукописных работ Я. Ф. Сахара-мемуариста, которые обогатят нас сведениями о прошлом русского театра.

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ, НО ЧЬЕ?

Е. ЧЕРНЯВСКАЯ

Они столкнулись в дверях.

— Ты дома? Как мне повезло! Ты мне так нужна. Вы уходите? — спросила моложавая женщина, увидев рядом с мамой нарядного Кирюшу. Челка его была аккуратно прилизана и закреплена маминой «невидимкой», а свежевымытая физиономия так блестела, что ею пускала солнечные зайчики. Он стоял рядом со своей мамой и с беспокойством поглядывал на женщин.

— Ничего, Танечка, мы попозже пойдем. Правда, Кирюша? — сказала мама.

— Ты ведь просила: быстрей, быстрей, а то опоздаем, а то закроется. Ну, я и быстрей. И даже эту девчачью кофту надел. Ты мне давно обещала! — заволновался Кирюша.

— Детка, нам надо с мамой поговорить. Решить пару важных проблем,— захихикала тетя Таня и утащила маму в комнату.

— Знаю я эту пару проблем,— проворчал Кирюша папиным голосом. И поплелся в кухню, по дороге выдернув приколку.

Мальчик уставился на часы и стал караулить время. Раньше он не видел, как передвигались стрелки. Даже думал: а как они двигаются? А тут он заметил, что большая черная стрелка прямо перепрыгивала. Немножко дернется и перепрыгивает на черную черточку. Кирюша постоял, поглядел, как они перепрыгнули раз, другой, третий, четвертый. Стало скучно. Из приоткрытой двери слышался тетитанинский голос. Кирюша заглянул в комнату.

— Ма-а-ма!

Мама сделала вид, что не замечает его, просто даже не видит.

— Противная тетька Танька,— прошептал он, закрыв дверь.

— Противная тетька Танька,— повторил чуть громче.

За дверью был тетитанинский голос. И мамин смех.

Она смеялась вместе со своей тетькой Танькой.

Кирюша чуть больше приоткрыл дверь. Его мама сидела лицом к нему и хохотала, прямо заливалась! И никуда не торопилась!

— Мамастая-копастая! Скоро ты там?

Но она поглядела на него так, как смотрит на совсем чужих людей в автобусе или в магазине, когда они с ней спорят. И сказала ледяным голосом:

— Выйди вон.

— Ну, мама же...

— Я кому говорю?

— У, какая-то...

— Закрой дверь с той стороны.

Кирюша вышел вон и закрыл дверь с той стороны.

«Ну и пускай, вот умру, тогда узнаете. Или потеряюсь. Долго меня будут искать. И найдет только рыщейка. Пограничная. А я потеряюсь далеко-далеко. И отыщет меня следопытная собака только через сто дней... И нисколечко ее не жалко (это про маму), если променяла меня на тетьку Таньку».

Он пошел на кухню... И выпил сырой воды. Постоял, подождал. Живот сразу не заболел, и он сразу не умер.

Сунул палец в мед, что стоял на столе, и облизнул его.

Опять попил сырой воды, намочив рукава парадного костюмчика.

— Проблемы — колемы, проблемы — полемы, проблемы — полемы,— ворчал Кирюша.— Проблемы — дулемы, проблемы — дурлемы.— Он повеселел:

— Проблемы — дурлемы,
Проблемы — дурлемы.

Подошел к двери. Голос висел в воздухе. Он заполнял всю комнату. Ничего не было в комнате, кроме противного тетькитанькиного голоса.

— Проблемы — дурлемы! — закричал он.— Дурлемы. дуры!

Потом испугался и тише:

— Дура!

— Кирюша, ты сошел с ума! — удивилась мама.

Ха! Это он сошел с ума!

— А чего она...

— Старик, ты заболел? Возьми себя в руки,— посоветовала тетя Таня.

— Сама возьми себя в руки,— ответил мальчик «грубым голосом» и «глянул исподлобья».

— Да уйми ты его,— обратилась к маме тетя Таня.

— Понимаешь, мы собрались в уголок Дурова. Я давно обещала. Сын все быстро сделал и очень ждал этого, а мы, как видишь, не успели. Ну, вот он и...— извинялась мама.

— Ну, знаешь, он всегда все должен быстро делать и быть послушным, чтоб стать космонавтом,— затараторила тетька Танька.— Он у тебя дико невоспитан!

— Почему уж так дико? — обиделась мама. Потом — Кирюше: — Извинись перед тетей Таней. Сейчас же!

— Не буду, она противная, все она помешала! А ты обещала, ведь ты обещала мне, обещала, скажи?

— Обещала и выполню. Но прежде попроси прощения! Если ты этого не сделаешь, я уложу тебя в постель, ты не пойдешь...

И мама стала перечислять, чего он не получит, куда не пойдет, чего не заслужит. Кирюша отрицательно мотнул головой и отвернулся.

— Ты извинишься перед тетей Таней?

— И перед мамой,— подсказала тетя Таня.

— Да, и передо мной. Я кому говорю?

Кирюша вздохнул.

— Беру ремень!

Мальчик, не поднимая головы, следил, как мама открыла шкаф, достала блестящий поясок и подошла к нему.

— Ты знаешь, чем это пахнет? Извинишься или нет? Долго я тебя буду уговаривать? — И взмахнула пояском.

Кирюша поглядел на мать. Она была красная и сердитая. Неужели она за тетьку Таньку? И сможет при ней его стукнуть?

— Мне надоело ждать. Проси прощения немедленно!

А тетя Таня смотрела в другую сторону, как будто все это ее не касалось.

— Ну? Мы ждем! — торопила мама.

Тетька Танька любовалась в зеркало на свое противное платье.

— Прости меня,— прошептал Кирюша.

— Не прости, а простите. Громче! — настаивала мама.

— Простите, я больше так не буду,— выдавил мальчик.

Тетька Танька подошла к нему и взяла за подбородок. Кирюша вырвался.

— Ну до чего суров. Давай-ка лучше мириться. Да не дуйся ты. Где твой мизинчик? — ворковала она голосом лисы и зацепила своим противным пальцем Кирюшин мизинец. Потом довольно рассмеялась.— Вот и умница, вот и хорошо!

А что хорошего? Ведь все понимают, что это ложь. И Кирюшина мама чувствовала, что перебарщивает. Но ведь он что кричал?

Скорее бы Таня ушла. Ей хотелось остаться со своим сыном вдвоем, и тогда бы она ему все растолковала.

Но надо, чтоб он извинился в присутствии Тани, а то все узнают, будто у Петровых мальчишка совсем невоспитан, ругается, распущен. А ему все спускают и не могут с ним справиться.

В рассуждениях мамы это оказалось главным. И она с позиции силы и авторитета давила, давила на сына, пока не настояла на своем.

И все довольны.

Тетя Таня удалилась, тотчас же забыв об этой мелочи.

Мама, доказав, что сын послушен, старалась быть очень ласковой, как только ушла тетя Таня. Жалко сына. А может, себя? Ведь худой мир лучше...

А Кирюша? Что ж, он сделает для себя «полезный» вывод. Оказывается, нетрудно сказать, что просят. Тогда он пойдет, поедет, получит, заслужит. «А тетька Танька все равно противная! И дура»,— будет шептать он про себя.

Пройдет время. Сын подрастет. И часто-часто, усмехаясь, будет виниться, не чувствуя вины, отказываться от себя, поступаясь своими убеждениями. От этого ведь не убудет. И никаких в жизни неприятностей! А совесть его будет молчать.

«...КАК ПРЕКРАСНА ЗЕМЛЯ И НА НЕЙ ЧЕЛОВЕК»

Артист МХАТа Алексей Покровский читал на творческой встрече в «Огоньке» Есенина.

Это было радостно — как открытие: стихи поэта, сами пронизанные музыкой, излучающие музыку — под звуки фортепьяно и скрипки, под гитару.

Программу артист ведет вместе с молодым пианистом Художественного театра Василием Немировичем-Данченко и скрипачкой Лилей Бруштейн. Программа большая, в двух отделениях: «Черный человек», «Анна Снегина», «Русь», «Персидские мотивы» и «Письмо матери»...

— Мне хотелось,— рассказывает Покровский,— раскрыть в этих стихах нелегкую личную судьбу поэта, его любовь к Родине, искренность, лиричность, отношение к друзьям, к женщине, окружение, которое его давило, сказать и о том, что привело его к гибели...

Часто стихи Есенина читают минорно, а мне кажется, что главное в них — радость. Помните, у него: «Отговорила роща золотая!» «Отговорила» для него, для поэта, а для других-то говорит... Это долго не получалось у меня. Помог Чайковский. Его сонаты. Мне важно было найти переход от музыки к стихам, от одного состояния к другому, чтобы музыка помогала восприятию более ярко-му, глубокому.

Пожалуй, с песен на слова Есенина и началась моя работа над этой программой.

Сейчас начал готовить главу из «Войны и мира» Л. Толстого: приезд Наташи в дом дядюшки, думаю о Лермонтове — «Песня про купца Калашникова» и «Казначейша».

Г. СМЕТАНИНА

А. Покровский.

В. Немирович-Данченко.

Л. Бруштейн.

СЛАВА ЖДЕТ СОЛДАТА

Г. МАКАРОВ

...Монетный двор! Одно из древнейших предприятий на земле.

Издавна и Россия славилась своими монетными дворами, что были в Москве и Екатеринбурге, Ярославле и Херсоне и во многих других городах. А в 1724 году Петр I основал в Петербурге Монетный двор, затмивший все остальные. В конце XIX века он стал единственным в России, и слава о нем пошла гулять по всему миру.

В 1942 году, в тяжелые для Ленинграда дни, решено было наладить производство боевых орденов и в Москве. Так снова наряду с ленинградским начал действовать и московский...

...Монетный двор! Что делают здесь? Казалось бы, странный вопрос. Ну, конечно же, чеканят монеты. Те самые денежные металлические знаки, история которых восходит к временам древнего государства Лидия — VII век до нашей эры; те самые государственные денежные металлические знаки, что столь хорошо знакомы каждому из нас,— от копейки до рубля. Но только ли монеты делают на этих предприятиях Министерства финансов СССР? Нет, деятельность их куда шире и многообразнее. Тут изготовляют и ордена, и медали, и другие государственные знаки. Если выложить в один ряд все советские ордена и медали, что вышли из цехов монетных дворов, то они напомнили бы нам страницы героической летописи боевых и трудовых подвигов нашего народа от времен гражданской войны до нынешних дней.

В Монетном дворе рождаются различные чеканочные и штампованные изделия из металла с применением золочения, серебрения и ювелирных эмалей. В «номенклатуре» выпускаемой продукции и нагрудные знаки, и золотые обручальные кольца, и золотые корпуса для часов — работа, потребовавшая организации собственного производства алмазного инструмента.

Случаются и «внеплановые задания», о которых рассказывают тут с большой гордостью: руками рабочих Монетного двора созданы те самые вымпелы с Гербом Советского Союза, что унесены в космос, на Луну и Венеру... А когда постановщикам фильма «Война и мир» потребовались точные копии старых русских орденов, то опять же не обошлись без Монетного двора, без его кудесников, колдующих над слитками золота, серебра.

* * *

Мы не станем рассказывать о сложном технологическом процессе чеканки монет.

Заглянем в те цеха, где рождаются ордена, медали, нагрудные знаки.

* * *

Плавильное отделение Московского монетного двора. Чушка золота. На ней выбиты номер, год выпуска, клеймо завода-изготовителя, вес (кстати, весьма солидный) и, наконец, проба: 999,9. Это почти идеально чистое золото: на 1 000 граммов приходится всего одна десятая грамма посторонних примесей. Но из такого металла нельзя делать ни кольцо, ни корпус для часов, ни орден, ни Золотую Звезду: он слишком мягок, податлив и быстро изнosится. Чтобы получить более прочный материал, надо расплавить слиток, добавить другие металлы. И вот на какое-то время золото со всеми знаками, удостоверяющими его «личность», исчезает в жаркой пасти высокочастотной индукционной печи. Теперь по отделениям и участкам начнет путешествовать, как говорят здесь, драгметалл. Его слитки будут строгать, сверлить, точить, полировать, как и всякий другой металл на любом заводе.

Главный художник Ленинградского монетного двора, заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Соколов с группой граверов — создателей первого экземпляра ордена Октябрьской Революции.

В зеркале из чистого золота.

Супруги Вера и Михаил Коллеровы. Их руками создается алмазный инструмент.

В отделе технического контроля — очищенные ультразвуком часовые корпуса, сотни, тысячи обручальных колец разных размеров и фасонов. Но пока это не золото, а драгметалл. Еще не коснулся его тот «философский камень», что превращает любой металл в благородное золото.

...Светлая комната, уставленная и увешанная классическими гипсами. Кажется, будто ты попал в рисовальный класс академии. Над чем-то сверхминиатюрным с лупой в одной руке и штихелем — в другой склонился художник-гравер Виктор Решетцов, местный «алхимик». Нам повезло. Именно сейчас перед ним «философский камень», который носит здесь прозаическое название — пробирное клеймо. Действие его поистине чудесно. Только в сильнейшую лупу можно рассмотреть буквы и цифры, вырезанные на стали: ММД-8-583. Коснувшись изделия, клеймо сообщит всем, всем: сделано на Московском монетном дворе в 1968 году, содержит 583 грамма чистого золота на 1000 граммов веса. Вот теперь золото снова стало золотом.

Пробирное клеймо — микроскопическое произведение мастеров граверного искусства. Оно несет на себе, кроме всего прочего, черточки характера мастера, его почерк. По этим порой почти неуловимым приметам можно узнать и имя создателя клейма. Ответственнейшую работу государственной важности — изготовление пробирных клейм — поручают лишь определенному кругу лиц.

...Плавка готова. Струя золота заполняет маленькую, со спичечный коробок, изложницу. «В лабораторию для анализа»,— приказывает старший плавильщик В. Ефимов.

Монетный двор — предприятие своеобразное. Здесь встретишь лаборатории, где выполняют самые сложные анализы, уникальные автоматы, совершеннейшие механизмы, о которых порой услышишь высшую оценку — это единственное в своем роде творение инженерной мысли.

...Нехитрая, казалось бы, штука: булавка для крепления значка к одежде. А потребовала она создания специальной автоматической линии: здесь из мотка латунной проволоки выдаются миллионы булавок. Вся поточная линия умещается в небольшой комнате, и главный инженер не в шутку, а всерьез ласково называет ее линейной. Инженеры Московского монетного двора разработали конструкцию машины для автоматизированного бесструйного разлива серебра: с ее помощью получают достаточно увесистые слитки удивительно однородной структуры, без пузырей и раковин.

Золотая струя.

Алмазные сверла.

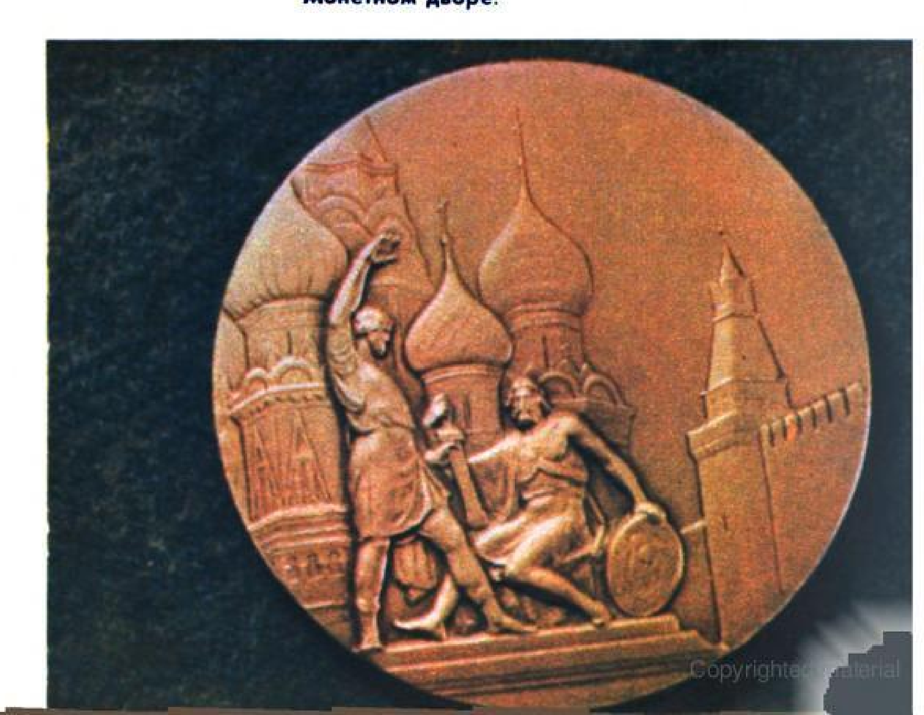
Орден Октябрьской Революции. Последний штрих.

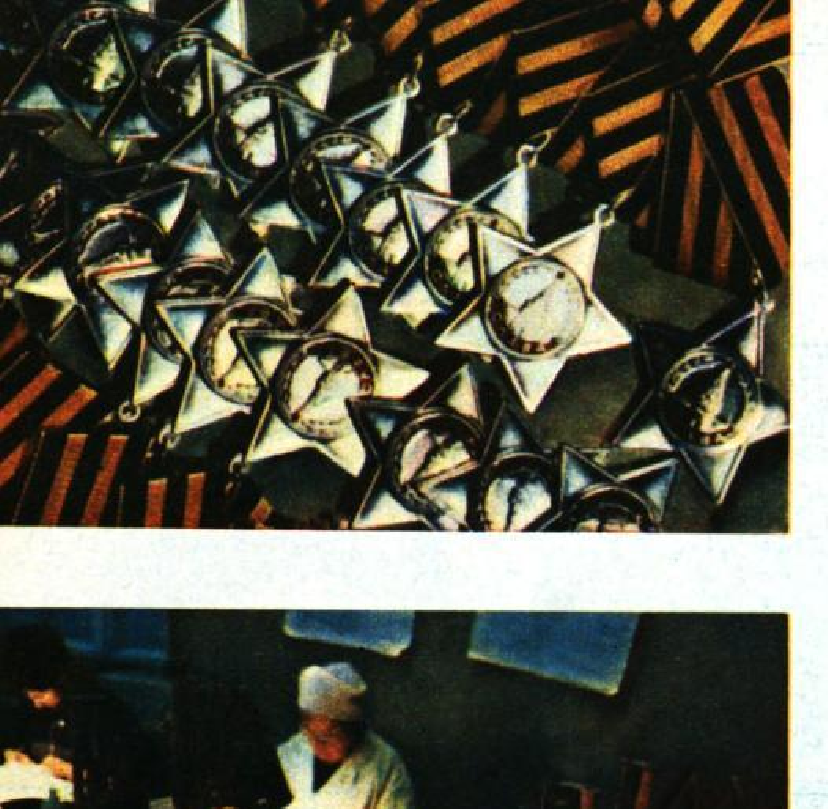
Фото Г. МАКАРОВА.

«Космическая» продукция Монетного двора.

Одна из памятных медалей, изготовленных на Ленинградском Монетном дворе.

1
КОПЕЙКА
1963

* * *

Золото или серебро совершают долгий и трудный путь, прежде чем станут орденским знаком. Серебряная заготовка побывает на 28 участках, пока не родится орден Красного Знамени. И схема тут почти для всех орденов в основном одинакова: эскиз художника, изготовление (вручную) первичного инструмента, перевод его на рабочий инструмент — штамп, а дальше уже как технология прикажет. И только один орден — Октябрьской Революции — создавался иным путем. Когда эскиз работы художника московской печатной фабрики «Гознак» В. Зайцева поступил на Ленинградский монетный двор, здесь решили ускорить выполнение почетного задания и сделать первый экземпляр ордена вручную, прямо с эскиза, минуя стадию изготовления инструмента.

Дело это было поручено опытнейшим ленинградским мастерам. Сперва граверам — братьям Комшиловым — Льву и Игорю, Александру Козлову и Николаю Филиппову. Искусные руки эмалировщицы Антонины Чукаревой, пережившей блокаду города, участницы его обороны, положили багряную эмаль на пятилучие звезды и на венчающий ее стяг. Бывший воин, участник боев за город Ленина, ювелир-монтировщик Владимир Архипов собрал первый экземпляр ордена Октябрьской Революции. А всеми работами руководил ветеран Ленинградского монетного двора главный художник, заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Соколов.

Легко представить чувства всех этих людей, когда Ленинграду, городу-колыбели революции, их городу, первому был вручен этот орден.

* * *

В глубине Петропавловки, за толстыми древними стенами, в двух небольших комнатах Мария Михайловна Комарова хранит удивительные и бесценные вещи. Среди них памятные медали. За время существования Монетного двора их выпущено великое множество. Бронза, латунь, томпак и другие сплавы и металлы доносят до нас образы великих (а порой и не великих) людей своего времени, рассказывают о событиях, оставшихся до сих пор значительными, и о делах-однодневках.

Из глубины истории вдруг доносится дыхание самой жизни, когда листаешь страницы этой бронзовой книги. Раскроем одну из них: на столе медаль, а рядом в каталоге ее описание: «Медаль «На прощение недоимок». Аллегорическое изображение Благости в виде женской фигуры, правой рукой она поджигает груду долговых книг и записей, а левой — принимает от коленопреклоненного селянина плоды». Надпись по-латыни: «Благость императрицы». И по-русски: «23-летние недоимки прощены 13 мая 1754 года». Недоимки-то прощены, и долговые обязательства сожжены. Но обратите внимание: двадцатитрехлетние недоимки! Положа весь свой скарб, худобу и живот свой, упомянутый селянин не смог бы расплатиться с царицей. Надо думать, что автор медали Тимофей Иванов был не только заурядным ремесленником, он прекрасно понимал нелепость жеста императрицы.

И если фигуру Благости он изобразил по всем канонам классического искусства, в благородно развевающейся тунике, то злополучный «коленопреклоненный селянин» предстает перед нами вполне реальным, изможденным мужиком в изодранном рубище, и плоды, которые подносит аллегорической царице,— это последнее, что он имел.

Вот медаль, выбитая в честь победы Петра при Гангуте, а вот «Боригонского улуса голове Портнягину за особливое усердие. 1799»... Их много, всего не перечислишь...

В шкафах, подобных библиотечным, под стеклом — поблескивающие сталью, смазанные маслом и пронумерованные цилиндры. Коллекция первых экземпляров инструмента для чеканки монет, орденов и медалей — предмет особых забот Марии Михайловны. Самому старому из этих штампов скоро исполнится четверть тысячелетия.

Недавно Монетному двору было предложено изготовить для некоторых музеев страны повторение медали, полученной В. И. Лениным за отличное окончание гимназии. Одному из экспонатов этой необыкновенной «штампотеки» пришлось на время снять «одежду» из консервирующей смазки и занять рабочее место в цехе. Задание было выполнено.

Мы покидали музей, когда на одну из его витрин легла медаль с изображением воинов в легендарной буденовке и стальной каске — юбилейная медаль в ознаменование 50-й годовщины Вооруженных Сил СССР.

* * *

Проведите рукой по золотому слитку, и следы металла останутся на коже. Золото обладает удивительной способностью распыляться, растворяться даже в воздухе. И невидимые его частицы проникают всюду.

Говорят, что в старину, когда в обращении находилась золотая монета, многоопытные банковские кассиры никогда не выдавали деньги в упаковке. Положив на полочку у кассового окошка кусочек сукна, кассир, отсчитывая деньги, двигал каждую монету по сукну. Проходило время, суконка сжигалась, а в ее сером пепле сверкали корольки — мельчайшие шарики золота. Год, другой — и вот уже где-то в Подмосковье или под Петербургом вырастала добротная дача.

Мне рассказали на Монетном дворе такую историю. На одно из предприятий, занятое переработкой драгоценных металлов, явился расторопный человек с предложением бесплатно отремонтировать все крыши завода. Мало того, он брался бесплатно перекрыть крыши ближайших жилых домов. Столь странное бескорыстие объяснялось просто: кровля цехов и домов по прошествии определенного времени накопила немалый золотой запас.

Главный инженер Московского монетного двора Николай Евгеньевич Разгильдеев останавливается у опечатанных металлических дверок, ведущих в широкий прямоугольный короб.

— Тут мы ловим золото. Вентилятор отсасывает его от всех рабочих мест и прогоняет через фильтры. Сжигая их, мы получаем не один килограмм драгоценного металла.

...Наступает пора обеда. Мы моем руки под краном.

— Как думаете, куда уходит эта вода? — спрашивает Николай Евгеньевич.

— Известно куда, в раковину...

— Пошли проверим,— улыбается мой спутник.

В нижнем этаже мы увидели закрытый бак, эдакую цистерну, к которой тянутся трубы.

— Вот сюда и идет вся вода. Мы добавляем реагенты, осаждающие все, чем она загрязнена, а из осадка извлекаем золото.

* * *

...Еще не остывшая после могучих объятий пресса, лежит на моей ладони серебряная звезда с оттиском Кремлевской башни и гордым словом: Слава.

Орден Славы!

— Но ведь война давно кончилась... Кому предназначены эти ордена?

— Да, кончилась,— говорит Николай Евгеньевич.— Но еще многие герои-воины не получили заслуженных наград. И мы продолжаем трудиться...

...Их тут много, сверкающих полировкой и рубиновой кровью эмали боевых орденов. Слава ждет еще пока неизвестных, но не забытых.

Вот она, солдатская Слава.

В эмалировочном отделении Ленинградского монетного двора. Юбилейная медаль в ознаменование 50-летия Советских Вооруженных Сил на потоке.

Для вас, новобрачные...

От копейки до алмаза — таков диапазон продукции Монетного двора.

Старший плавильщик Владимир Ефимов у машины для разлива серебра.

СТРОГИЙ И ДОБРЫЙ АНТОН

К 80-летию со дня рождения А. С. Макаренко

На этом редком снимке запечатлен один день из будней коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. Антон Семенович Макаренко. Вот он, улыбающийся весеннему солнцу, своим коммунарам.

Снимок этот сделан кем-то из коммунаров-фотолюбителей и относится к периоду 1932—1933 годов. В то время ребята овладевали новым производством — узкопленочных фотоаппаратов «ФЭД» и многие из старших с гордостью носили на узком ремешке через плечо этот сложнейший по тому времени аппарат.

Мне трудно сейчас восстановить в памяти всех запечатленных на снимке. Но рядом с Антоном Семеновичем стоит одетый в шинель начальник коммуны тов. Судаков — чекист, активный создатель коммуны.

Я узнаю на снимке коммунаров — ныне актрису К. Борискину, инженера В. Коломийцева, офицера запаса В. Скребнева, юриста К. Ширяевского, мастера - производственника Ф. Заику.

А вот самый высокий слева, в комбинезоне, наш шофер-коммунар Тимка Боярчук, рядом с ним коммунары Парфен, Мария Дитюченко, Матвеев, Куликов, Лобойко и другие, чьи судьбы мне неизвестны.

Снимок этот редкий еще и потому, что на нем запечатлен улыбающийся Антон Семенович. Жизнь его была так сложна и трудна, что улыбаться ему приходилось редко. Прежде чем мы стали такими, каковы есть сейчас, надо было отдать каждому из нас столько здоровья, сил, нервов, частицу своего сердца. А нас у него было не 2—3 и не 10, а добрая тысяча, и благодарить тогда, при жизни, его мы не умели.

Еще раз вглядитесь в улыбку Антона Семеновича и представьте: кабинет — стол-бюро, полумягкий диван-скамья для арестованных коммунаров, 2—3 стула для посетителей, дверь, открытая для всех и всегда, можно входить без стука, просунув голову, спросить: «Разрешите, Антон Семенович?» Здесь он работал над своей «Педагогической поэмой».

Но вот распахивается дверь — и дежурный командир вталкивает двух драчунов; у одного из пробитой вилкой щеки струится кровь. Антон Семенович, не подымая головы, мгновенным взглядом оценил обстановку и продолжает работать. Тишина, провинившиеся переминаются с ноги на ногу. И вдруг раздается хрипловатый громовой голос:

— Вон из кабинета, индейцы краснокожие!

«Индейцев краснокожих» словно ветром сдуло. И опять писать, успеть сделать все, так давно задуманное.

И когда в коридоре против двери кабинета Антона Семеновича чрезмерно шумят ребята, тогда находится старший, который мимоходом коротко и внушительно бросит:

— Что расшумелись! Антон книгу пишет! Не знаете разве?

«Антон»... Это слово услышал я в первые же часы своего пребывания в коммуне, когда начальник экономического отдела ГПУ Украины, привезя меня в коммуну, оставил на попечение дневального.

В коридоре появился человек в военной форме, очень похожий на чекистов, ранее виденных мною. Стройный, в очках, туго затянутый широким ремнем, очень строгий. С того часа и до сих пор я вижу его таким.

Антон Семенович Макаренко, человек огромной силы воли, когда наступила минута расставания с любимым коллективом воспитанных им людей, дрогнул. Он стоял, взволнованный, на подмостках авансцены и хотел сказать напутствие, но так и не смог проронить ни единого слова.

Г. КАМЫШАНСКИЙ,
воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского,
художник Харьковской студии телевидения

От струговых весел до крыльев „Ракет“...

Иван ИСАЕВ

Нелегкая сложилась судьба у Ивана Исаева. Родился он в многодетной семье, и ранние годы его совпали с лихолетьем последней войны. После тяжелой болезни он полностью потерял слух. И тут помогли ему облегчить несчастье люди и любимые книги.

— После болезни,— говорит Иван Исаев,— я был определен в специальную школу-интернат, где находился на полном государственном обеспечении. Еще пять лет, в течение которых мне пришлось учиться в техникуме, я получал повышенную стипендию. От меня же требовалось одно: соответственным образом учиться. Я не вундеркинд, не исключение. Как в школе, так и в техникуме на таком же положении находились сотни ребят.

Сейчас Иван Исаев работает инженером-конструктором на одном из московских заводов и с увлечением пишет стихи.

О РУССКИЕ РЕКИ!

О русские реки,
о реки из рек,
водившие в греки,
вводившие в грех!
Походы,
набеги,
напев тетивы...
О сколько их,
реки,
ходивших на «вы»!
То зарился ворог,
то лез басурман.
А вы их — за ворот!
А вы их —
к сомам!
Бессменные стражи,
хранители недр,
был страстен и страшен
ваш праведный гнев.
О реки России!
Веков бунтари,
не вашей ли силы
страшились цари?
Не ваши ли струи
качали, журча,
и Стенькины струги
и челн Пугача?
Не в ваших ли в пресных
могилу нашли
и песни и перси
персидской княжны?

О русские реки,
о реки из рек,
водившие в греки,
вводившие в грех!
С тех пор, как у нашей
у матери рек
родился однажды
простой человек,
с тех пор, как он начал
свой марш до Невы,
течете иначе,
по-новому вы.

О реки!
О нити
на русской груди!
Вы только взгляните
на путь позади:
от первых от весен
до нынешних лет;
от струговых весел
до крыльев «Ракет»;
от тоненьких струек
до зрелых глубин;
от времени туров
до эры турбин!

МАТЬ

Вновь Женский день.
Вновь нужно сочинять...
Про март
чего-нибудь
хорошего да умного!
Но у меня есть, слава богу,
мать.
И я не буду ничего выдумывать.
Влюбленность проверяется вблизи.
Мать и детей испытывают далями.
Уже пять лет
(а сколько весен, зим!),
да, уж пять лет друг друга
не видали мы.
Пять лет,
пять тысяч верст
и тьма причин
разъединяют нас,
как чаща хвойная.
Но всех моих простых стихов
зачин
она одна,
усталая и хворая.
Я у нее четвертый блудный сын.
Ах, мама,
мать, одно лишь в жизни
знавшая:
сначала
нас
под сердцем
относи,
а после
в сердце
— всех в одном—
донашивай.
Рожай,
радей,
следи, чтобы дитя
по жизни шло
как следует,
уверенно,
все дальше
вместе с веком
уходя...
Вот почему Мать для меня
вневременна.
Вот почему мне незачем опять
выдумывать про март
хорошего да разного:
есть Март,
и есть на белом свете
Мать,
и этого достаточно, чтоб
праздновать.

АЛЕНУШКА

Опущена головушка,
распущена коса.
Аленушка, Аленушка,
плакучая краса!
У белого у камушка
лазоревый цветок.
Пропал, пропал Иванушка,
как в омуте утоп.
Пути к нему утеряны
в земле совсем другой.
Живет в высоком тереме
он с бабою-ягой.
Она напела на ушко
ему
заклятых слов,
и стал теперь Иванушка
не козликом —
ослом.
Сердешный, горе мыкает,
в работе день-деньской.
А баба только хмыкает
да топает ногой:
— Связалась с дурнем яловым...
Ты у меня смотри! —
И улетает с дьяволом
шабашить до зари.
Иванушка головушку
роняет на топчан...
— Аленушка, Аленушка!—
Лишь гусельки бренчат.
Прости меня, сторонушка,
родимый край, прощай...
Аленушка, Аленушка,
лебедушка, вставай!
Взмахни своими сильными,
взлети под небеса,
и — за море, за синее,
за темные леса!
Лети за горы горлинкой,
и терем разыщи,
и — в форточку,
и — горенкой,
и в спаленку спеши.
Спеши витою лестницей
к Иванушке —
он там.
И только ведьма встретится —
пошли ее к чертям!
Все рухнет,
все до камушка
развеется, как дым!..
И станет вновь Иванушка
Иванушкой твоим.

* * *

Все в снегу, в белом-белом снегу.
Побелели и грады и веси,
словно мать,
что признала сноху
в белолицей сыновьей невесте.
Ветка ивы — как белая прядь —
лишь намедни вовсю золотела!
Побелела земля, словно мать.
Но река,
но душа
не зальдела!
Жизнь?
Весна?
На речном берегу
замело все,
как водится искони.
Лишь темнеют на белом снегу
полыньи —
как глаза материнские...

* * *

У колодца белесой ночью
уколола береза ножку.

Доставая занозу,
к клену
наклонила береза крону.
Листик к листику, ветка в ветку,
так сплелись —
не разнять и ветру!

Улетел он, кусты ломая.
А березе и горя мало!

До сих пор не меняет позу,
до сих пор достает занозу.

* * *

Вечерами на безлюдье
для меня деревья — люди.

Много ль надо человеку?
Подойти,
потрогать ветку,
ствол погладить,
опереться,
помолчать
о том, что в сердце,
повздыхать —
чего не будет,
и — назад,
туда, где люди...

* * *

Это было, было ночь назад.
Опустилось облачко на сад,
опустилось, выбившись из сил,
так, что сад его не ощутил.
Тихо-тихо
сад собой объяв.
И само запуталось в ветвях.
Ни вперед нет хода, ни назад...
...Пробудился выспавшийся сад.
Пробудясь, себя не узнает:
вроде тот и вроде бы не тот.
Наклонился садик над водой
и застыл —
зеленый и седой...

* * *

Когда в печурке угли тухли
и покрывались, как снежком,
она являлась — льдышки-туфли
и красный носик сапожком!
Вдыхала шумно теплый воздух,
пальтишко вешала на гвоздик,
смотрела пристально в огонь
и терла носом о ладонь,
следила долго и плаксиво,
как я заканчивал дела,
и — хоть бы что-нибудь спросила,
и — хоть бы что-нибудь взяла!
Она всегда недоедала,
но не могла со мною есть.
Она мне так надоедала,
как только можно надоесть!
Но я
на ней
хотел жениться.
Когда ее к себе я влек,
она дрожала, как синица,
и забивалась в уголок.
Все понимая с полуслова,
а очень многое — без слов,
она снимала с сердца злобу,
как гирю черную с весов.
В черновиках моих копалась,
потом взбиралась на матрац,
при свете тихо улыбалась,
а ночью плакала не раз...
Потом
она
вернулась к мужу.
Я — у окна.
Гляжу наружу.
Мерцают зыбкие зарницы,
и веет горечью с полей,
и нет зимы,
и нет синицы,
и небо в клиньях журавлей.

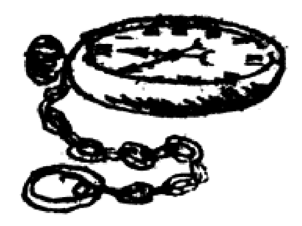

* * *

Когда бы люди слушались врачей,
жизнь на земле была б
не жизнь — малина!
Неутомима
и неутолима,
по гальке лет журчала б, как
ручей.
Ни сора ссор,
ни пены исступленья —
чиста, пресна —
упейся — не хочу! —
текла бы жизнь покойно и
степенно,
и, как в театре,
гасли б постепенно
и свечечка и светоч —
по лучу.
Чтó страсти войн?
Чтó страхи эпидемий?!
Не знали бы здоровые сердца
ни мук труда,
ни боли будних бдений,
ни перегрузок взлетов,
ни падений
в ущельный мрак инфарктного
конца.
По гальке лет все водянистей,
жиже
журчал бы пресный, постненький
ручей...

Когда бы люди слушались врачей,
была б малина.
Не было бы жизни.

ЦАРИЦЫНО

Царицыно!
Царицыно!
Перрон — столпотворенье!
Не мальчики, а рыцари!
Не девочки — царевны!
Ах, что за крали,
граждане,
стоят у желдороги,—
подпудрены,
подкрашены
и, в общем,
желтороты!
А парни!
Старше чуточку,
как фонари, ушасты.
Они в техасских дудочках
и влюблены ужасно!
Они сейчас отправятся
ловить свою жар-птицу,
они сейчас направятся
в Москву,
в Москву,
в столицу!
Советами напичканы,
поедут электричками...
Мы тоже
этим
бредим.
Но мы
о т т у д а
едем.
Мы поиск раньше начали,
но что нашли в итоге?..
Ах, девочки!
Ох, мальчики!
Эх, первые дороги!..

ПОЗДНЕЕ

Сквозь полы польского реглана
дерет отчаянный мороз.
Сияют звезды,
как реклама
до боли чаемых миров.
Стоит под сонными часами
на грани света с темнотой
старик с веселыми усами
и грустной-грустной бородой.
— Автобус...— (дрогнули
морщины)
...ушел, кажись? — (скользнули
вниз).
Ушла,
ушла его машина.
Прошла —
как молодость,
как жизнь!
Пустынно, холодно и сонно.
Созвездий путаная вязь.
Летят автобусы,
как соты,
медовым светом золотясь,
и складывают крылья-двери,
его настойчиво зовут.
А он все ждет,
упрямо веря
в другой,
в проверенный маршрут...

* * *

...И Емелю, умницу Емелю
соблазнили шубой на меху!..

Утешаться малым — не умею.
Обольщаться многим — не могу.
Трезвость жизни...
Были — миновали
время чувств,
эмоций полоса...
Потерял Емеля идеалы.
Лишь оставил веру в чудеса.
Остается,
с возрастом умнея,
отдавать по щуке за уху
да глядеть,
как умница Емеля
щеголяет в чуде на меху...

НАД ДЕЛЬФИНОМ

Лежал он,
профилем донельзя
напоминая горбуна.
А в животе его виднелся
конец стального гарпуна.
Он, по всему, не сразу умер.
Так вот кто брат мне по уму?
Читал я,
что дельфин разумен,
а так ли это — не пойму.
Вопрос останется открытым,
быть может, год, а может, век.
Я видел только,
что убит он
и что убийца —
человек.
Прием простой, ненаказуем:
подкрасться
сзади.
И заряд...
А вдруг
действительно разумен
он,
как об этом говорят?!
Мир
планетарным диафильмом
навис,— загадочный, ночной.
Стоял я молча над дельфином.
Стояли звезды надо мной.
А где-то —
близко ли, далеко —
одновременно в этот час
родился контур звездолета
и звездолетчик был зачат.
Еще им звезды и не снятся,
еще расти им и расти.
Но срок настанет,
и скрестятся
их неслучайные пути.
И будут речи, и объятья,
и гром,
и пламя в облаках,
и будет поиск,
поиск братьев.
А те,
быть может, в двух шагах
лежали,
профилем донельзя
напоминая горбуна,
а в животе у них виднелся
конец стального гарпуна...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ТАТЬЯНЫ АКСЕНОВОЙ

СЛЕДУЮЩИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня у Шарапова день начался удачно. Аферист Костя Корсунский, которого долгих три месяца искала специальная опергруппа, появился в ресторане «Берлин». После роскошного обеда жулик щедро расплатился с официантом и вышел на улицу.

У дверей его ждали Савоненко и Дрыга. Корсунский хорошо знал Савоненко.

Раскланялись они изысканно. Корсунский сказал:

— Как я понимаю, уважаемый гражданин Савоненко, вы намерены освободить меня от расходов на такси?

Оперативник кивнул, распахивая широким жестом дверцу милицейской «Волги».

— Правильно понимаете, Костя...

Сейчас Корсунский сидел в соседнем кабинете и давал подробнейшие показания, расставляя точки на целой серии нераскрытых афер, гирей висевших на шее Шарапова.

Хорошая была операция! Ей-богу, хорошая. Шарапов, откинувшись на спинку кресла, отдыхал, слегка прикрыв веки, и его круглое, широкое лицо расплылось больше обычного. Стасу показалось, что Шарапов дремлет, когда он приоткрыл дверь кабинета. Стас хотел повернуть обратно. Но дело надо делать. Он вошел в кабинет, Шарапов поднял на него глаза, и улыбка пропала. Наверное, и хорошее настроение тоже. Никуда не денешься, надо подойти, сесть у стола и докладывать, чувствуя, как с каждым словом взваливаешь на Шарапова свой нелегкий груз.

— Владимир Иваныч, беда,— тихо сказал Стас.— Оправдались мои худшие предположения. Аксенова убита пулей, и мы всю неделю шли не в ту сторону. Пропало самое дорогое время.

Шарапов неожиданно улыбнулся, но улыбка была грустной.

— Не волнуйся,— сказал Шарапов.— Известно, время — самый злой наш враг. И самый коварный. Да ничего, мы времени зря не тратили. Жаль, главная версия оказалась ошибочной. Но и узнали мы за это время многое.

П р о д о л ж е н и е. См. «Огонек» №№ 7—10.

Да-а... Все это еще пригодится. Раскрутим мы это убийство, не вешай носа. Кофе хочешь? Нет? Ну, садись тогда, рассказывай по порядку.

Тихонов достал из бокового кармана свернутые в трубочку бумаги, разгладил их ладонью, полистал. Не поднимая глаз, начал рассказывать:

— Когда я понял, что эксперт-медик ошибся и мы следом за ним идем в тупик, я всех на ноги поднял. Вчера ведь было воскресенье, а надо было срочно договориться о повторной судебно-медицинской экспертизе. Ну, свет, как говорится, не без добрых людей: всех обзвонил, обошел, все обеспечил: сегодня в одиннадцать утра экспертиза начала работу. Минут через сорок эксперт — ты его знаешь, профессор Павловский,— нашел пулю.

Тихонов глубоко вздохнул. Достал из кармана пиджака картонную коробочку. В вате лежал небольшой продолговатый кусочек темного металла.

Шарапов потянулся к коробочке, взял ее в руки, внимательно рассмотрел пулю.

— Калибр пять и шесть,— сказал Тихонов.

— Да-а... Пять и шесть,— повторил Шарапов.— Слушай, Стас, а как же все-таки получилась ошибка?

— Понимаешь, Владимир Иваныч, произошел редкий казус,— мне это профессор разъяснил. Пуля пробила сердце, перикард, ударилась в ребро, скользнула по нему вниз, раздвинула межреберные мышцы и,— Тихонов заглянул в лежащие перед ним бумаги,— и застряла в подкожной клетчатке передней грудной стенки. Вот Павловский прямо пишет: «След от пули на ребре эксперт принял за конец раневого канала с осаднением от острия оружия».

— Ясно,— сказал Шарапов.— Окончательно сбила первого эксперта с толку картина происшествия: шла женщина, ее обогнал парень, после этого она упала. Все ясно. Редко, но бывает и такое. Еще какие-нибудь выводы профессор сделал?

Тихонов снова заглянул в бумагу.

— Два. Во-первых, что смерть наступила мгновенно от паралича сердца. И что, следовательно, больше чем один-два шага Таня после выстрела сделать не могла. Во-вторых, стреляли, по-видимому, издалека, поскольку полностью отсутствуют характерные следы близкого выстрела. Вот, в общем, и все.

Шарапов сидит, подперев щеку рукой, прикрыв глаза. Долго, неторопливо думает.

— Да-а... Развалилась, значит, вся наша постройка. А ведь дня через два уголовное дело надо передавать по последственности — в прокуратуру. Ума не приложу: что мы им передадим?

Тихонов безнадежно машет рукой.

— Ладно,— говорит Шарапов.— Надо искать оружие...

— В первую очередь надо выяснить, откуда стреляли,— хрипло говорит Стас.— Казанцев явно отпадает: стрелять он мог только в упор, а экспертиза это отвергает напрочь... Кроме него, Евстигнеева и Лапина на пустыре никого не видели...

Тихонов задумывается надолго, потом решительно говорит:

— Вот что, Владимир Иваныч. Направление выстрела мы определим экспериментально!

— Сомнительно что-то...

— Ничего сомнительного, все по науке будет.

— Подвела нас крепко наука, с шилом-то,— покачал головой Шарапов.

— Нечего на зеркало пенять!— разозлился Стас.— Подсунул эксперт удобную для нас версию, мы в нее и вцепились. Спешим все...

Взгляд Шарапова потеплел.

— Ладно, парень. Не в Сочи спешили... Вперед урок будет. Так что решаем с экспериментом?

— Я считаю, надо проводить.

— Ладно, пробуй, только на месте обставь все поаккуратней, без лишнего шума, народ не мути.

Тихонов сделал несколько шагов по комнате, упрямо сказал:

— Это еще как сказать — насчет народа.

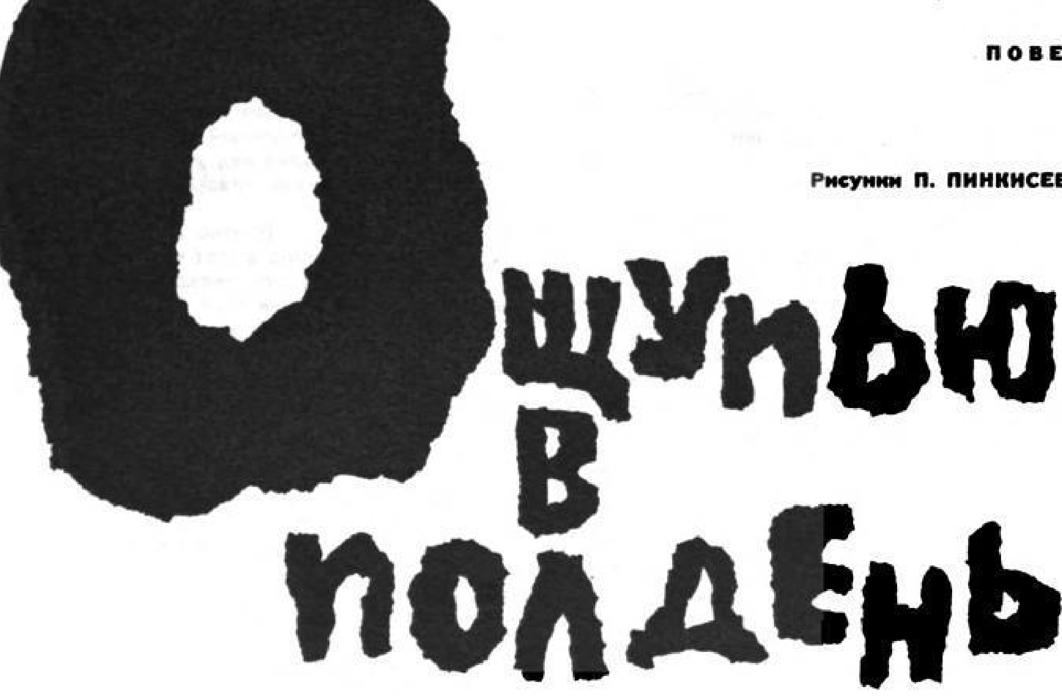
— А что?

— Мне кажется, эту операцию широко надо провести, с размахом. Народ обязательно соберется, будут спрашивать: что, да как, да зачем? Объясним. Люди другим расскажут. Глядишь, кроме Евстигнеевой да Лапиной, еще свидетели найдутся. Может, кто-то выстрел слышал. Или подозревает кого-нибудь. Да мало ли еще что! Беспокоюсь только, как бы не спугнуть стрелка этого...

— Не-е,— улыбнулся Шарапов.— Что нет, то нет. Дело не то. Здесь нам от преступника таиться нечего. Мы розыск сейчас в открытую ведем. Если убийца даже поймет, что мы на правильном пути, он помешать нам ничем не сможет. Он сейчас затаился, на дне где-то лежит. А если попытается подняться, воду нам мутить — гляди, и наведет на свой след.

Шарапов размял сигарету, стряхнул со стола табачинки, закурил.

— Помню, разматывали мы в Филях одно дело. Лёлик-Каин, рецидивист, человека убил. Ну, среди прочего узнали мы, что с убитого сняты золотые часы «Омега». То ли Каин пронюхал, что мы эти часы ищем, или сам сообразил от улики избавиться. Подобрал в «Ландыше» одного пьющего компаньона-командировочного, напились оба. А когда до поцелуев у них дошло, поменял с ним часы: у того «Полет» был, он ему за них и отдал «Омегу». Проспался компаньон, видит обновку. Однако трезвый он принципиальный был. Приходит в девятое отделение, ищите, говорит, мои часы, мне, мол, чужого не надо. Дежурный уж было его наладил на выход, да тут, к счастью, Володя Дранников случился. Бросил глаз на «Омегу» и обомлел. Ну, а когда командировочный обрисовал, с кем гулял да часами менялся, ясно стало: Лёлика работа. Так-то, сынок,— поднялся Шарапов.— Преступник нам здесь не помеха. Ну, что ж, давай, организовывай эксперимент. Посмотрим, что получится.

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

СЛЕДУЮЩИЙ ВТОРНИК

1

Тихонов набросал карандашом схему и протянул Шарапову.

— Смотри, Владимир Иваныч, эксперты утверждают, что выстрелить могли только из этих трех окон — левый блок, третий этаж, номера пятьдесят восемь, пятьдесят девять и окно лестничной клетки. В номере пятьдесят восемь проживает инженер-строитель из Львова Козак Лев Алексеевич и главный бухгалтер из Кромска Лагунов Дмитрий Михайлович. В пятьдесят девятом номере — врач из Кинешмы, Александр Павлович Попов, с супругой. Все они проживали в своих номерах и в прошлый понедельник. И кто-то еще, нам неизвестный, мог выстрелить из третьего окна на лестнице.

— Соображения?

— Козака и Лагунова я еще не видел: они со своими командировочными радостями возвращаются около пяти. С Поповыми разговаривал.

— Что-нибудь интересное есть?

— Есть. Варенье. Любишь вишневое варенье?

— Чего-о?

— Варенья, говорю, вкусного целое ведро есть. Приглашали еще заходить.

— Тебя все на сладкое тянет,— ухмыльнулся Шарапов.— А кроме варенья, что интересного?

— Он в институт усовершенствования приехал, диссертацию защищать, а докторша — болеть за него. Я специально для тебя даже записал тему диссертации, запомнить не смог.— Тихонов достал записную книжку, полистал и важно объявил: — «Состояние гипоталамо-гипофизарно-тиреоидной системы при воздействии ионизирующего излучения». Во как!

— Что ж, красиво. А животик не болит от вишневого варенья? Я ж тебя знаю: съел, наверное, полведра.

— Ну-у, ты не прав. Я же сластей вообще не ем!

— Ладно, ладно, давай дальше.

— Дальше — окно на лестнице. Вот окно это мне не нравится. Лестничная клетка находит-

ся в конце коридора, и выход на нее из бокового прохода. Этакий аппендикс. Площадка из коридора не просматривается. Лестницей пользуется в основном обслуживающий персонал — горничные, монтеры, слесари. По существу, это черный ход. Выходит он во двор гостиницы. Дверь внизу обычно запирают в десять вечера. Наверху лестница переходит в чердачную площадку. Дверь на чердак заперта и была когда-то опломбирована. На петлях висят обрывки проволоки, а в углу я отыскал смятую пломбу. Пол там очень запылен, и на бетоне нечеткие следы ног. Перекопали мы чердак сверху донизу, но ничего не нашли. Отпечатки следов на всякий случай мы сняли. Надеялся я все-таки стреляную гильзу найти — нет, ничего. Сейчас поеду беседовать с Козаком этим и с Лагуновым. А лестницей еще придется заняться...

2

— Я вам объясню, из-за чего произошло убийство,— сказал Козак.— Не надо быть всевидящим пророком, чтобы объяснить, из-за чего могли убить молодую, интересную женщину. Любовь. Да-да, любовь! Это страшная штука, должен вам заметить. Меня самого однажды чуть не убили из ревности.

Тихонов внимательно смотрел на него: Козак был чрезвычайно наряден, мал ростом и невыносимо энергичен. Он без устали катался по небольшому номеру на своих коротких ножках, ловко обходя все препятствия на пути.

— Да-да, я вам серьезно говорю. У меня был такой острый роман в Смоленске. Неповторимая дама! Волшебный экстерьер! Я не женился на ней случайно. Когда я уехал из Могилева в Минск...

— Вы же сказали, что в Смоленске...

— Да, но ведь мне потом пришлось перевестись в Могилев, и она приезжала ко мне. О, эти незабываемые прощания и встречи на вокзале! Я получил тогда строгача с понижением по должности...

— За прощания на вокзале?

— Нет, к сожалению, за встречи,— ловко обогнул тумбочку Козак.— А вы смеетесь? Зря, зря, товарищ Тихонов. Ваше лицо мне симпатично, поэтому я с вами так откровенен. Скажу вам тет-а-тет, как мужчина мужчине: сколько я горел из-за женщин! Как горел, боже мой! С дымом, с треском! Но не могу я бороться с чувством прекрасного в себе!

— И давно вам так тяжело?

— Первый выговор я схлопотал лет двадцать назад.— Козак чуть не налетел на стул.

— Просто вам надо жениться по любви,— сказал участливо Тихонов.

— Ах, милый мой, я уже четырежды был женат по любви.

— Слушайте, Козак, у вас не сердце, а дворец бракосочетаний. Вашу бы энергию да на мирные цели...

— Интерес к женщинам — стимул любого творчества,— обиделся Козак.— Все великие люди были неравнодушны к женщинам: Леонардо да Винчи и Монферран, Петр Первый и Наполеон, Пушкин и Толстой. Это же достоверный факт!

— А вы замыкаете этот славный ряд?

— Я не Монферран и не Наполеон...

— Заметил,— кивнул Стас.

— ...но и я имею перед человечеством заслуги,— важно сказал Козак.

— По части чего?— вежливо осведомился Стас.

Тут Козак обиделся всерьез. Он полез в шкаф, достал чемодан, из него потертую кожаную папку с надписью «На подпись». Папка распахнулась с треском. Почетные грамоты, благодарности, вырезки из газет свидетельствовали о трудовых успехах инженера-строителя Л. А. Козака. Среди бумаг лежала фотография еще совсем молодой, очень красивой женщины.

— Это моя супруга,— с гордостью сказал Козак.

— Четвертая?— съехидничал Стас.

— Практически,— замялся Козак.

— А теоретически?

— Видите ли, сложные житейские обстоятельства помешали нам с четвертой оформить брак официально.

— Строгач или понижение?— сочувственно спросил Стас.

— Перебросили в сельское строительство, на Львовщину,— вздохнул Козак.

— Там вы и познакомились со своей нынешней пятой супругой?

— Да, ее папа, мой тесть,— начальник межрайонной конторы «Сельэлектро»...

Стас неожиданно вспомнил, что Львов в нескольких часах езды от Ровно, куда Таня ездила в командировку. «Пора начинать атаку»,— подумал он.

— А ее папа, ваш тесть, намного вас старше?

— На четыре года. А что?

— А то, что я хочу узнать, как вы провели вечер прошлого понедельника?

— Вечер? Прошлого понедельника?— споткнулся Козак.

— Да, да, уважаемый Лев Алексеевич, именно вечер прошлого понедельника. И подробнее.

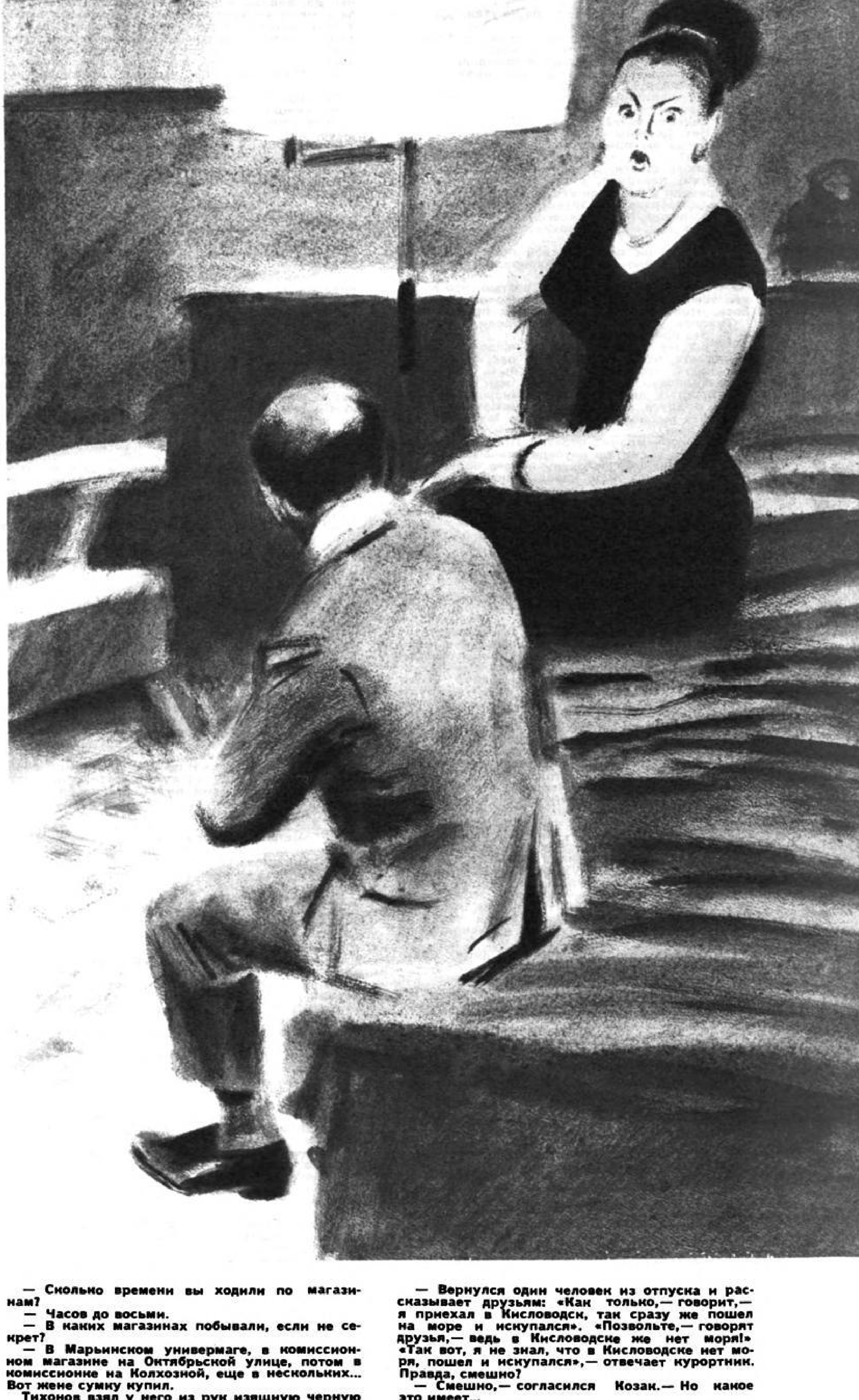
Козак подумал.

— Часов в пять я уехал из гостиницы. Походил в городе по магазинам, потом поехал к друзьям, в гости.

Говорил он не спеша, и Стас почувствовал, что Козак думает над каждым словом.

— Когда вернулись в гостиницу?

— Было уже поздно, но время я не заметил.

— Сколько времени вы ходили по магазинам?

— Часов до восьми.

— В каких магазинах побывали, если не секрет?

— В Марьинском универмаге, в комиссионном магазине на Октябрьской улице, потом в комиссионке на Колхозной, еще в нескольких... Вот жене сумку купил.

Тихонов взял у него из рук изящную черную сумку, повертел в руках, откинулся в кресле.

— Приятно поговорить с вами, Лев Алексеевич.

— Почему?— насторожился Козак.

— Потому что ваш рассказ напомнил мне один старый, но ужасно смешной анекдот. Разрешите его вам поведать?

— Сделайте одолжение,— растерянно развел руками Козак.

— Вернулся один человек из отпуска и рассказывает друзьям: «Как только,— говорит,— я приехал в Кисловодск, так сразу же пошел на море и искупался». «Позвольте,— говорят друзья,— ведь в Кисловодске же нет моря!» «Так вот, я не знал, что в Кисловодске нет моря, пошел и искупался»,— отвечает курортник. Правда, смешно?

— Смешно,— согласился Козак.— Но какое это имеет...

— Отношение?— спросил Стас, перехватив напряженный взгляд Козака.— А такое: вы не знали, что по понедельникам промтоварные магазины в Москве закрыты,— пошли и купили сумку. Смешно?

Это был чистый гол. Козак даже бегать перестал. Он стоял посреди комнаты, нервно вытирая губы концом своего элегантного галстука. Тихонов невозмутимо крутил в руках сум-

ку. Козак решил выкатить мяч в центр и начать игру сначала.

— Простите, я, видимо, перепутал. Да-да, я купил сумку во вторник.

— А к друзьям тоже во вторник ездили?

Козак замешкался на мгновение.

— Не-ет, в гостях я был в понедельник...

— Кто ваши друзья? Где они живут? — Стас достал записную книжку.

— Их фамилия — Алешины. Они живут на Юго-Западе.

— Телефон есть?

— Нет. Должны скоро установить.

— Когда вы приехали к ним и сколько там пробыли?

— Около шести. А уехал поздновато.

— Они, наверное, смогут подтвердить, что вы провели у них весь вечер?

Козак заерзал. Он затянул узел галстука до отказа, потом растянул его совсем, отстегнул верхнюю пуговицу сорочки, снова подтянул узел.

— Вы сейчас помнете свой прекрасный галстук, — спокойно сказал Тихонов. — Так как же насчет Алешиных?

— Я вам могу поклясться честью, что я провел там весь вечер, но мне бы очень не хотелось, чтобы вы этот факт у них проверяли!

Тихонов удивленно поднял брови.

— Это почему же?

— Вы же интеллигентный человек! Вы же понимаете, что всем всего не расскажешь. Вы же знаете, что приход может быть неправильно истолкован. Представляете, как это звучит для простых людей, где-то немножко обывателей, — о друге дома расспрашивают из МУРа! Ведь это же не просто. Это же МУР! Это же звучит как!

— Гордо! — мрачно отрезал Тихонов. — Но доводы ваши я считаю неубедительными. Тем более, что честному человеку нечего бояться, если официальное лицо наводит справки во имя закона. Поэтому нам придется вместе поехать сегодня к Алешиным.

— Но это же невозможно! — с отчаянием сказал Козак.

— Возможно. Очень возможно. Я вам это точно говорю, — отозвался Стас.

— Но дело в том, что Алешина сейчас нет дома.

— То есть как? А где же он?

— В командировке, — упавшим голосом сказал Козак.

— А где же вы были тогда?

— Я же говорю: в гостях у Алешиных.

— Так-так-так, — забарабанил Тихонов пальцами по ручке кресла. — Вы уж формулируйте тогда точно: у Алешиной, а не у Алешиных.

— У Алешиной, — покорно вздохнул Козак.

Тихонов задумался. Просто смех и грусть берут, когда подумаешь, с чем только не сталкиваемся на работе. Впрочем, это тоже объяснимо. Мы же ходим всегда, как пограничники, вдоль тонкой линии, разделяющей нормальное и извращенное. Но у пограничников — полосатые столбы, распаханная полоса, на ней остаются следы. А мы эти столбы ставим сами и полосу пашем на себе. Поэтому нельзя в разговоре поставить деликатную точку, нельзя на обыске тактично отвести взгляд от чужого белья, нельзя не видеть чужих пороков и слабостей. Как это трудно — иметь большие права, которые в сто раз тяжелей наших нелегких обязанностей. Но иначе нельзя: мы ставим столбы между людьми и убийцами. Убийство не абстрактная картина, здесь непонятного и недосказанного быть не может. И кто-то должен копаться в чужой грязи и крови, чтобы не было вообще грязи и пролитой крови. Чтобы не видеть никогда распростертого на искрящемся снегу Таниного тела.

Тихонов провел ладонями по лицу, будто умывался, потом встал.

— И все-таки, Лев Алексеевич, я должен вас огорчить: к Алешиной нам сегодня придется поехать.

— Но вы убедитесь, что все это ерунда, и сами же потом будете смеяться.

— Может быть. Но, как говорит мой начальник, хорошо смеется тот, кто смеется без последствий.

Отворилась дверь, в комнату вошел высокий седой человек. Он подошел к Тихонову, сказал звучным, веселым басом:

— Здравствуйте! Лагунов. — И крепким мужицким пожатием стиснул ему руку.

3

— ...Нет, дорогой мой, у вас архаические представления о нынешней периферии! — сочно захохотал Лагунов. Его лицо красно, крупные черты подвижны, небольшие седые усы вздыблены. «С такого мужика писал Эренбург американского майора Смидла», — подумал Тихонов.

— Небоскребы у нас не строят, как на проспекте Калинина, скоростную химчистку налаживают второй год — это все верно. Но вот вы, столичные жители, всегда немного кокетничаете с нами, провинциалами: «Ах, у нас такая спешка всегда, такой ритм жизни бешеный!» Так ритм — что? Уже давно нужны другие категории, другие определения. Я бы сказал, что надо нынешнюю жизнь мерить ее наполнением, насыщенностью... Да и ребята у нас сейчас хорошие растут, грамотнее нас, глубже жизнь знать хотят. Мне тут как-то сын — семнадцать лет парню — говорит: «Папа, а где бы взять почитать Пруста?» Я ему снисходительно так: «Вон в шкафу пятитомник стоит. Почитай сначала «Фараона» — отличная вещь». Помолчал мой Алеха, потом говорит: «Папа, я Болеслава Пруса читал, я про Марселя Пруста спрашиваю». Бах! Я чуть от стыда не сгорел. А ведь мы их воспитывать должны. Да, видать, чтобы кого-то воспитывать, надо самому учиться здорово. А где время взять? У меня вон целая программа намечена была, а за все время один раз в Большом театре побывал. Вот как раз в тот день, когда здесь женщину убили. Пришел из театра, мне горничная сразу рассказала. Во вторник прошлый, кажется?

Тихонов сказал:

— Женщину убили в понедельник.

— В понедельник? По-моему, во вторник это было. Хотя чего гадать, у меня же билет, наверное, остался, сейчас посмотрим.

Лагунов достал добротный, уже потемневший бумажник из свиной кожи, покопался в нем толстыми, сильными пальцами.

— Ага, вот он, голубчик. Так, так, ложа бенуара, так, вот — 14 февраля. — Лагунов стал загибать пальцы: — Сегодня — двадцать второе, вчера — двадцать первое... Точно: четырнадцатого числа был понедельник.

— А спектакль хороший был? — спросил Тихонов.

— Отличный. «Князя Игоря» давали. Великолепно все это — в музыке такая мощь, что после спектакля чувствуешь себя приобщенным к великой силе духа. Я бы детей-школьников в обязательном порядке водил на эту оперу, — засмеялся Лагунов.

— Исполнители пожиже стали, — сказал Стас. — Кто Кончака-то поет сейчас?

— Ведерников. Хороший он певец, но кто Максима Дормидонтовича Михайлова слышал, тот может сказать, что был знаком с половецким ханом лично, — провел Лагунов ладонью по усам. — И все-таки здорово — большое удовольствие получил!

— Дмитрий Михайлович, а когда вы узнали про убийство? — спросил Тихонов.

— Да сразу же! Как пришел я за ключом — времени уже около одиннадцати было, — мне горничная Ханя и рассказала. Минут за десять до этого тело увезли, а они все, горничные, в окна глазели.

— А в город вы уехали задолго до убийства?

— Так я ведь и не знаю, когда ее убили-то. Мне потом рассказали, что в гостинице шум поднялся, когда ее нашли, — около девяти, что ли. А мы с Львом Алексеевичем в пять уехали.

— Лев Алексеевич-то куда поехал?

— Видите ли, мы договорились ехать в половине шестого, но в пять ему позвонили, и он куда-то заторопился. А мне надо было жене письмо написать, он не стал меня ждать и уехал. Минут через десять — пятнадцать поехал и я.

— Значит, вы запирали номер?

— Да, конечно.

— А кому из дежурных сдали ключ?

— Ну, дорогой, я этого уж не помню. Сами посудите, сколько их там. А вечером я взял ключ у Хани. Это я точно запомнил, потому что именно она рассказала мне про убийство.

— А когда приехал Козак?

— Затрудняюсь сказать. Но наверняка поздно. Я еще, помню, дослушал последние известия по радио, потом почитал с часок и заснул.

Тихонов спросил:

— Вы не слышали, когда Козак вошел?

— Слышал. Я проснулся на мгновение, он мне еще сказал: «Тише, тише. Все в порядке, свои». И я снова уснул.

— Он вам не показался взволнованным? — спросил Стас.

Лагунов захохотал:

— Знаете ли, спросонья, да еще в темноте, определять нюансы душевного состояния я не берусь.

На журнальном столике у кровати Козака лежала книга — томик Бредбери. Тихонов лениво перелистал книжку. На титульном листе штамп: «В дар Народной библиотеке им. А. П. Чехова на добрую память о читательнице Суламифь Яковлевне Сайкиной». Тихонов улыбнулся, хлопнул переплетом, встал.

— Ну, простите, Дмитрий Михайлович, за отнятое у вас время.

— Да что вы говорите! У меня уже и дела-то все закончены, билет домой заказан. Хочу успеть у себя еще и на лося сходить — через две недели отстрел заканчивается.

— До свидания.

— Всего хорошего. Если будете в наших местах, заезжайте. Я вас такой лосятинкой жареной угощу — пальчики оближете.

— Если будет возможность, с удовольствием. Спасибо. До встречи.

4

В холле Савельев вел душеспасительную беседу с томящимся Козаком. Увидев Тихонова, Козак привстал.

— Мы едем или вы, может быть, передумали?

— Одну минуту. — Стас подошел к столу дежурной по этажу. — Скажите, пожалуйста, кто работал на вашем этаже в тот понедельник?

— Наша же смена. Мы дежурим сутки, а потом трое свободны. В понедельник как раз мы и работали.

— Кто из жильцов пятьдесят восьмого номера сдавал вечером ключи?

— Ей-богу, не помню. У меня же сорок номеров на этаже, да и прошло больше недели. Разве упомнишь?

— А когда они вернулись в гостиницу?

Дежурная подумала, помялась, покраснела.

— Знаете, я в тот день белье сдавала, намаялась — без ног. Поэтому часов в десять прилегла вздремнуть немного — мне же всю ночь сидеть. А здесь Ханя осталась. Давайте ее спросим.

— А кто это, Ханя?

— Горничная наша — Ханифя Гафурова.

— Давайте сюда Ханифю.

Гафурова, быстроглазая моложавая женщина, сказала, что ключ забрал Лагунов. Он пришел вскоре после того, как с пустыря уехали милицейские машины и «Скорая помощь».

— Очень веселая был, все песню напевал, из театра пришел.

— Кто веселая?

— Лагунов. Все пела, тихо, правда: «О дай-ка, дай-ка мне свободу...»

— А Козак когда пришел?

Ханифя задумалась, потом весело сказала:

— Задремал я, не слышал. Но шибко поздно было, я в три часа задремал.

— Не боитесь, что гостиницу из-под носа украдут?

— Не. У нас кража никогда не был.

— Удивительно, что не было, — хмуро сказал Тихонов. — А никто не приходил в этот день к жильцам в пятьдесят восьмой номер?

— Может быть, приходил. Не видела я, — сказала Ханифя. — У нас учет сейчас — шибко дел много. Мы только в полночь смотрим, чтоб чужие в номерах не бывали.

— Спасибо, вы свободны, — сказал Стас и снял телефонную трубку. Набрал две цифры. — Абонированный «Голубая звезда». Дайте телефон репертуарной части Большого театра. Есть, записываю. Отбой.

Набрал номер.

— Большой? Добрый день. Из милиции говорят. Сообщите, пожалуйста, какой спектакль шел четырнадцатого числа на основной сцене. «Игорь»? Прекрасно. Заодно уж подскажите, кто пел партию Кончака. Ведерников? Хорошо. А замен не было? Нет? Когда оканчивается спектакль? Отлично. Всего доброго.

Повернулся к Савельеву:

— К Лагунову больше вопросов не имеем. Ты, Савельев, поезжай домой, выспись как следует, завтра будешь нужен. А с Львом Алексеевичем мы сейчас предпримем одну прогулку...

В автобусе Стас позорно заснул. Он долго клевал носом, потихоньку наклонялся вперед, вдруг резко встряхивался и откидывался назад. Потом голова его съехала набок и уютно легла на мягкий ондатровый воротник сидевшего рядом Козака. Козак сидел, не шелохнувшись, хотя ему было неудобно и тяжело. В автобусе было холодно и тихо, лишь завывал мотор, когда машина с разгона въезжала на обледенелую гору, да голос водителя, охрипленный динамиком, называл остановки. На Херсонской улице Козак осторожно постучал по колену Тихонова.

— Мы приехали, нам пора сходить.

— Да-да, войдите, — сказал Стас и проснулся. Он протер глаза, чертыхнулся, спросил: — Давно я уснул?

— От самого метро, почти сразу, — сказал Козак. — Ничего страшного, я вас понимаю, сам устаю на работе.

На Херсонской было темно, из близких лесов ветер доносил запах хвои и сухого холода, гребешки сугробов вспурживало белым дымом. Тихонов зябко поежился, взглянул на огоньки микрорайона, стоявшего в стороне от остановки, невольно рассердился:

— Давайте, ведите, товарищ Казанова. — И пропустил Козака вперед.

На заснеженной, пустынной улице холодный ветерок с крупой, как в аэродинамической трубе, продувал насквозь, знобили щеки и пальцы. Тихонов засунул руки под мышки и, сгорбившись, медленно шел за бойко вышагивающим Козаком и негромко постанывал: «Ой, как болит все, как я ужасно, нечеловечески устал, ой, как я хочу спать». Поныв немножко, Стас почувствовал, что стало легче. «Жалость к самому себе, видимо, хорошо согревает, — усмехнулся Стас и лениво подумал: — А я ведь даже не пощупал его слегка в автобусе — прекрасный будет номер, если он сейчас вынет пушку и вложит в меня пару полноценных свинцовых пломб. Ну, и черт с ним. Можно было бы полежать хоть немного до «Скорой помощи». Однако эта мысль добавила Стасу силенок. Он выпрямился и быстрым шагом догнал Козака, взял его под руку и стал с интересом расспрашивать о перспективах сельского строительства на Львовщине. Легкими, незаметными движениями ощупал карман Козака. Потом улыбнулся и сказал:

— Лев Алексеевич, в какой-то степени я склонен верить в вашу непричастность к трагическому происшествию на пустыре...

Козак остановился, прижал руки к груди и сказал:

— Дорогой товарищ Тихонов! Я же говорил вам об этом с самого начала. Так зачем нам идти сейчас в этот дом, смущать покой и моральное состояние замечательной женщины? Давайте лучше вернемся и выпьем по случаю благополучного разрешения всех вопросов бутылку коньяку!

Тихонов покачал головой.

— Нет. К Алешиной мы пойдем все равно. Но я заинтересован в вашей предельной искренности...

— Можете на нее рассчитывать, — снова приложил руку к сердцу Козак. Для этого он даже сдернул перчатку.

— Вот и расскажите мне подробно о том, как вы в понедельник уезжали из гостиницы.

— Мы договорились с Лагуновым часов в пять вместе выехать в город. Он сел писать письмо жене и писал его очень долго, так что мне стало жарко, и я уехал. — Пар изо рта Козака вырвался четкими круглыми клубочками.

— И все? — спросил Тихонов.

— Вроде бы все.

— Чтобы дополнительно простимулировать вашу искренность, я покажу вам небольшой психологический тест. Хотите, например, что-

бы я подробно рассказал, что и в каком кармане у вас лежит?

— Хочу,— нетвердым голосом сказал Козак.

— В левом боковом кармане пальто у вас лежит связка из семи или шести ключей. И спичечная коробка, в которой мало спичек. В правом кармане — папиросы «Три богатыря». В левом боковом кармане пиджака — дамская расческа. В правом — перочинный нож с двенадцатью разными приспособлениями, изготовленный заводом «Красная заря», ценой пять сорок. Да, и еще там лежит носовой платок. В левом внутреннем кармане пиджака у вас деньги, а в правом — портмоне. В портмоне билет в купейный вагон скорого поезда Львов—Москва, счет за десять дней проживания в гостинице, сильно почерканный список разных вещей, командировочное удостоверение. Да, забыл совсем,— квитанция на отправленную телеграмму. Там, где бумажник перегибается, отпорота подкладка и под ней — фотография Алешиной. В отдельном карманчике — десять рублей целой купюрой.

— Пятнадцать: десять и пять,— совсем плохим голосом сказал Козак.

— Может быть,— кивнул Стас.— Ну и, заканчивая наш опыт, могу сообщить, что в верхнем карманчике у вас лежит коричневая кожаная книжечка с тиснением: «Министерство сельского строительства УССР». Как, все правильно?

— В бумажнике есть еще записка в Госплан,— тихо сказал Козак.— Но откуда вам все это известно?

Стас многозначительно ответил:

— Профессиональная тайна. За ее разглашение я могу угодить под суд. Но если я вас убедил, что знаю о гражданине Козаке гораздо больше, чем он думал, и он станет искреннее, то обещаю на обратном пути рассказать, как я это узнал. Так почему вы не дождались Лагунова? Какая вам звонила женщина?— сделал «накидку» Стас.

— Пуся. Пуся Алешина.

— Ну-ну. И еще: говорил ли вам Лагунов, что собирается в театр?

— Да, кажется, говорил. Да-да, говорил, что хочет попасть в какой-нибудь театр, если повезет с билетами...

Дверь открыла высокая, полная брюнетка в скромном голубом халатике.

— Ой, ты не один!— Она смутилась и убежала в глубь квартиры. Из-за двери спальни доносился ее приглушенный грудной голос, чуть в нос:— Ну, Львенок, как тебе не стыдно приглашать друзей, не предупреждая меня заранее. Мне же вас и угостить нечем!

Козак нервно ходил под дверью.

— Пусенька, это не мой друг... То есть нет, я не так сказал,— друг, конечно, конечно. Но, видишь ли, у нас такое щекотливое дело...

Пуся вышла из спальни в нарядном черном платье, разрисованном павлиньими хвостами. И Тихонов вспомнил, как жутко орали павлины в ту ночь.

— Что ты лопочешь, Львенок?— спросила она снисходительно, направляясь к Стасу с протянутой рукой.

— Тихонов,— представился он.

— Полина Владимировна,— кивнула Алешина. Она возвышалась над маленьким Козаком, как океанский фрегат.

— Ты помнишь, Пусенька, в прошлый понедельник, когда...— торопливо забормотал Козак.

— Минуточку,— остановил его Стас.— Я работник уголовного розыска.

Глаза Алешиной стали квадратными.

— Мне нужно знать, где провел вечер и ночь четырнадцатого февраля — в прошлый понедельник — ваш приятель Лев Алексеевич Козак.

У Алешиной челюсть отвисла аккуратным балконом. Она несколько раз глотнула воздух и раскатистым голосом, постепенно набиравшим силу, дала залп:

— Да вы что?! Да как вам не стыдно задавать мне такие вопросы? Этот человек,— она ткнула рукой в сторону Козака,— действительно бывает у меня в гостях. Но очень редко и всегда в благопристойное время! Я замужняя женщина, и ваши вопросы оскорбляют меня! Я инженер-экономист! И последний раз я его видела не меньше года назад!

— Как год назад, Пусенька? Ведь позавчера...— заверещал Козак.

— Замолчите, грязный человек, и не втягивайте меня в ваши плутни!

— Одну минуточку,— постучал Стас ключом о графин, как будто утихомиривая страсти на собрании.— Полина Владимировна, я прошу вас серьезно отнестись к моему вопросу, потому что речь идет об убийстве.

— Пусенька, родная моя, пойми, речь идет об убийстве,— застонал Козак, пытаясь обнять Алешину за талию.

Алешина одним движением отшвырнула его от себя.

— Позвольте, позвольте, товарищ! Я вас знать не желаю и видела последний раз в прошлом году в присутствии своего отсутствующего супруга. И попрошу вас не марать моего доброго имени! Не смейте больше за версту подходить к нашему дому! Я еще к вам на работу сообщу о вашем недостойном поведении!

— Пусенька, о чем ты говоришь! Пойми, что все это очень серьезно, а товарищ Тихонов вовсе не имеет в виду чего-то другого...

— Прекратите эти неприличные разговоры. Я официально заявляю, что вас здесь не было и я вас вообще... плохо знаю...

Продолжение следует.

ТРИ СТУПЕНЬКИ

Девяносто четыре ступени — крутой и длинный путь вверх — должен был пройти известный французский фигурист А. Кальма для того, чтобы донести факел с олимпийским огнем до огромной чаши, вознесенной над Греноблем. Всего три ступеньки вверх перешагнула советская команда. Но насколько труднее и протяженнее был этот маршрут!

Каждая из трех ступеней была как бы одним актом спортивной драмы, за развитием которой со все нарастающим волнением следили не только те, кто имел возможность занять места в гренобльском Стад де Гласс, но несметные телевизионные толпы любителей хоккея чуть ли не всего мира. И когда мы смотрим теперь на трех спортсменов, занявших вечером 17 февраля пьедестал почета, посылающих свои усталые улыбки в объективы фотокорреспондентов, перед нами возникает не столько торжественный акт вручения наград, сколько три акта невиданной по напряжению борьбы.

Хоккей — одна из самых экспансивных, стремительных, технически сложных игр современного спорта, но я убежден, что он завоевал столь глубокий интерес зрителей прежде всего потому, что представляет своего рода психологическую загадку. Как удается так полно, так до конца слить воедино характеры восемнадцати разных людей? Вот на какой вопрос ищут ответа зрители.

Слитностью человеческих начал всегда была сильна наша сборная. Она особенно спаялась - за последние шесть лет, и спортсмены, составляющие ее, удивительно дополняли друг друга. И вот мы не почувствовали этого в первой же серьезной игре с командой «Тре Крунур», с которой наши хоккеисты всегда играют трудно. И вот первый акт гренобльской драмы. На льду советские и шведские хоккеисты. Два периода позади, а счет ничейный — 1:1. И что самое главное, не видели мы в действиях наших спортсменов той несокрушимой спаянности, в основе которой лежит вера в силы товарищей, убежденность, что твои усилия всегда подхватят друзья по команде.

С разрывом всего в одну шайбу покинула поле наша сборная. И именно после этого матча тренер канадцев Д. Бауэр и заявил, что матч СССР — Швеция убедил его в том, что канадцы могут претендовать на золотые медали.

Почему же столь неуверенно провела важнейшую игру турнира наша команда? Почему наш непробиваемый вратарь Виктор Коноваленко так плохо провел эту встречу?

Сразу после матча Коноваленко сказал: «Я-то знал, что играть будет тяжело. Но что так тяжело — не думал...» Смысл этих слов, помоему, заключается в разобщенности действий сборной, и это не могло не сказаться на вратаре. Игра со шведской сборной раскрыла опасные несоответствия сборной СССР образца 1968 года.

Только психологическим перенапряжением можно объяснить то, что произошло в следующем матче, в игре с командой Чехословакии. Как удивительно тревожно стали развиваться события еще до начала этой встречи! Двадцативосьмиминутная, совершенно неожиданная задержка—и шайба, забитая Борисом Майоровым на двадцать восьмой секунде... Теперь все признают, что эта первая шайба самым непостижимым образом не только не внесла успокоения в настроение команды, но еще больше разобщила ее. Почему? Может быть, наши спортсмены решили, что повторяется люблянская ситуация, когда старшиновское звено тоже открыло счет, достигший к финальной сирене семи шайб? Но ведь после чемпионата мира 1966 года много воды утекло. После Любляны завершил свой путь Константин Локтев, который, как теперь считают, играл важную роль в психологическом сплочении команды. После Вены финишировал другой член замечательного армейского звена—Александр Альметов, а затем и Вениамин Александров, получив травму во время матча со шведами, оказался вне игры в Гренобле. В Гренобле в матче с чехословаками вместо счастливого, блистательного альметовского звена играло звено Ионова, звено дебютантов, и против него-то тренер Я. Питнер выставил своего чехословацкого Фирсова — Голонку.

Вот это-то обстоятельство и явилось не только тактическим, но и психологическим стержнем матча. Именно первая тройка чехословацкой сборной, которая успевала действовать и против тройки Старшинова, решила исход борьбы. Достаточно вспомнить, что на ее долю приходится по крайней мере три из пяти забитых шайб, а еще одна хоть и забита была игроком третьей тройки — Хеймой, но с подачи партнера Голонки — Иржика.

И вот еще одна психологическая загадка: если первая шайба, забитая нами, размагнитила игру советских хоккеистов, то пятая шайба, заброшенная тем же Иржиком с подачи того же вездесущего Голонки, внезапно необычайно сплотила действия советской сборной. Можно ли забыть то чудо, которое произошло на поле под самый конец игры, на пятьдесят седьмой минуте, когда в одно мгновение сперва Полупанов, а потом и Майоров довели счет до 4:5. Увы, всего нескольких секунд не хватило нашей команде, чтобы добиться столь желанной ничьей.

Так разразилась одна из самых главных сенсаций гренобльской олимпиады (а ведь в этих сенсациях не было недостатка во всех видах программы). Впервые после женевского турнира 1961 года советские хоккеисты оказались побежденными их главными соперниками по всем олимпиадам и чемпионатам. Но именно эти три последние минуты проигранного матча убедили нас в том, что, если чехословацкая сборная дрогнет перед непреклонной решимостью шведов победить хотя бы одного из трех своих главных соперников, надежды патера Бауэра никогда не осуществятся,— канадцы будут разгромлены сборной СССР...

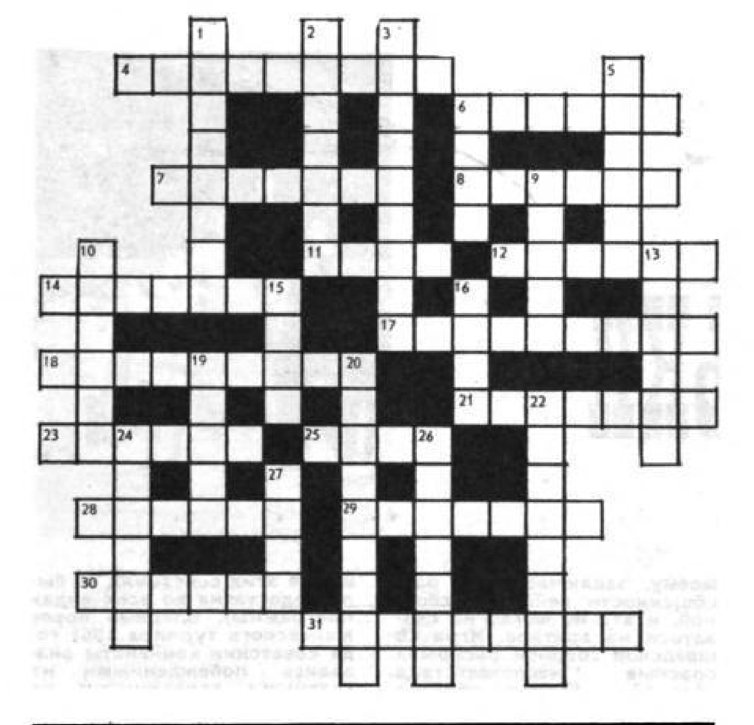
Как мы знаем, так это и случилось. Если в матче с командой Чехословакии можно было говорить о чуде трех последних минут, то в игре с канадцами надо говорить о чуде всех шестидесяти минут встречи. Высокое вдохновение преобразило нашу сборную, помогло ей забыть все трудности, угнетавшие ее на этом чемпионате,— неравноценность троек, слабую игру некоторых защитников, недостаточно слаженные действия в начале турнира спартаковского звена, лишенного привычного для него дуэта защитников. Неужели это та самая команда, которая едва победила шведов? Та самая, которая не смогла сплотиться в борьбе против сборной Чехословакии?

Так третий акт хоккейной драмы в Гренобле завершился победой нашей команды. И вот перед нами снова стоит на пьедестале почета, на самой высшей ее ступеньке, капитан команды Борис Майоров. Так надо ли вспоминать сейчас наши неудачи в Гренобле, искать причины неожиданного поражения? Не лучше ли просто насладиться победой? Нет, не лучше. Не лучше, потому что через год на пьедестал почета снова поднимутся капитаны трех сильнейших команд мира. И на сей раз этот пьедестал будет стоять не на гренобльском, а на пражском стадионе. В Праге состоится первенство мира 1969 года. И на своем родном льду снова будет в состязании с нами чехословацкая сборная, еще более окрепшая, еще более обстрелянная, еще более уверенная в том, что она готова для борьбы за золотые медали.

«Чемпионат мира 1969 года,— эка куда махнул,— возразят мне.— До него же еще целый год!» Но до Праги не год, а всего три шага, те же три ступеньки, если считать первой чемпионат СССР, который сейчас возобновился после Гренобля, второй — Кубок страны, который завершится в апреле, и третьей — подготовку новой сборной образца 1969 года.

Нет, времени не так уж много, и нам надо тут же, сразу, учесть все то, что так затруднило нам в Гренобле подъем на высшую ступеньку пьедестала почета.

В. ВИКТОРОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Ученое звание. 6. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». 7. Спортивное сооружение. 8. Малая планета. 11. Река в Италии. 12. Скопление водяных паров в атмосфере. 14. Искусство управления самолетом. 17. Художник, изображающий животных. 18. Оптический прибор. 21. Старинный университетский город в Великобритании. 23. Образец, по которому изготавливают изделия. 25. Равномерное чередование, размеренность. 28. Часть зрительного зала. 29. Химический элемент. 30. Декоративное растение семейства мимозовых. 31. Математический термин.

По вертикали:

1. Танец. 2. Старая русская мера объема сыпучих веществ. 3. Пятая ступень гаммы. 5. Закрытый конный экипаж. 6. Автор романа «Труженики моря». 9. Надстройка на палубе судна. 10. Басня И. А. Крылова. 13. Стихотворение А. В. Кольцова. 15. Серый попугай. 16. Столица Эквадора. 19. Вид гравюры. 20. Глагольно-именная форма. 22. Русский почвовед, ученик В. В. Докучаева. 24. Советский детский писатель. 26. Легкая хлопчатобумажная ткань. 27. Сольное вокальное произведение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

5. Ломоносов. 8. Полька. 9. Леонов. 12. Чогори. 13. «Макбет». 14. Такси. 16. Байкал. 18. Савона. 19. Пыжатка. 22. Основа. 23. Тартас. 24. Марка. 27. Филиал. 28. Сверло. 29. Петкер. 31. Золото. 33. Перкарина.

По вертикали:

1. Толь. 2. Мозаика. 3. Поллукс. 4. Соло. 6. Колонка. 7. Морковь. 10. Лобачевский. 11. Леонкавалло. 15. Кунашир. 17. Лепса. 18. Старт. 20. Колизей. 21. Оркестр. 25. Америка. 26. «Кобзарь». 30. Киев. 32. Лань.

На первой странице обложки:
Гренобль. Капитаны трех лучших команд X Олимпийских игр и мира на трибуне почета. В центре: Борис Майоров (СССР), слева — Йозеф Голонка (Чехословакия), справа — Маршалл Джонстон (Канада).

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Ранней весной.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

**Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00374. Подписано к печати 4/III 1968 г.
Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 357. Заказ № 579.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Письма в редакцию

Упрощенческие рекомендации

Дорогая редакция!

Я с удовольствием прочла в «Огоньке» повесть А. Калинина «Цыган» и была рада за кинозрителей, когда на экраны вышел одноименный фильм, сделанный на студии имени А. П. Довженко актером и режиссером Е. Матвеевым. Мне небезразличны кинозрители потому, что сама я работаю администратором в кинотеатре.

Картина, как и повесть А. Калинина,— глубоко народное, психологически насыщенное произведение. Оно трогает душу, воскрешает в памяти трагические события Великой Отечественной войны, которые особенно остро обнажили и высокие качества и, наоборот, темные стороны в облике, характере людей.

Фильм «Цыган» привлек внимание зрителей и шел с большим успехом. По требованию зрителей нам пришлось против обыкновения повторить демонстрацию. Примолкшие, задумчивые выходили люди после сеанса. Фильм волновал, трогал каждого.

С большим недоумением прочла я в № 1 журнала «Искусство кино» заметку, грубо, сплеча развенчивающую фильм, получивший одобрительную оценку и прессы и зрителей. И мне хочется возразить автору С. Михайловой в главном ее обвинении фильму. Она пишет: «Отчего, кажется, не открыться матери, не сказать правды взрослому сыну, который так тянется к кузнецу-цыгану, почему не назвать отцом отца — немолодого, одинокого и явно симпатичного ей, тоже всю жизнь одинокой, человека? И страх и переживания, терзания души не оправданы ни высшим, духовным, ни обыкновенным, житейским смыслом».

Как же можно делать такие упрощенческие рекомендации?!

А если предположить, что Клавдия Петровна очень любила своего погибшего на войне мужа и научила Ваню любить память об отце! И забыл ли уже Будулай свою красавицу цыганку?.. Не так просто этим людям зачеркнуть одиночество! Ведь оно пришло не от собственной, душевной опустошенности, а от жестокого опустошения горем войны. Очевидно, в данном случае «высшее духовное» вовсе прошло мимо журнала, попытавшегося развенчать работу студии, принесшую читателям и зрителям радость глубокого раздумья о жизни.

Евгения ФЕЛЬДМАН,
администратор кинотеатра
«Перекоп»

Этому веришь

Во втором номере журнала за этот год на цветных вкладках были напечатаны произведения А. Лактионова. Они сопровождались статьей художника Е. Кацмана. И картины и статья вызвали большое число благодарных откликов.

Наш читатель из Тулы И. В. Поляков рассказывает о своих посещениях художественных выставок в Манеже. На одной из них он особенно запомнил портрет старого большевика Петрова работы Лактионова. С тех пор он и любит этого художника.

«На мой взгляд, очень хорошо и своевременно помещена вами статья о художнике Лактионове,— пишет товарищ Ховаев из Днепропетровска.— Простым языком, образно и убедительно доказана автором нелепость упреков художнику в натурализме. Лаконично и доходчиво вскрыта существенная разница между реализмом и натурализмом. Этому веришь!

Хочу выразить редакции благодарность за популяризацию положительного, прекрасного реалистического искусства!»

О понятности языка подлинного искусства пишет и К. А. Королев из Перми: «Я не специалист по живописи, просто читатель, глубоко любящий и литературу и живопись прежде всего за то, что они доступным для меня языком, без всяких фокусов, раскрывают свои глубокие замыслы и красоту. Таков Лактионов. Его картины волнуют меня, будят в моем сердце чувства, заставляют думать; его картины понятны мне, полны жизни и очарования. Портрет летчика-космонавта В. Комарова, помещенный на вкладке «Огонька», изумителен по своей глубине и по манере исполнения. Сколько я ни смотрю, не могу насмотреться, не могу оторваться».

Из Болгарии пришло письмо от Стефана Целковски — художника-любителя: «Искусство Лактионова — это искусство, которое недоступно для многих живописцев. Я бы даже сказал, недостижимое искусство».

Пишут инженеры-строители из Мурманска И. Я. и А. П. Буштрук: «Мы, инженеры-строители, очень любим живопись. А нашим особенно почитаемым художником является Александр Лактионов... Творчество этого художника близко нашему современнику, и, конечно, не случайно на последней Юбилейной выставке в Манеже особенно много посетителей задерживается у его полотен. Жаль, конечно, что издательство «Искусство» не издает репродукции художника, поэтому просим в нашем журнале «Огонек» дать еще несколько репродукций с картин художника А. Лактионова. Особенно хочется поблагодарить Евгения Александровича Кацмана за великолепную статью в журнале «Три встречи с Лактионовым». Мы очень давно ждали такой правдивой оценки творчества художника на страницах печати и считаем, что т. Кацман выразил не только свое мнение, но и мнение всех посетителей выставки, что творчество Лактионова является самым конкретным и реальным, поэтому оно понятно самой широкой аудитории».

Прочитав в статье Е. Кацмана, что А. Лактионов работает над серией портретов космонавтов, этому радуются многие наши читатели: поездные диспетчеры В. Трубенева и О. Кирилюк из города Смела, А. Маклецов из Волгограда, О. Некрасова из поселка Заозерный, Красноярского края, Л. Прокушева из Полоцка и многие, многие другие.

Русский устный.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

География.

Русский письменный.

Химия.

Астрономия.

Математика.

Зоология.

Ботаника.

История.

Поведение.

Труд.

